

Александр & Майя

НАШРАСНАЯ

прелюдия

ЭЛЛА МЕЙЗ

Меня зовут Майя, и я уже не та девушка, какой была месяц назад. Сейчас в моей груди осела пустота. А сердце разбито горем. Бывают мрачные ночи, когда я едва могу дышать, когда чувствую тяжесть потери, мчащуюся по моим венам, наполненные болью мгновения, когда вспоминаю, как все мое существо состояло лишь из полных агонии криков, в то время как я держалась за холодную безжизненную руку отца. Но ведь в каждой истории, как и в этой, всегда есть герой? Герой, которого я начала презирать с того момента, как он открыл свой рот. Его зовут Александр. Он — моя неизбежность, которую я никогда не ожидала встретить. Меня ведет лишь разбитое сердце. Его существование, его прикосновения — все, что он делал, чтобы моя боль стала терпимой, оставило во мне неизгладимый след. Как бы то ни было, я уверена, что, уйдя, стану для него лишь смутным воспоминанием.

Элла Мейз

Напрасная прелюдия

Серия: Александр & Майя - 1

Перевод: loya_inaеkekon

Редактура: Татьяна Горн, Melinda01, Августа Дарк, VolkovaM

Сверка: RyLero4ka, Internal

Вычитка: Татьяна Горн

Тяжело быть вдали от того, к кому тебя тянет всем сердцем.

День первый...

Когда я впервые вошла в этот отель, мое сердце было разбито вдребезги. Я думала, что просто приду сюда, выполню задание и уйду. Ни осложнений, ни чувств. Кроме того я практически лишилась способности чувствовать. Это довольно большой недостаток, когда ты имеешь дело со скорбью, верно?

Некоторые считают это жесткой правдой. Они утверждают, что однажды умрут, но это вовсе не значит, что им все равно. Но некоторые люди принимают это тяжелее, чем другие. Они живут с разбитым сердцем, часть которого потеряна навсегда. Но это не означает, что они — те единственные, кто волнуется.

Хотя я и не утверждаю, что особенная или что моя скорбь была более ощутима, иногда я была ходячей печалью. Казалось, что тот, кого я потеряла, значил для меня намного больше. И что я никогда больше не полюблю так, как любила все эти двадцать пять лет.

Когда я впервые вошла в этот отель, то и не подумала бы, что именно здесь влюблюсь в самого невероятного мужчину. Моя боль станет терпимой в его объятиях, только заменится на другой вид агонии, настолько сильной, что от нее захватит дух. Именно здесь, с ним, я снова почувствую себя единым целым, пусть даже на короткое время.

Не важно, как я выглядела, когда вышла из лифта, ведь я и не подозревала, что встречу его — мужчину, которого не забуду до конца своих дней.

Несмотря на то, что была тепло одета, я все равно ощущала холод, просачивающийся сквозь мое толстое пальто. Зима — мое второе любимое время года после весны. Много счастливых воспоминаний связано с зимними детскими играми. Тем не менее, переехать в Нью-Йорк в феврале было не самым умным решением, которое я когда-либо принимала. Особенно в такое время как это.

— Добрый вечер, мисс Харт. Чем я могу помочь? — спросила администратор.

— Привет, Джулиет. Правда, я так ненавижу делать это, но, думаю, мне снова необходимо сменить номер.

— О, нет. Что-то не так с новым? Я думала, вопрос шума будет урегулирован, когда мы переместили вас дальше по коридору.

Я вздохнула, чувствуя себя неловко из-за просьбы о смене номера — второй раз за один день. Обычно я могла пренебрегать такими вещами и пережить почти все. Но в этот раз не смогла. Я отчаянно нуждалась в возможности свободно дышать. К счастью, Джулиет не казалась раздраженной этой просьбой.

— Знаю, и спасибо вам за это, правда. Но, думаю, в этот раз вы поселили меня в комнату для курящих. Я пыталась проигнорировать это, но тот, кто занимал номер до меня, вероятно, скурил там несколько пачек сигарет. Даже стены и кровать пропахли дымом.

Она спросила номер моей комнаты и проверила кое-что на компьютере.

— Извините, мисс Харт. Должно быть это ошибка. В прошлый раз я убедилась, чтобы номер соответствовал всем вашим требованиям, прежде чем заселить вас. Должна была быть комната для некурящих. Я так сожалею; это полностью моя ошибка. Не волнуйтесь, мы решим этот вопрос через минуту.

Она смотрела на меня и нервно улыбалась, будто пыталась оценить степень моего

раздражения. Работа в таком большом отеле не может быть легкой, особенно когда он был практически заполнен. Возможно, Джулиет боялась, что я захочу поговорить об этой ошибке с управляющим. Однако всему виной была пара из соседнего номера, у которой был секс, как у кроликов. Я едва вынесла их первый секс продолжительностью в два часа. И когда вышла из номера, у меня в ушах стояли их крики и не такие уж сексуальные похрюкивания, эхом отдающиеся в моей голове. Это стало первой причиной, почему я в итоге спустилась вниз попросить сменить номер.

Прошло только шесть часов с тех пор, как я прилетела в Нью-Йорк. Я еле стояла на ногах и если вскоре не смогу поспать, уверена, что упаду в обморок от истощения. Только упрямство заставляло меня стоять на своем.

И обещание, которое я дала отцу.

Я улыбнулась, чтобы успокоить ее.

— Ничего, все нормально, — сказала я, — мне правда неловко от того, что опять спустилась вниз, но я буквально не могла дышать. Мне подойдет любой, какой вы сможете найти. Даже этаж не имеет значения.

Ее губы приподнялись; поза расслабилась. Я наблюдала за ее движениями, когда она подыскивала для меня другие возможные номера. Надеюсь, что она сможет найти для меня номер пораньше, я огляделась в лобби. Было почти два часа ночи, но там все еще слонялись люди.

Пары громко смеялись, заполняя ночной воздух болтовней. Несмотря на холод снаружи, ночь все еще была оживленной, будто временная петля. В Нью-Йорке нет времени на отдых.

Играла мягкая музыка, которая отвлекла мое внимание от людей, и я сфокусировалась на знакомых нотах.

Я знала эту песню. И любила ее.

Стиви Уандер "Я позвонил, только чтобы сказать, что люблю тебя..."

Это была фортепианная версия, и мои глаза наполнились слезами, когда я подумала об отце за его старым пианино.

Прекрасная песня, хотя воспоминания, связанные с ней, были еще прекраснее, чем она сама.

Осматриваясь вокруг усталым взглядом, я чувствовала себя одинокой. Эта поездка не должна была быть такой. Я не должна была быть здесь одна. Черт, в первую очередь, я даже не хотела приезжать сюда. Тем не менее, независимо от того, как я относилась к этой ситуации, я должна была найти моего единственного живого родственника и передать ему письма от отца, которые он возвращал многие годы.

Но сначала мне нужна спокойная ночь, чтобы поспать.

Может быть, если бы все замедлилось, я бы смогла совладать с моими эмоциями. Когда я закрыла глаза и попыталась отключиться от всего и всех, глубокий и приятный голос вырвал меня из минутного умиротворения.

— Добрый вечер, Джулиет. Мой друг должен был оставить кое-что для меня.

— Да, мистер Росс, он был здесь час назад.

Джулиет повернулась, чтобы достать то, что оставили для этого парня, а затем, вспомнив про меня, повернулась обратно.

— Простите, мисс Харт. Это займет всего секунду.

— Все в порядке, — ответила я, но она уже ушла.

Я почувствовала на себе его тяжелый оценивающий взгляд, который заставил меня

волноваться. Мне хотелось узнать, соответствует ли голос внешности, так что я повернула голову и одарила его легкой улыбкой.

— Привет, — произнесла я тихо.

Он выглядел на несколько лет старше меня. Чуть за тридцать, возможно? Его черты лица, осанка, то, как он держал себя, заставили бы его дважды обернуться, чтобы тщательно изучить. Все в нем было привлекательным.

Но именно его глаза затронули что-то во мне. Они были прекрасного оттенка лесного ореха, голубыми с коричневыми пятнышками по всей радужке. Это было необычно, так ярко, будто они жили собственной жизнью. Был и другой вид силы в них. Сила, которая могла легко лишить вас дара речи. К сожалению, у него не было красивой улыбки, соответствующей глазам. Забудьте о "красивой", он вообще не улыбался.

Когда я, наконец, смогла оторвать взгляд от его губ и снова взглянуть в глаза, я увидела, что он еще больше нахмурился, и моя собственная улыбка исчезла. Хотя его взгляд не отрывался от меня, и он просто коротко кивнул мне и снова повернулся к Джулиет.

Она вернулась с широкой улыбкой, — я предположила, что она предназначалась специально для мистера Росса — передавая ему большой конверт.

Раздражительным тоном он пробормотал сухую благодарность, которая не звучала похожей на то, что он благодарил за что-либо, и ушел.

Я могла слышать и чувствовать его власть, дерзость и равнодушие. Этот холод, одиночество. Всем своим видом он будто говорил: "Я веду себя лучше, чем каждый из вас, я лучше, чем вы". Он звучал просто как подонок, который беспокоился только о себе.

В то краткое мгновение не имело значение, что я даже никогда не была с ним знакома, моя неприязнь к нему была из-за того, как он вел себя, будто владел этим местом и людьми в нем.

Насколько горяч он бы ни был, с таким-то отношением, я не удостоила бы его даже секундным взглядом.

Неужели так тяжело послать кому-то слабую улыбку или хотя бы пожелать доброй ночи?

Игнорируя извинения Джулиет за ожидание, я смотрела, как он приветствовал потрясающую блондинку около лифтов. Хотя он и не посчитал меня или Джулиет достойной улыбки, ей он улыбнулся. И кроме того печального факта, от которого еще больше хотелось упасть в обморок, было то, что легкой улыбке удалось смягчить его хмурое лицо.

Как только он оказался рядом с ней, она наклонилась и припала к его губам в глубоком поцелуе.

Им каким-то образом удалось выглядеть еще более привлекательно, когда они стояли рядом друг с другом. Я могла бы легко насчитать более чем несколько взглядов, направленных на них: женщины, фантазирующие о том, чтобы оказаться в центре его внимания; мужчины, желающие, чтобы в их объятиях была такая женщина.

В его прекрасно сшитом, вероятно, очень дорогом черном костюме он выглядел даже более властным, и не нужно было сильно задумываться, чтобы представить, каким было его тело под всем этим. Добавьте в эту смесь великолепное белое платье, в которое была одета блондинка, и вы просто получите прекрасную пару.

Я продолжала наблюдать, как блондинка сложила руки на его груди, откинула голову и рассмеялась над тем, что он сказал. Ее светлые волосы сияли под мягким светом. Затем он наклонился и поцеловал ее в уголок губ, властно обернул руки вокруг ее талии, чтобы

притянуть к себе.

Пока они ждали лифт, она потянулась к его галстуку, чтобы ослабить узел, а ее изящные маленькие ручки поглаживали его грудь сквозь белую, застегнутую на пуговицы рубашку.

Я не могла оторвать от них глаз. Все, что я могла видеть, это ее спина и эти длинные гладкие ноги, а то, что она ему говорила, стерло слабую улыбку с его лица, и появилась более широкая и искренняя. Явная искорка отразилась в его глазах, и он наклонился и поцеловал ее, будто не было больше в мире никого кроме них.

Я покраснела и развернулась, обнаружив, что Джулиет мечтательно наблюдала за той же сценой. Я откашлялась, злясь на себя, что подсматривала за личной жизнью других людей.

— Итак, есть другая комната для некурящих? Думаю, я готова упасть здесь и уснуть.

Она улыбнулась мне. Я знаю, она завидовала им также сильно, как и я, и почему-то знание этого заставляло меня одновременно злиться и грустить еще больше.

— Я предоставлю вам номер улучшенной категории. Думаю, он вам действительно понравится. И надеюсь, вы сможете принять извинения, поскольку до сих пор мы были не очень радушными хозяевами для вас. Ряд наших апартаментов на верхних этажах был отремонтирован, так что это будет номер наивысшей категории, которую я могу предложить. Надеюсь, ваше дальнейшее пребывание будет более приятным.

— Ох, спасибо вам. В этом не было необходимости, но еще раз спасибо.

Я взяла новую ключ-карту, которую она пододвинула мне, и протянула ей свою старую.

— Думаю, там весьма удобная постель, зовущая меня по имени... — я проверила номер на карточке, — ...номер 2460.

Ее взгляд потеплел.

— Хорошей ночи, мисс Харт. Пожалуйста, дайте нам знать, если есть что-то еще, чем мы можем вам помочь. Я позабочусь, чтобы ваш багаж доставили в ваш новый номер.

После благодарности и обещания позвонить, если понадобится что-нибудь еще, я развернулась и направилась к лифтам.

Когда я увидела, что прекрасная пара еще стояла там, мои шаги замедлились. Что, черт возьми, они все еще там делали? Невозможно, что они все еще ждали лифт. И ни за что на свете я бы не присоединилась к ним в таком маленьком пространстве.

Несмотря на то, что мои глаза закрывались, я замедлила шаг и вела себя так, будто любуюсь мраморным полом и мебелью в зоне отдыха.

Да, я могла бы воспользоваться лестницей, но не верила, что смогу подняться на сорок какой-то там этаж, не заработав при этом сердечный приступ на десятом этаже. Не сегодня... или когда-либо еще.

Когда вокруг уже больше нечем было любоваться, я с большой неохотой пошла в их направлении и мысленно подготавливала себя к не очень комфортной поездке на лифте.

Как только я ускорила свои шаги и оказалась возле них, двери лифта со звоном открылись, и девушка соблазнительно втащила мужчину за галстук. По крайней мере, они больше не целовались. Так все и было.

Я остановилась в нескольких шагах, не уверенная стоит ли мне входить без приглашения. Когда мои глаза проследовали за ее руками, расстегивающими его рубашку, я заметила мускулистую грудь. У меня побежали мурашки по коже, и я заставила себя отвести взгляд, но обнаружила, что мужчина смотрел прямо мне в глаза.

Я заметила, что он опять нахмурился. Кроме того, его глаза сверкали гневом, и они

были сфокусированы исключительно на мне.

Тогда я почувствовала, как мое лицо краснеет, и быстро перевела взгляд на мраморный пол. Я вздрогнула и запахнула пальто плотнее. Несколько человек натолкнулись на меня, спеша войти внутрь, что заставило меня замяться, но я не могла оторвать глаз от пола, до тех пор, пока я не услышала звук закрывшихся дверей лифта.

* * *

Моя новая комната была огромной по сравнению с той, в которой я жила раньше. Панорамные окна и мебель золотого, белого и черного цветов привлекли мое внимание в первую очередь, как только я зашла. Несмотря на то, что город выглядел мрачным с заснеженными крышами домов, вид был потрясающим. Комфортная зона для отдыха предшествовала спальне с большой двуспальной кроватью и белоснежным постельным бельем. Я застонала, умирая от желания прыгнуть на кровать и свернуться калачиком под одеялом.

Хотя это было и трудно, я все же проигнорировала постель и направилась прямо к окну. Я прижала ладонь к холодному стеклу, а затем коснулась его лбом. Я отчаянно хотела почувствовать себя живой. Ощутить хоть что-то.

Как я должна наслаждаться собственной жизнью, если единственного человека, который обо мне заботился, не было здесь со мной? Как я должна дышать в этом городе, если была на грани потонуть в собственном горе?

— Ох, папа... — прошептала я, — как же сильно я по тебе скучаю.

Я выдохнула, пытаясь взять себя в руки, и оставила запотевший след на окне. Я все еще могла видеть его лицо, все еще помнила его теплую улыбку.

То, как он заставлял меня смеяться, то, как он был уверен, что я знаю, что я — это весь его мир...

Я услышала стук в дверь и заставила себя прийти в норму за несколько минут.

— Привет, Джеймс, — я прочла его имя на бейдже и тепло улыбнулась, открывая дверь шире, чтобы он мог войти. Это был тот же парень, что приносил мой багаж в прошлый номер.

— Добрый вечер, мисс Харт, — он улыбнулся в ответ. — Куда поставить ваш багаж?

— Куда угодно. Мне так неловко, что я доставила вам столько неудобств, — сказала я, пытаясь найти в сумке кошелек.

— Такова моя работа, никаких проблем. Это один из наших лучших номеров. Вы уже заметили, какой вид открывается из окон?

— Трудно не заметить. Захватывает дух на самом деле.

Он поставил последнюю сумку в углу и снова повернулся ко мне лицом.

— Надеюсь, вы насладитесь вашим пребыванием здесь.

— Абсолютно уверена в этом. Опять же, спасибо вам за все.

Вознаградив его чаевыми, я закрыла за ним дверь и прислонилась к ней спиной. Первый день прошел, а впереди — еще девять.

Собираясь распаковать багаж, я заметила еще одну дверь рядом со спальней. Из любопытства я попыталась открыть ее, но она оказалась заперта. Поскольку ванная комната

находилась рядом с дверью номера, то, вероятно, эта вела в соседний номер. Надеюсь, что она также заперта с другой стороны — а я не особо хотела увидеть здесь неожиданных посетителей — я разделась. Отрегулировав термостат в номере, я взяла iPod и подошла к кровати.

Помимо того, что у меня был лучший вид из окна, также, на прикроватной тумбочке, здесь имелась телефонная док-станция ^[1] — по сути, единственная другая привилегия, которая меня волновала.

Повернувшись лицом к окну, я села на левую сторону кровати и прижала ноги к груди. Даже при том, что тишина в комнате была устрашающей, меня уже знобило, понимая, что я сейчас услышу.

Независимо от того, где я была или что пережила, я чувствовала тот же прилив возбуждения в теле, который ощущала всякий раз, когда слышала, как он играет. И подготовка к этому заранее не помогала облегчить боль.

Когда мое дыхание было снова под контролем, я установила iPod на док-станцию и выбрала песню, которую искала.

Пьеса Равеля ^[2] "Павана на смерть инфанты" ^[3], соло на пианино.

Буквально перед тем как заиграла музыка — в те несколько секунд мрачной тишины — клянусь, мое сердце перестало биться. И вскоре, совершенные ноты композиции заполнили комнату, пронзили мое тело и душу. Как ярко я помнила тот день, когда отец записал ее для меня. Лишь за несколько месяцев до того, как потеряла его.

Он сказал тогда:

— *Когда я уйду, если ты когда-либо почувствуешь, будто у тебя никого нет, я хочу, чтобы ты слушала это, Майя. Я хочу, чтобы ты помнила, что куда бы ты ни отправилась, что бы ты ни делала, я всегда буду с тобой. Ты никогда не будешь одна, моя маленькая звездочка.*

Я помнила каждый момент того дня: о чем мы говорили, как я плакала в ванной, лишь бы он не увидел меня и не расстроился. Как много раз он улыбался мне — хотя знал, что его жизненный путь подойдет к концу через несколько коротких месяцев. Я также помнила, как безнадежно пыталась уместить минуты в секунды, часы в короткие минуты и года в эти драгоценные моменты.

Я помнила каждое мгновение, которое имело хоть какое-то значение. И я боялась, что однажды не смогу вспомнить все. Что со временем все это исчезнет из моей памяти.

Возможно, сначала это будут его слова, которые я не смогу вспомнить. Звук голоса, когда он говорил: *"Я люблю тебя, моя маленькая звездочка"*.

Затем, со временем, возможно, я забуду его улыбку, морщинки вокруг глаз, смех.

Я боялась, что забуду все это. Что каким-то образом мои воспоминания будут у меня отняты.

Когда мое тело начало трясти от силы воспоминаний, и слезы, которые я так усердно пыталась сдержать, нахлынули на меня, я свернулась в клубок на постели и закрыла глаза, позволяя прошлому сокрушить меня.

Я представила его улыбку, слышала его смех, эхом отразившийся в моем сердце. Я почти чувствовала тепло его руки, потому что отчаянно держалась за него. Я все еще была с ним. Наши воспоминания все еще были со мной.

Я даже могла видеть печаль, оставившую неизгладимый след на его лице, когда он

играл эту композицию каждую ночь. Это было его спасением. Этот момент, эта песня была способом помнить и почитать его жену.

И теперь это было моим способом помнить его.

У меня была привычка украдкой выбираться из комнаты и тайно наблюдать за ним, забывшимся в каждой ноте. Ох, как я восхищалась им в эти моменты. Как прекрасно было слушать его. Видеть силу, которую он создавал, нажимая на несколько клавиш.

На его губах играла слабая улыбка, когда он вновь проживал воспоминания о женщине, которую любил. Он закрывал глаза, и его пальцы безупречно заканчивали пьесу, с той степенью эмоций, которую я смогла понять только теперь, когда повзрослела.

Наконец, я заснула, а мои слезы беззвучно падали на подушку.

Пока его драгоценная музыка заполняла эту ночь и мой маленький мир, я немного успокоилась, зная, что он наблюдает за мной.

День второй...

Лежа в постели, я смотрела, как медленно расходились темные тучи, как солнце просачивалось сквозь них, проникая в номер. Это, конечно, не давало никаких обещаний на легкий день.

Не давая себе и минуты на раздумья и воспоминания, я встала и приготовилась к завтраку и долгому дню, который собиралась провести в городе. В поисках того, кого хотела найти.

Собираясь, услышала стук в дверь.

— Доброе утро, мисс Харт, ваш завтрак.

— Должно быть, произошла какая-то ошибка, я ничего не заказывала, — сказала я смущенно.

— Не беспокойтесь. Это бесплатно в качестве извинения за неприятности с номером.

Я отодвинулась так, чтобы он смог вкатить тележку. Не закрывая дверь, я последовала за ним в гостиную.

— Куда поставить поднос, мисс Харт?

— Ух, подойдет кофейный столик, спасибо вам.

Я держалась на небольшом расстоянии и смотрела, как он поставил поднос на стол, идеально все размещая. Закончив, он повернулся ко мне и улыбнулся.

— Если у вас будет свободное время, то мы приглашаем вас на обед за наш счет в одном из самых популярных ресторанов в отеле. Все, что вам нужно сделать, — это направиться на пятьдесят второй этаж и оставить номер своей комнаты на стойке регистрации. Мы будем рады видеть вас.

Что я могла сказать, если даже не знала, смогу ли вообще вернуться в отель сегодня, не говоря уже об обеде. Но я еще раз поблагодарила его за гостеприимство и повторно пояснила, что все это было необязательно.

Когда я закрывала дверь, дав на чай, дверь рядом с моим номером открылась, и вышел он. Под ним я имела в виду вчерашнего костюмчика, который поймал меня за подглядыванием за ним и его девушкой.

Он был одет в очередной дорогой костюм. В этот раз в пиджак темно-синего цвета с белой накрахмаленной рубашкой и черным галстуком. Его темно-каштановые волосы выглядели влажными и слегка выющимися на концах, будто он только что вышел из душа.

Моя дверь была слегка приоткрыта, и я застыла на месте:

— Вы, должно быть, шутите, — пробормотала я себе под нос.

Каким-то образом он услышал меня и обернулся. Когда наши взгляды встретились, я сглотнула.

Его глаза были более яркими в дневное время, но все еще холодными.

Он приподнял бровь и спросил:

— Могу я вам чем-то помочь?

Его голос был такой же мрачный, как шторм, который собирался за окном. Он был резкий, повелительный и сильный. Но, к сожалению, отстраненный.

— Нет, извините, — пробормотала я. Смотря куда угодно, только не на него, я поспешно закрыла дверь прямо перед его лицом.

Чувствуя себя униженной, я проклинала себя за то, что вновь была поймана за разглядыванием его.

Что со мной было не так, что меня поселили в комнату, смежную с его? Это вообще возможно?

Пытаясь полностью вытеснить его и его тревожные глаза из моих мыслей, я присела, чтобы съесть свой завтрак-сюрприз и открыла блокнот, в котором были все записи о единственном родственнике, который у меня оставался. Мой дядя.

Когда я оделась и была готова выйти, то достала небольшой пакет из моего багажа, в котором лежали все письма, и осторожно положила его в сумочку. Пытаясь проигнорировать дрожь в руках, я взяла ключ-карту и вышла.

Была причина, из-за которой я находилась в Нью-Йорке. И эта причина совсем не нравилась мне, но я не могла терять время, отсиживаясь в уютном номере, когда знала, что найти моего, так называемого, дядю будет не так легко, как я надеялась. У меня было несколько адресов, которые нужно было проверить, но с моей удачей, я знала, что на это уйдет больше одного дня.

Проверив Гугл-карты в последний раз, чтобы удостовериться, что знаю, куда идти, я покинула отель и начала мотаться по холодным улицам Нью-Йорка, пока не нашла свободное такси.

* * *

Это не сработало. Я знала, что с самого начала была права. Его поиск совсем не собирался быть легким.

Моя первая попытка была неудачной. Он переехал. После стольких лет я не ожидала найти его по тому же адресу, но все еще теплилась небольшая надежда, что, может быть... может быть, мне повезет именно в этот раз.

Казалось, я прогуливалась по Вест-Виллидж часами, пытаюсь сдержать слезы. Помню, что зашла в местную кофейню в конце дня, чтобы немного согреться. Сидя в небольшом закутке у окна, я наблюдала, как спешат по улице люди, пытаюсь спастись от холода.

Выпив половину горячего шоколада, я обернула вокруг шеи большой шарф более плотно и закуталась в пальто, когда выходила из кафе, чтобы поймать такси. Завтра я начну сначала и проверю другие адреса.

Я буду стараться усерднее.

Несмотря ни на что я сдержу обещание.

Когда я увидела пятидесяти с чем-то этажное здание, появившееся передо мной, то решила выйти из такси и пройти остаток пути пешком. Не было ничего, чем бы я могла заняться в номере, чтобы скоротать время и что помогло бы мне перестать думать о моем отце.

Делая глубокий вдох, я позволила холодному воздуху заполнить мои легкие и подняла ладонь, ловя снежинки, чтобы ощутить холод, просачивающийся сквозь мои кожаные перчатки.

Я улыбнулась, вспоминая о другом времени. Времени счастливее этого.

Несмотря на то, как сильно пытаешься защитить себя, даже мельчайшие, самые

неожиданные вещи могут отбросить тебя обратно в прошлое.

* * *

Мы шли домой из детского сада, когда я отпустила его руку и встала на колени на обочине дороги, где лежал клочок снега абсолютно белого и чистого. Чувствуя возбуждение, я открыла свой рюкзак и достала пластиковый контейнер, который спрятала там этим утром.

— Майя, зачем ты заполняешь снегом этот контейнер? — спросил отец озадаченно.

— Этого будет недостаточно. Мне нужно еще больше. — Я проигнорировала его вопросительный взгляд и продолжила набивать маленькими снежками контейнер.

— Для чего тебе нужно больше снега, дорогая?

— Я собираюсь сделать для тебя снеговика. Я же говорила тебе об этом утром, правда?

— Да. Да, я верю тебе, детка, — ответил он, и его голос повеселел.

— Твои карманы больше, чем мои, папочка. Возможно, нам следует заполнить и их тоже. Может быть, тогда хватит снега. Но не бери грязный, мне нужен самый белый.

Сладко улыбаясь, он потакал мне — как и всегда.

— Ты думаешь, что нам не достаточно снега во дворе? Насколько большого снеговика ты собираешься сделать?

— Он должен быть больше, — пробормотала я, полностью сосредоточившись на том, что делала. Собирать снег, который должен был стать лучшим снеговиком во все времена, было самой важной задачей в моем маленьком мире.

— Больше, чем что, детка?

Снеговик должен был стать для него сюрпризом, я хотела, чтобы он вышел на задний двор и был поражен, обнаружив большого и красивого снеговика. Я не могла рассказать ему, не теперь, когда я была так близко к осуществлению своей идеи. Так что я закрыла рот и продолжила собирать снег дальше.

— Мы слишком долго гуляем. Я не хочу, чтобы ты простудилась, Майя. Нам пора уходить.

— Мне очень нужно заполнить рюкзак.

— Нет, юная леди, заканчивай. Мы собирались выпить горячий шоколад, когда придем домой, помнишь? Или ты готова отказаться от этого?

Моя рука замерла на полпути, когда я потянулась к молнии рюкзака. От строгого выражения его лица, я знала, он не уступит; он не позволит мне поступить по-своему в этот раз.

Я встала, смотря в землю и стараясь сдержать слезы. Невольно мои глаза увлажнились, а губы начали дрожать.

Он думал, что я должна быть сильной. Я должна была настоять на своем, когда сталкивалась с трудностями, так же как и он. Сейчас я была его большой девочкой, и плакать, как маленькая девчонка, было неприемлемо.

— Что если этого не достаточно? — завопила я не в силах остановиться. — Что если этого не будет достаточно для большого снеговика, такого, как делали вы с мамой и твоим

братом? Что если тебе не понравится делать снеговиков со мной? Что если я недостаточно хороша для тебя...

Как раз, перед тем как снова опустить глаза наземь, я увидела удивление, запечатленное на его лице.

Он был лучшим отцом в мире. Он был всем, что я знала за свои короткие пять лет жизни. Он был моим миром. А я была его маленькой звездочкой. Он заслуживал иметь лучшую дочь. Я воспринимала это дело со снеговиком очень серьезно и не собиралась подводить его.

Пытаясь изо всех сил остановить слезы, которые текли по моему лицу, я вытерла свой замерзший нос тыльной стороной руки, шмыгая и плача как можно тише.

Когда я сжала маленькие кулачки, он присел на колени напротив меня, и на его лице читались любовь и беспокойство.

— Я люблю тебя, Майя, — прошептал он. — Люблю тебя больше, чем кого или что-либо еще в этом мире.

Я знала, что он любил меня, потому что он показывал мне это каждый день. Я была любима. Но я хотела дать ему больше, еще больше.

— Я хочу, чтобы ты гордился мной, папочка. Я смогу сделать большого снеговика. Я обещаю, что смогу. И потом ты сможешь улыбаться и быть счастливым, как на тех старых снимках. Я обещаю, что смогу сделать это, — сказала я и посмотрела в его глаза с надеждой.

— Ох, моя прекрасная маленькая девочка, — улыбнулся он с блеском в глазах, когда вытирал мои слезы. — Я горжусь тобой каждый день, Майя. Я горжусь тем, что ты являешься собой. Ты не должна стараться еще сильнее, детка. Ты никогда не должна пытаться ради меня.

Я посмотрела на него сверху вниз. Мои глаза блестели от непролитых слез. Тем не менее, независимо от того, какими красивыми были слова, сказанные им, я знала, что всегда буду стараться для него, всегда делать все возможное.

— Ты все для меня, Майя. Ты — мой мир. Ничто не изменит этого. Ты слышишь меня? Ничего из того, что ты сделаешь, или не сделаешь, не изменит то, как я горжусь тобой, и как мне повезло быть твоим отцом.

Он наклонился и поцеловал меня в ледяной нос.

— Моя дочь — самая лучшая в мире, дорогая, я не могу просить большего.

— Так ты все еще будешь счастлив? Даже если снег не достаточно белый? Или я не смогу сделать снеговик большим? Потому что я не настолько высокая, пап. Я не смогу дотянуться также высоко, как ты. Прости.

Я прикусила губу и ждала, чтобы услышать, что с ним все будет хорошо.

Слеза выскользнула из его глаза, но он довольно быстро ее стер.

Рассмеявшись, он поднял меня на руки, и я завизжала от восторга.

— Как насчет такого? Теперь ты можешь дотянуться выше, чем я. Этого достаточно для тебя, моя маленькая звездочка?

Крепко обхватив его за шею, я поцеловала его в щеку и подарила ему свою самую большую улыбку — ту, которую он больше всего любил.

— Мы построим самого лучшего снеговика, папа. Подожди и ты увидишь, я сделаю тебя счастливым, обещаю.

Моя любовь к отцу выходила за все рамки того, что мое маленькое сердечко могло тогда

Когда я вошла в огромный холл отеля, волна тепла накрыла меня, и я вздрогнула. Я настолько погрузилась в свои мысли и воспоминания, что мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что я шла напрямик к парню в костюме. К счастью, он не видел меня, потому что я вполне уверена, если бы он почувствовал это, его холодный взгляд проткнул бы меня задолго до того, как я заметила бы его на своем пути.

Прежде чем он смог — по какой-то необъяснимой причине — сосредоточить свое внимание исключительно на мне, я повернула налево и начала удаляться от лифтов. Остановившись рядом с мраморной колонной, я на секунду прислонилась к ней спиной и сделала глубокий вдох.

Играть в прятки с незнакомцем было последним делом, которым мне бы хотелось заняться, но я все еще не могла прийти в себя от его взгляда.

Выглянув из-за колонны, я увидела, что он со своим другом идет в моем направлении. Я не была в поле его зрения, но сама видела то же самое угрюмое выражение на лице, когда он внимательно слушал парня, идущего рядом с ним. По-видимому, гнев не предназначался только мне. Это была его естественная эмоция для всех людей.

Решив, что будет лучше оставаться за колонной, чем рискнуть и встретиться с ним лицом к лицу, я ждала, когда они пройдут мимо меня к выходу.

Как раз, когда я собралась выйти из укрытия, мои шаги стали неуверенными. Неожиданно в мою голову просочились знакомые ноты.

Они заглушили стук моего сердца, разрывающегося на части.

На секунду они заглушили все.

Я не должна была поддаваться ощущению, будто эти ноты убивают меня, будто они разрывают меня на части. Как прежде. Хоть убейте меня, но я не могла понять, почему песня, которая так мне знакома, песня, которую я слушала только прошлой ночью, ранила меня именно в этот момент.

Проглотив большой комок в горле, я обернулась, и мои глаза нашли источник песни, будто я инстинктивно знала, куда смотреть.

Пьеса Равеля, но в некотором роде моего отца. Его спасение, его надежды и его потерянная любовь.

Когда мои глаза заметили мужчину, играющего на рояле в центре холла, мои руки начали трястись. Отец рассказывал мне, что приходил в этот отель, когда был молодым, до того, как встретил маму, и просил разрешение поиграть в течение часа. Ему нравилось испытывать трепет, выступая перед публикой. Для него не имело значения, был ли это только один человек или пятьдесят.

Рояль был новым, и в этот раз за ним сидел незнакомец, но все, что видела я, был мой отец. Его поза, его удовольствие и его печаль.

Я ощутила покалывание во всем теле. Мое сердце колотилось в груди.

Этого было слишком много и слишком мало.

Этого никогда не будет достаточно.

Я делала все возможное, чтобы продолжать дышать, чтобы не упасть и не реагировать на свои эмоции.

А потом я услышала душераздирающий всхлип и поняла, что он исходил от меня.

Я закрыла рот руками, слезы свободно текли из глаз.

Я не могла дышать. Я не могла двигаться.

Две недели... Прошло две недели, с тех пор как он умер, но даже здесь я позволяла своему рассудку представлять его живым.

Все медленно исчезли вокруг меня, остались только я и мой отец. Единственный, кого я никогда больше не смогу увидеть.

Но посреди оживленного отеля была только я, пытаюсь дышать и ничего не упускать.

Я ощутила прикасающиеся ко мне руки. Их тепло обжигало мою кожу. Голоса вокруг меня говорили, что я должна дышать, сосредоточиться и держаться.

Музыка заглушила все, она заглушила мою боль, как и всегда.

Она сделала меня невесомой. Она уничтожила меня.

Я позволила себе шагнуть и окунуться в состояние свободного падения.

Затем я увидела папу, играющего для его утраченной любви, и позволила моему сердцу разбиться на миллионы кусочков.

В конце концов, меня убило то, что я вспомнила его лицо, когда он оборачивался и посылал мне самую душераздирающую улыбку, наполненную сильной болью, любовью и скорбью.

А через несколько секунд мир исчез в моих глазах.

Когда я очнулась, то была уже в своем номере, а вокруг меня стояли какие-то люди.

Я услышала пояснение врача, что у меня был приступ паники, и мой взгляд остановился на конкретном человеке, разговаривающим с кем-то, кого я не знала. Его присутствие заставляло выглядеть все так, будто это было самым обычным делом. Удивительно, как ему только удавалось делать вид, будто он помирал со скуки.

И, словно ощутив мой взгляд, он неожиданно прекратил разговор и обратил свой пытливый взгляд на меня. Я позволила встретиться нашим взглядам на две секунды, а затем отвела свой взор, сфокусировавшись на моей руке, сжимающей простыни.

Так как прежде у меня никогда не было приступов паники, я все еще не могла сконцентрироваться на обеспокоенном враче, который задавал мне вопросы, пытаюсь найти причину.

Но я не могла ответить ему. Не при других людях в этой комнате — особенно при нем. Также, я все еще не могла сложить в голове, почему он вообще был здесь? Они задавали ему вопросы обо мне только потому, что он жил в соседнем номере?

Они думали, что мы знакомы?

Затем я все вспомнила...

Как раз перед тем, как я отключилась, я почувствовала руки на своем теле и резкий непреклонный голос, говорящий мне дышать и не отключаться. Это был его голос.

Страшно было подумать, что он был тем, кто помог мне. И как бы сильно я не пыталась понять происходящее, я не могла найти другой причины, почему он был в моем номере.

После того как я заверила доктора, что проконсультируюсь с кем-нибудь, если у меня будет еще один неожиданный приступ, все они начали уходить. В том числе и он.

— Мисс Харт?

Я повернула голову, услышав знакомый голос Джеймса.

— Если вы будете не в состоянии спуститься к ужину, мы будем рады принести его вам в номер. Пожалуйста, дайте знать нам о вашем решении, и я лично принесу вам меню.

— Большое спасибо. Я ценю это предложение, — я слегка улыбнулась, вспоминая его этим утром.

— Всегда, пожалуйста.

После того, как он тоже покинул мою комнату, мой взгляд остановился на человеке, стоящем рядом с дверью и готовым сбежать в любую секунду. И у меня не было другого выхода, кроме как выразить ему признательность.

Я спустила ноги с кровати, чтобы встать и поблагодарить его должным образом, но он поднял руку резким движением, останавливая мои действия.

Наступила тишина. Ох, как я начинала ненавидеть этого парня.

— Не нужно вставать.

Я подняла взгляд. В его голосе было столько власти, что я не могла ничего сделать, кроме как смотреть на него. Он сумасшедший? Учítывая, что именно у меня был приступ паники, я не заслужила его враждебности по отношению ко мне. И пытаться понять его, похоже, было бессмысленно.

— Я только хотела...

Он прервал меня, не дав закончить фразу.

— Я надеюсь, вы будете лучше заботиться о себе. Мы не хотели бы, чтобы у вас возникла еще одна проблема со здоровьем, когда будете одна, и никто не сможет вам помочь.

Затем он развернулся и ушел, даже не попрощавшись. Последний звук, который я услышала, был дверной щелчок, а после меня поглотила тишина.

Вернув ноги под одеяло, я свернулась в клубок и попыталась забыть о панической атаке перед таким большим количеством незнакомцев. И сколько этих лиц будут глядеть на меня с жалостью в глазах в следующий раз, когда увидят меня?

Но хуже всего было то, что я пыталась забыть, как представляла своего отца, играющего на огромном рояле в центре холла.

Закрыв глаза, я позволила себе успокоиться всего лишь на несколько часов.

* * *

Когда я проснулась после неожиданной дремоты, то приложила все усилия, чтобы натянуть свои темные постиранные джинсы и простой черный свитер, а затем направилась в ресторан. Как только я вышла из лифта и увидела несколько женщин, разгуливающих в элегантных платьях, стало ясно, что я не вписывалась в своем повседневном наряде. И хотя было трудно не развернуться и убежать обратно в безопасность своего номера — особенно после того, что случилось в холле — я знала, что не могу провести все дни, прячась там. Если я не сделаю этого сейчас, то сомневаюсь, что смогу пройти через это на следующий день.

Я чувствовала себя очень уязвимой, хотя я никогда не принадлежала к тем людям, кто недооценивает себя, и ни при каких обстоятельствах не собиралась примыкать к ним теперь.

Плюс к этому, увидев Мажора, который ужинал с прекрасной блондинистой подружкой, я не смогла закончить ужин и сбежать оттуда достаточно быстро.

Когда я допивала последние несколько глотков вина, мои глаза встретились с его, и я не смогла найти в себе силы пошевелиться и отвести взгляд. С минуту он выглядел задумчивым, что я могла определить по его мрачному взгляду, но понятия не имела, почему он продолжал смотреть на меня.

Было ли это потому, что мы продолжали встречаться взглядами?

Или потому, что он помог мне во время панической атаки?

В этот раз я не отвела от него глаз и наблюдала, как знакомый хмурый вид появляется даже тогда, когда он пытался выяснить, что я делаю.

Его девушка обернулась, следуя за его взглядом. В этот момент я заметила, что это была другая блондинка, развлекающая его этим вечером. Так же поразительно красива, но определенно не та самая спутница, что была с ним в первый вечер.

Было не удивительно, что он был игроком, притягивал взгляды, и насколько я могла судить, деньги тоже. Но я определенно была удивлена, обнаружив, что стала объектом его нежелательного внимания... или источником раздражения.

В то самое время блондинка номер два увидела меня и повернулась лицом к нему — предполагаю, чтобы вернуть к себе внимание, — в его выражении лица что-то изменилось. Он проигнорировал то, что она говорила, встал с места и направился в мою сторону.

Ресторан не был переполнен, вероятно, потому, что было еще рано. Мое сердцебиение заглушал слабый шум болтовни вокруг нас, смеющаяся женщина неподалеку отвлекла мое внимание от него, в результате чего я потеряла драгоценные секунды, которые могла использовать, чтобы уйти.

Немного поздновато я вскочила со стула. Честно говоря, я надеялась, что мои глаза обманывали меня, и он просто пройдет мимо.

Хоть я и выпила только один бокал белого вина за ужином, я почувствовала головокружение, и мне пришлось ухватиться за стол, чтобы восстановить равновесие.

Неожиданно его теплая кожа коснулась моей. Это был первый раз, когда я ощущала его руки на себе, находясь в сознании. И это было по-другому.

Сделав шаг назад, я позволила его руке соскользнуть с моей. Мою кожу все еще покалывало от неожиданного контакта, пока мы смотрели друг на друга, ошеломленные по какой-то неизвестной нам обоим причине.

Пытаясь найти храбрость где-то глубоко внутри себя, я встала прямее. Я не собиралась позволять ему напугать себя. Что с того, что он обнаружил, как я смотрела на него несколько раз? Я же не следила за ним нарочно.

— Я думал, вам предложили отужинать у себя в номере, — сказал он в качестве приветствия.

Должно быть, я выглядела еще более нелепо, чем думала, раз он был так откровенно груб со мной.

— Предложили, — ответила я смущенно.

— Тогда почему вы здесь, мисс Харт?

Он знал мое имя.

— У вас есть передо мной преимущество, не думаю, что я запомнила ваше имя, мистер...

— Александр — достаточно.

— Что ж, мистер Александр, я не...

— Просто Александр.

Я выдохнула. Он переместил свой вес с одной ноги на другую, а его руки были в карманах, будто я его раздражала.

Встретив его холодный взгляд, я ответила:

— Хорошего вечера, мистер Александр, — сказала я и пошла прочь от него.

Я не просила его внимания, так же как и не нуждалась в том покалывании, которое он вызывал лишь касанием.

Войдя в лифт, я нажала на кнопку своего этажа и увидела, что он стоял на том же месте, где я и оставила его. Он наблюдал за мной, и его лицо было невозможно прочесть.

Несколько часов спустя я поняла, что мне было беспокойно в своем номере. Я чувствовала себя как в клетке, будто стены давили на меня.

Я не могла заснуть, я не могла сидеть. Не тогда, когда все, о чем я могла думать, была последняя ночь, когда я была с отцом, когда он несколько часов держал мою руку. И я определенно не могла выйти посреди ночи, когда город был покрыт таким большим количеством снега.

Почувствовав, что начинаю сходить с ума, я переоделась и решила сходить в тренажерный зал при отеле. Иногда ходьба на месте может сотворить чудеса с разумом и телом. И моей единственной надеждой было достаточно устать, чтобы провалиться в сон на

несколько часов.

Зал был почти таким же большим, как и холл, и я была удивлена, когда застала несколько человек, тренирующихся в этот час.

Мужчина, которому, возможно, под сорок, поднимал штангу и был решительно сосредоточен, тогда как другие занимались на беговых дорожках.

Я решила пойти в другой конец комнаты, где все еще могла наблюдать за падающим снегом, но и, возможно, чтобы не отвлекаться на других людей, занимающихся рядом.

Я глубоко вдохнула, как только начала бежать, и надела наушники.

Мне нравилось то, о чем эти аудиозаписи мне напоминали. Я любила слышать собственный смех на заднем фоне, когда слушала, как он исполнял мои любимые песни снова и снова. Он был для меня лучшим в мире пианистом, а я была его любимым зрителем, его маленькой звездочкой.

Единственной, которая имела для него значение.

Единственной, ради которой он отказался от всего, что только мог иметь.

Я не помню, сколько часов провела, слушая те же песни снова и снова, когда бежала на беговой дорожке, неизбежно стремясь в никуда. В мыслях я переживала счастливейшие воспоминания, перебирая разговоры с ним, которые могла вспоминать. Хотя на самом деле я была совершенно опустошена.

Когда я достигла того уровня, когда не могла отличить слезы от пота, то остановила тренажер и опустила голову, пытаясь восстановить дыхание.

Вытирая глаза ладонями, нетвердой походкой я направилась к выходу. Я была единственным человеком, который был настолько сумасшедшим, чтобы тренироваться в пять утра. Но, по крайней мере, теперь я была достаточно измотана, чтобы несколько часов поспать.

Шагнув в лифт, я прислонилась к задней стенке, рассматривая свое отражение в зеркальном потолке.

Когда двери почти закрылись, я увидела, как между ними протиснулась рука, останавливая их.

И вошел Александр...

Когда наши взгляды встретились, он на секунду засомневался, прерывая шаг. Быстро придя в себя, он повернулся спиной ко мне и нажал на кнопку того же этажа, напоминая мне, что нас разделяла лишь тонкая стена.

Двери закрылись, и я затаила дыхание.

— Вы в порядке? — спросил он, его голос был низким. Несомненно, мои красные глаза выдали мое уязвимое состояние, снова.

Мгновение я смотрела на его широкие плечи. Впервые я видела его не в одном из дизайнерских костюмов. Пока его глаза не могут отслеживать мои действия, я убедилась, что могу бегло осмотреть его. Он источал ту же власть даже без костюма и галстука. Сейчас его поза была прямой, а плечи напряжены.

Глубоко в своем сердце я знала, что он был недоступен для меня, независимо от того, во что был одет.

— Все хорошо, — наконец ответила я, потерпев поражение. К сожалению, я слишком уставшая, чтобы играть в его игры.

Я снова перевела взгляд наверх, запоминая замысловатые элементы, окружающие края зеркала.

Тогда пара поразительно красивых голубых глаз встретилась с моими — унылыми карими, и я забыла, как дышать.

Были только мы двое.

Два незнакомца в закрытой кабине.

На секунду я захотела почувствовать его руки вокруг себя. На секунду я захотела, чтобы он помог мне забыть боль и абсолютную пустоту, которую я ощущала внутри.

Я хотела, чтобы эти голубые глаза смотрели на меня с теплом, с надеждой, отраженной в них.

И я посмотрела вниз, будто не ощущала его любопытство, будто не чувствовала его взгляд, как холодное касание на моей коже. Касание, позволяющее мне забыться на несколько драгоценных секунд.

Как только двери загудели, открываясь, я обошла его и почти бегом отправилась в свой номер. Я была слишком напугана тем, что он попытается требовать от меня большего.

Так как было еще слишком рано, коридор был безлюдным. Несмотря на то, что я не могла слышать звук его шагов по плотному кремовому ковру, я знала, он был немного позади меня.

Мое сердце бешено колотилось в груди. Поскольку я чувствовала, как все мое тело покалывало и жгло, я немного поздно поняла, что было глупо идти перед ним.

Неловко управляясь с ключ-картой, я открыла дверь, затем спешно закрыла ее — так быстро, как только могла, — и заперлась изнутри.

Прежде чем отойти, я услышала, как другая дверь открылась и закрылась.

На самом деле услышать каждое его движение сквозь стены было невозможно, но кое-какие слабые звуки его присутствия я улавливала. Я будто ощущала его движения рядом с собой.

Подойдя к двери, которая была единственным, что разделяло наши номера, я прислонилась к ней спиной и соскользнула вниз на пол.

Я была полностью опустошена. Мысли, душа, тело.

Услышав бормотание с той стороны, я закрыла глаза и обняла колени, положив на них голову.

Так я и уснула — слушая, как он говорил, хотя его голос едва достигал моих ушей, несмотря на сильный тембр. Тем не менее, это помогло мне сосредоточиться на чем-то еще, кроме моего горя. Это помогло мне не расплакаться.

Даже не зная этого, он составил мне компанию.

Подарил мне легкое ощущение покоя.

День четвертый...

Через два дня поисков дяди я все же узнала его местоположение. К сожалению, он не жил там, где я надеялась его найти. И, по правде говоря, я ни на одну чертову секунду даже и не подумала о такой возможности.

Стоя напротив одного из адресов, который нашла в письмах, я молча молилась, чтобы наконец-то встретиться лицом к лицу с братом моего отца.

Дверь мне открыла пожилая женщина с добрыми глазами.

— Привет?

— Здравствуйте. Эмм... привет, — ответила я, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Привет, — сказала она снова, и небольшая улыбка заиграла на ее губах.

Думаю, теперь с этим будет легче справиться. Постучать в дверь незнакомки. Спросить о незнакомце. Узнать, что ошиблась адресом. Вернуться в отель. И в надежде найти кого-то, кто знал его, повторить те же шаги на следующий день.

— Я разыскиваю Джеймса Харта.

Ее улыбка погасла.

— К сожалению, Джеймс здесь больше не живет.

— Ох, вы его знаете? У вас случайно нет его адреса? Или, может быть, номера телефона, чтобы я смогла связаться с ним? — затараторила я.

— Нет, дорогая. Мы потеряли Джеймса в автомобильной аварии три года назад. Я была его женой.

Я замолкла. Мне, конечно же, не нравился этот мужчина за всю ту боль, которую он причинил моему отцу, но слышать, что он тоже умер... я не ожидала этого.

— Вы в порядке? — обеспокоенно спросила она.

— Угу. Да, спасибо. Извините. Я... я не знала.

— Если вы не возражаете, позвольте спросить, откуда вы знаете Джеймса?

— Он был моим дядей.

Она на секунду нахмурилась. По выражению ее лица я даже не была уверена, упоминал ли он когда-то о своем брате. А потом она расплылась в улыбке.

— Ты дочь Чарли?

— Да, я — Майя. Вы знали и моего отца тоже? — спросила я удивленно.

— Знала? — Ее голос был приятным.

— Я... только что... Недавно я потеряла его, — запинаясь, прошептала я.

— Ох, Майя. — На секунду ее голос дрогнул, но она быстро оправилась. — Что за прекрасное у тебя имя. Мы не знали, что у Чарли есть дочь. Я — Хелен, кстати. К сожалению, я не знала твоего отца, дорогая, но Джеймс говорил о нем время от времени.

Выражение моего лица стало грустным.

— Может быть, ты хочешь зайти? Сегодня довольно холодно. Я могу приготовить чашку кофе, чтобы ты согрелась, и мы сможем поговорить еще немного.

Так как у меня не хватало сил отказать ей, я приняла ее предложение и вошла в дом.

Когда я отхлебнула из кружки, горячий кофе, наконец, начал согревать мои внутренности. Я подняла голову, пытаюсь придумать, как начать разговор. Шок от известия о смерти дяди начал отходить, но я все еще не знала, что сказать.

Хелен была красивой женщиной. Не броской в глаза, в полном смысле этого слова. Это была устоявшаяся элегантность. На ее губах играла теплая улыбка, которая, возможно, заставляла каждого находящегося в комнате обращать на нее внимание. И когда я увидела, как нежно она смотрела на меня, мне пришлось собрать все свои эмоции в кулак. Хотя в этом и не было никакого смысла, но все, что я ощущала, было то, что я подвела отца.

— Чем еще я могу тебя угостить, Майя? — спросила она, пока я пыталась найти способ задать вопросы, которыми я задавалась так долго.

— Нет, спасибо. Вы и так очень добры.

— Ох, пожалуйста. Я люблю компанию, так что это мне следует тебя благодарить, что позволила узнать себя лучше.

Было ли это именно тем, чем мы занимались? Знакомились друг с другом?

— Не знаю, с чего начать, — честно призналась я, отводя взгляд.

— Полагаю, у тебя есть вопросы касательно Джеймса?

— Ну, да. Конечно, если вам не слишком тяжело говорить о нем.

Небольшая улыбка на ее губах стала шире и коснулась ее глаз. Она наклонилась, потянувшись за своей чашкой кофе.

— Я скучаю по нему каждый день, можешь в этом не сомневаться. Но я буду счастлива поговорить о нем, вспомнить его. Так что, пожалуйста, если есть что-то, на что у меня есть ответы...

Поставив чашку, которую держала в ладонях, на кофейный столик перед собой, я глубоко вдохнула и начала с простого вопроса.

— Почему?

— Почему он не общался с твоим отцом? Или почему он возвращал его письма?

Я резко подняла голову.

— Вы знаете о письмах? Конечно, вы знаете о них. Он хотя бы понимал, насколько больно было моему отцу получать их обратно? Нетронутыми. — В моем голосе появилась горечь. — Или он получал удовольствие, зная, что причиняет ему боль, не принимая письма?

Хелен медленно опустила собственную чашку и села рядом со мной. Она нежно накрыла мою дрожащую на колене руку своей.

— Майя, не уверена, могу ли дать тебе какие-либо четкие ответы, которые принесут покой. Или компенсировать боль, но я могу рассказать то, что знаю. Джеймс любил твоего отца. По тому, как он говорил о нем... Хотя его родители ему не позволили бы. Они даже не хотели упоминать его имя. Они достаточно хорошо стерли Чарльза из нашей жизни. Они ненавидели его за то, что он оставил их ради женщины. Оставил позади многообещающую мечту.

— Моего отца не волновало, что думали его родители. Его волновало, что думал Джеймс. Он сильно переживал за брата.

— Я знаю, почему ты так думаешь, дорогая, но и Чарльз оставил Джеймса позади. И, будучи юнцом, расценил это как предательство в отношении себя. Единственный человек, которого он уважал, исчез, не сказав ни слова. Если ты спросишь меня, то он не знал, что чувствовать. И после этого не сказала бы, что гнев его родителей хоть как-то помог. Ты никогда не встречала их и считай, что тебе повезло.

Я не знала, каким образом мой отец оставил брата, по крайней мере, не в грязных подробностях. Меня не заботило это в достаточной степени, чтобы спрашивать.

Она привлекла мое внимание и посмотрела мне в глаза.

— Пробыв в браке несколько лет, я даже и не знала, что у него был брат. Я видела, что эти письма делали с ним. Он никогда не читал их, но я видела собственными глазами, как сильно он боролся.

— Если он так сильно боролся, почему он просто не открыл одно из них? Почему не дал ему шанса?

Мой голос сорвался, когда я почувствовала, что глаза жгут непролитые слезы.

— Ох, милая. Это все его гордыня. Он не хотел слышать, каким счастливым был его брат без него. Он не хотел чувствовать себя покинутым снова и снова, хотя именно так он себя и чувствовал. Поначалу я умоляла его прочитав хоть одно. Чтобы увидеть, удостовериться, что все в порядке. Но он был упрямым, и я не могла заставить его передумать. Не по этому поводу. Но я знала: он очень сильно любил своего брата. По тому, как он говорил о нем, с таким восхищением. Какой сильной была их связь. Я уже чувствовала себя так, будто знала твоего отца. Молодой озорной мальчишка, который приглядывал за своим младшим братом. Ох, милая, я бы хотела, чтобы ты могла встретиться с Джеймсом.

Я не была уверена, чувствовала ли то же самое. В моих глазах он все еще был мужчиной, который продолжал отвергать моего отца. Тяжело выйти за рамки сложившегося образа.

— Мой отец... — я откашлялась, — умирая, он постоянно думал о брате и хотел, чтобы я принесла ему письма. Но, полагаю, все это больше не важно. Я приехала в Нью-Йорк зря.

Она отпустила мою руку, но не сдвинулась с места.

— Разве тебе не помогло то, что ты слышала? Джеймс любил твоего отца. Он никогда не намеревался причинить ему боль.

— Слишком поздно для моего отца узнать это, не так ли? — ответила я устало.

Я провела с Хелен около часа, разговаривая о двух мужчинах, которые занимали особое место в наших сердцах. А затем я встала и отправилась в отель. Мою тихую гавань.

Перед отъездом она заставила меня дать обещание, что я позвоню ей.

— Теперь ты — моя семья, — сказала она, мило улыбаясь.

* * *

Узнав, что мой дядя погиб в автомобильной аварии три года назад, все, что я хотела сделать, — это напиться и забыть обо всем хотя бы на несколько часов.

Поэтому, как только вошла в номер, я переоделась и пошла в "Черную жемчужину" на тридцатом этаже.

Несмотря на тот факт, что было еще рано, заведение было переполнено. Обратив внимание на официанток в коротких черных платьицах, я проплыла между столиками и направилась к бару. Как только я привлекла внимание бармена, то заказала свой первый бокал виски.

Экстремальные ситуации требуют чрезвычайных мер, и, учитывая тот факт, что я даже не хотела видеться с собственным дядей, когда только приехала сюда, его смерть повлияла на меня больше, чем я могла себе представить. Из-за того, с какой любовью Хелен говорила о нем... было трудно ничего не почувствовать.

Одергивая платье вниз так, чтобы ничего не выставить напоказ, я вертела стакан в руке.

Почти каждый мужчина в зале был одет в подогнанный по размеру костюм со скучным галстуком, и почти с каждым из них была идеально покрашенная хихикающая девушка.

С каждой секундой я чувствовала себя не в своей тарелке. Я закрыла нос и опрокинула все содержимое бокала, которое на вкус для меня было больше похоже на яд, нежели на алкоголь. Скривившись и откашливаясь, чтобы унять жжение в горле, я подала сигнал бармену.

Самым непривлекательным голосом я попросила более мягкой выпивки. Так как обычно я не пила ничего, кроме вина, пива и, может, коктейля, виски мог быть для меня смелым шагом. Мне было абсолютно все равно, что я пила, так как это помогало достичь желаемой цели. Если бы я смогла выпить еще несколько бокалов того, что предложил бармен, и при этом не опозориться, то уверена, что я бы полностью отключилась, по крайней мере, на одну ночь.

Намереваясь напиться и забыться на несколько часов, я сидела у барной стойки и наблюдала за проходящими и уходящими людьми. Я стала свидетелем короткого периода жизни каждого из них. Я видела, как они флиртовали, пытались скрыть, где задерживался их взгляд, как их руки блуждали слишком низко, когда они думали, что никто на них не смотрел. И за все это время я перекинулась лишь парой слов с барменом, когда тот подходил, чтобы обновить мой напиток.

Так было, пока у меня не появился приятель, который стал со мной заигрывать.

Я всегда думала, что терять контроль над разумом, когда ты пьян, — это своего рода магия. Тем не менее, я еще не достигла этой точки, потому что если бы это было так, у меня бы не было возможности чувствовать боль, расплзающуюся прямо у поверхности, ожидая момента, чтобы засосать меня снова.

Однако я была на грани. По крайней мере, сейчас все казалось мягче, более веселым и определенно более живым. Как и скучный мажор в коричневом костюме, сидящий рядом со мной, который рассказывал самые нудные истории, которые я когда-либо слышала.

Если бы он был более похож на моего мрачного соседа Александра, или, черт, если бы он не был мудаком, оценивая каждую проходящую мимо официантку, я бы даже могла задуматься, не пригласить ли его к себе в номер. Никогда не поздно завести первую интрижку на одну ночь. И это было бы идеальным завершением такой великолепной ночи.

Как я и сказала, в пьяном состоянии любая озвученная тобой идея кажется лучшей идеей в мире... даже если это совершенно не так.

Как ни крути, но все в нем было пропитано скукой, а я нуждалась в нечто большем. Я нуждалась в ком-то, кто заставил бы меня позабыть все и сосредоточиться только на нем на всю ночь. Большое дело, ну вы знаете, горячий дикий секс, тяжелое сердцебиение, покрасневшая кожа, удовлетворенные тела. Я хотела полный пакет.

Когда его истории начали заходить на зыбкую почву, и он стал настойчивее ко мне прикасаться, легкая эйфория, которую я испытывала, сразу испарилась. Я оглядела бар в поисках выхода, но он напугал меня, схватив за плечо.

Пытаясь стряхнуть его руку, я почти потеряла равновесие на стуле, в результате чего его рука схватила мою руку более крепко.

— Отпусти меня, — сказала я сквозь зубы.

— Милая, ты немного перепила, и нам следует подняться в мой номер. Будет гораздо легче позаботиться о тебе там. Более интимно.

— Мне хорошо там, где я сейчас, спасибо. А теперь оставь меня в покое.

Вместо того чтобы убрать руку и исчезнуть к черту с глаз долой, он погладил костяшками пальцев другой руки мою кожу от плеча до локтя и обратно. Я отклонилась, насколько это было возможно, чтобы не свалиться со стула.

— Давай, детка. Не будь такой, — прошептал он мне на ухо, от его горячего дыхания я съежилась. — Поверь, это стоит твоего времени. Не кажется ли тебе, что сейчас немного поздно строить из себя такую недотрогу. Я болтал с тобой последние двадцать минут. Ты могла остановить меня в любое время.

Моя челюсть отвисла. Я пыталась придумать, что сказать, но в голове было пусто. Я даже не знала, что ввела его в заблуждение. Да, я улыбалась ему время от времени, чтобы выглядеть дружелюбно, но ничего более. Я не могла флиртовать с ним, так как у меня не было никаких дальнейших планов на его счет. Я не была для этого достаточно пьяна.

Его пальцы снова начали гладить мою руку, и я понимала, что близка к тому, что меня стошнит на его колени в любой момент.

Я отодвинула свой напиток в сторону и попыталась встать со своего места — самое время, чтобы закончить мою маленькую ночь бунта.

— Прекрасный выбор, детка. Мы проведем отличную ночь.

— Отойди от меня прочь, я не собираюсь идти куда-либо с тобой, — огрызнулась я.

Я знала, что повысила голос и привлекла внимание людей, находящихся рядом, но я не знала, что еще сделать, чтобы покончить с ним на данном этапе. Музыка явно в достаточной степени заглушала наши голоса, поскольку даже те, кто обратил на нас внимание, уже отвернулись.

Его взгляд ожесточился на мгновение, очевидно, он не был рад тому, что его отвергли. Было что-то знакомое в его скучных голубых глазах, но, хоть убейте, я не могла понять, что именно. Почувствовав головокружение, я ухватилась за край стула и убедилась, что стою прямо. Он открыл рот, чтобы сказать, Бог знает что опять, его глаза резко сузились, когда он посмотрел на кого-то позади меня.

И только секундой позже я почувствовала теплую руку, которая легла мне на талию, прижимая меня к такому же теплому и твердому телу.

— У тебя проблемы, Майя?

Этот глубокий голос...

Я посмотрела ему в лицо, когда мое имя сорвалось с его губ. Я вздрогнула, и он прижал меня ближе к себе. Хотя выражение его лица и было суровым, в этот раз его взгляд был направлен не на меня.

— Здесь нет никакой проблемы, Александр. Ты знаком с моей Майей? Мы как раз познакомились друг с другом, — сказал другой мужчина.

Моя спина выпрямилась.

— Твоя Майя? — возмутилась я, шокированная тем, как безобидный разговор смог превратиться во что-то неприятное.

— Не думаю, что она разделяет твои чувства, Джексон.

— Что это за героический поступок, Александр? Ты хотел присвоить ее себе? У тебя что, есть на нее время?

— Думаю, ты уже достаточно выпил, Джексон. Самое время тебе удалиться.

— Кто, черт возьми, ты такой, чтобы решать, когда мне уходить? Отвали, Алекс!

Услышав все, что было необходимо, и даже больше, я уклонилась от собственнической руки Александра и взяла сумочку и ключ-карту со стойки бара.

Наши с Александром взгляды встретились на миг, а затем я повернулась лицом к Джексону.

— Извини, если я ввела тебя в заблуждение простым разговором. Очевидно, мне не следовало принимать тебя за человека. — Повернувшись к Александру, я добавила: — Тебе не нужно спасать меня; я могу сама о себе позаботиться. И мне не нужна твоя жалость, — сказала я, смотря прямо в его пленительные глаза.

Что-то изменилось — смягчилось — в его выражении, когда я закончила последнее предложение. Я не оставалась на месте достаточно долго, чтобы услышать его ответ. Благодарная, что не ощущала головокружения и была ни капельки не пьяна, я оставила их обоих там, где они и были.

— Разве ее произношение не прекрасно? Я возбуждаюсь даже от ее болтовни, — услышала я слова Джексона, когда уходила от них. Все сказанное каждым из них в дальнейшем было утеряно, потому что я вышла через гладкие черные двери бара и быстро направилась к лифтам.

Нажав несколько раз на кнопку, я с нетерпением ждала, когда один из них приедет. Я была почти напугана, что Александр мог подойти ко мне сзади и сказать то, что завело бы меня, но, к счастью, я добралась до номера, не увидев его... или кого бы то ни было еще, если уж на то пошло.

Ощущая дискомфорт от этой ситуации, я пыталась понять, почему он пришел мне на помощь, после того, как показывал множество раз, что я не нравилась ему. Тем не менее, неважно как сильно я хотела, чтобы у него были какие-то положительные чувства ко мне, я не могла придумать ничего кроме жалости.

С первого же дня я видела, что он не одобрял меня. Но он стал свидетелем моего первого приступа паники в холле, и затем, увидев мои полные слез глаза после тренажерного зала, может, из-за этого его отношение ко мне изменилось.

Жалея меня, ему еще как-то удавалось смотреть на меня с едва сдерживаемым раздражением.

После всего произошедшего, чувствуя эмоциональное истощение, я разделась и нырнула в душ. Позволяя горячей воде обжигать мою липкую кожу, я закрыла глаза и прислонилась лбом к холодной плитке. Вода смыла запах алкоголя и противные воспоминания этого вечера.

Когда горячая вода стала невыносимой, а моя кожа приобрела ярко красный оттенок, я выключила воду и завернулась в большое белое полотенце.

Просушивая волосы уже другим пушистым полотенцем, я стояла напротив запотевшего зеркала, не в силах смотреть на собственное отражение. Это было именно то, что я чувствовала в тот момент. Будто я была заперта в кошмаре, где моя боль становилась все невыносимей с каждым днем. Где я не могла найти путь назад сквозь густой туман.

Некоторые люди, возможно, не поймут глубину моей боли, но отец был всем для меня. Он был и лучшим другом, и единственной семьей. Пустота, которую я ощущала, была невыносимой, и не думаю, что это чувство уйдет в ближайшее время. Вздохнув, я протерла запотевшее зеркало ладонью.

Неожиданный стук в дверь вывел меня из раздумий, и я растерялась.

Услышав еще один настойчивый стук несколько секунд спустя, я удостоверилась, что полотенце крепко держалось на мне и пошла открывать дверь.

Выглянув сквозь маленькую щель, я увидела Александра, стоящего всего в нескольких

сантиметрах от меня. Наши взгляды встретились, и мой пульс участился. Поскольку я все еще была мокрой, холодный воздух, проникающий из коридора, заставил меня задрожать. Наш зрительный контакт прервался, и он окинул меня взглядом с головы до пят.

Я попыталась спрятать свое полуголоое тело за дверью, но это было бессмысленно.

— Что тебе нужно? — спросила я, раздраженная тем, что он просто молчал и пялился на меня.

Я услышала звук открывающейся в коридоре двери лифта, что на секунду отвлекло его внимание.

Освободившись от его пристального взгляда, я начала было закрывать дверь у него перед лицом, но он помешал мне своей рукой ее захлопнуть. Он сделал шаг вперед, и это заставило меня отпустить дверь. Я отошла назад, позволяя Александру войти в мой номер.

Ближе ко мне.

— Какого черта...

Он вскинул руку, нежно схватив меня за затылок, и притянул к себе, прижавшись своими губами к моим. Сделав еще один шаг ко мне, я оказалась прижата к его телу. Положив обе руки ему на грудь, я сделала слабую попытку оттолкнуть его, но он принудил мои губы раскрыться и проник языком в мой рот, заставляя ответить на поцелуй. Да и как бы ты могла отказать ему, когда он выглядел так великолепно?

Когда я обмякла, его внезапный поцелуй превратился в нечто другое: что-то большее и непредвиденное. Настоячивый, но все еще нежный и неторопливый — тот поцелуй, которого я не ожидала бы от такого подонка, как он. Он больше походил на того, кто берет, что и как хочет. Не то чтобы для него это было сложно, но все же.

Он положил свою теплую руку мне на поясницу и медленно притянул мои бедра к себе. Я схватилась за лацканы его пиджака, погружаясь в этот долгий поцелуй и растворяясь в его теле.

— Что это было? — прошептал он в мои влажные губы.

— Что? — ошеломленно пробормотала я.

Прежде чем я осознала, с кем этим занималась, он застонал и аккуратно подтолкнул меня спиной к открытой двери, все еще защищая рукой мой затылок. Лаская мои губы языком, он заявил на них свои права еще одним продолжительным поцелуем.

Умопомрачительным поцелуем.

Поцелуем, который заставил меня потерять рассудок.

Кто-то откашлялся позади него... и момент был упущен.

Он оторвался от моих губ, а я постаралась не закрывать глаза. Часть меня надеялась, что это был странный сон, что всего этого сейчас не произошло. Только не с ним.

В его взгляде не было ничего теплого. Ничего, что объясняло бы самый лучший поцелуй в моей жизни, который он только что подарил мне. И если бы это было возможно, он бы заставил меня замолчать одним лишь суровым взглядом.

Я почувствовала, что узел на полотенце ослаб и, прежде чем оно соскользнуло с меня, Александр ухватился за него рукой, удерживая на моем теле.

— Алекс! — завопила женщина.

Я покраснела, понимая, что кто-то — может быть, одна из его подружек — видела наш поцелуй.

Отбросив его руку, я сама надежно закрепила полотенце, не выставляя себя напоказ перед ним.

Я подумала, что увидела намек на ухмылку, но, прежде чем смогла в этом удостовериться, она пропала.

— Изабель, — просто ответил он. Его взгляд все еще был прикован ко мне.

Я извивалась в его объятиях. Мне, конечно же, было приятно чувствовать его упругие мышцы на своих мягких изгибах, но я не хотела разозлить женщину еще больше. Наконец, он сделал шаг назад и бегло окинул ее взглядом.

Я отступила от него и попыталась закрыть дверь, но его рука оттолкнула ее назад к стене и удерживала в таком положении.

— Ты разве не слышал, что я звала тебя? Я же писала, что загляну, — прошипела она.

— Знаешь, я точно помню, что ответил тебе, что занят.

Кстати... я все еще изо всех сил пыталась закрыть дверь. Ключевое слово — пыталась.

— Но ты сказал, что занят на работе. Это, — она указала на меня своим пальцем с идеальным маникюром, — как по мне, совсем не похоже на работу.

— Не думаю, что настанет тот час, когда я буду объясняться по этому поводу с тобой или с кем-либо вообще. Я занят, уходи.

Даже я съежилась от его сурового тона и все-таки перестала толкать несчастную дверь.

Изабель была достаточно умной, чтобы сменить пластинку, так как я заметила, что выражение ее лица моментально смягчилось, а блестящие розовые губы растянулись в идеально фальшивой улыбке.

— Эй, детка, я уже здесь. Ты бы мог уделить мне несколько часов?

Она ухватила его за галстук и обернула конец вокруг своего тонкого запястья, по-видимому, пытаясь соблазнить его для сексуальной оргии прямо перед моей дверью.

С меня хватило всего этого. Если уж ей так нужно, я буду просто счастлива немного подтолкнуть его, чтобы он приземлился прямо в ее очень жаждущие руки. Я была бы признательна, если бы это произошло подальше от меня.

К сожалению, моему и Изабель, он оттолкнул ее руку так, что рот девушки открылся в изумлении от такого поворота событий.

— Я не стану терпеть такого поведения. Если ты думаешь, что разовый секс дает тебе право спрашивать о моем местонахождении, то ты ошибаешься. Подумай об этом.

С этими прощальными словами он захлопнул дверь перед ее лицом. Лишив меня и, возможно, Изабель, дара речи.

Чувствуя себя незваной гостьей в собственном номере, я попыталась не создавать особого шума, чтобы избежать его внимания. Я надеялась, что он будет оставаться на том же месте.

Однако все пошло не так, как я хотела.

Вздохнув, он повернулся ко мне, и я почувствовала себя голой под его суровым и пронизывающим взглядом, будто именно я несколько секунд назад целовала его. Плотнее обернув полотенце, я пыталась убедить себя, что он не может ничего рассмотреть сквозь толстый материал.

— Что это было? — повторил он.

Теперь снова была моя очередь открыть рот от удивления.

— О чем ты? — переспросила я осторожно.

Его взгляд опустился к моим губам, а брови нахмурились.

Все еще чувствуя себя голой и каким-то образом виноватой, я нахмурилась в ответ.

— Не знаю, чем ты объясняешь свои поступки, но я хочу, чтобы ты покинул мой номер.

Сейчас же, — потребовала я, может быть, немного поздновато, но все же...

— С радостью, — ответил он, и его взгляд оторвался от моих губ.

Мои брови нахмурились, но так как он уже открывал дверь, чтобы уйти, я держала рот на замке. Я никогда не считала хорошей идеей тревожить гремучую змею. Ну, или в моем случае мажора-подонка.

Когда Александр закрывал за собой дверь, я сделала несколько шагов вперед, чтобы захлопнуть ее, когда тот, наконец, уйдет, но он вдруг остановился, и я практически врезалась ему в спину.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Повернувшись ко мне, он сказал:

— Между прочим, не стоит благодарности.

И после этих невыносимых слов он закрыл за собой дверь. Уже в который раз лишив меня дара речи.

Как только до моего разума дошел смысл его слов, внутри меня стал нарастать гнев. Я бы даже сказала, что что-то просто щелкнуло в моем мозгу, и мне срочно нужно было пойти за ним.

Вылетев из своего номера, я попыталась улыбнуться пожилой паре, которая шла по коридору. Хотя, боюсь, в этот момент они видели лишь сумасшедшую девушку в полотенце, беспорядочно стучащую в дверь и бормочущую ругательства себе под нос. Но я не обратила на них никакого внимания. Если честно, я даже в корне забыла о том, что была завернута в полотенце. И никакой холод не остудил моего гнева.

Простучав в его дверь, казалось бы, целый час, я сменила тактику и понеслась обратно в свой номер, направляясь прямо к той двери, что соединяла наши комнаты.

Отперев дверь со своей стороны, я начала стучать по второй.

К счастью, он не заставил себя ждать. Я услышала, как он отпирал дверь, и несколькими секундами позже приоткрыл ее лишь на несколько сантиметров. Я была немного разочарована, так как ждала, что он откроет ее полностью. Но нет. Он этого не сделал.

Достигнув уже совершенно другого уровня гнева, я толкнула дверь и вошла в его номер. Он разговаривал с кем-то по телефону и копался в каких-то бумагах.

— Я не хочу слушать ваши отговорки. Удостоверьтесь, что никто внизу не позволит ей подняться ко мне в номер снова. Я помню, что отдавал особое распоряжение на этот счет час назад, этого не должно повториться в третий раз.

Закончив разговор, он бросил телефон на стол.

— Да? — спросил он, даже не глядя на меня.

— Ты что, не слышал, как я стучала в дверь?

— Я бы не открыл ее, если бы не слышал, не так ли?

— Я имею в виду не мою дверь. — Я указала на дверь, которая вела в коридор. — Я имею в виду эту.

— Твою дверь? Когда эта дверь стала твоей?

Он скомкал документ, который изучал, и бросил в корзину, уже потянувшись за следующим.

Мое лицо мгновенно покраснело, и я сжала кулаки, желая ударить по этой нелепо привлекательной физиономии хотя бы раз.

— Я объявила ее своей. Этого для тебя достаточно?

Он быстро окинул меня взглядом с ног до головы.

— Полагаю, придется это принять.

Я сузила глаза, глядя на него. Все снова пошло не так, как я ожидала. Да, он определенно напрашивался на пощечину.

— Какого черта это значит?

Он вздохнул, все еще не оставляя документы без внимания.

— После титанических усилий проникнуть в мой номер, ты здесь. Так чем я могу помочь тебе, Майя?

— Прежде всего, не припоминаю, чтобы я представлялась, так что прекрати называть меня по имени. Во-вторых, я не слишком-то и пыталась проникнуть к тебе.

Мое раздражение стало еще больше, когда он поднял трубку телефона и начал другой разговор. Должно быть, что-то вселилось в меня, так как следующее, что я сделала, — это вырвала телефон из его руки и бросила на кровать.

Осознав, что только что сделала, я не отрывала взгляда от телефона, который подпрыгнул ровно два раза на его идеально заправленной постели. Затем, медленно сделав два шага назад, я посмотрела ему в лицо и одарила его молчаливой улыбкой.

К моему полному удивлению, он совсем не выглядел сердитым. Его выражение лица было просто любопытным. Он скрестил руки на груди, наклонил голову и просто ждал от меня, что будет дальше.

Я не могла собраться с мыслями, чтобы заговорить.

— Как бы ты хотела, чтобы я тебя называл?

— Что? — спросила я, выходя из ступора.

Он поднял бровь.

— Твое имя. Ты не хочешь, чтобы я звал тебя по имени. Может, ты сможешь должным образом представиться, так, чтобы я мог использовать то имя, которое уже знаю?

— Тебе не придется использовать мое имя снова. Мы не будем разговаривать.

— Как пожелаешь. Так что привело тебя сюда?

Мне нужно было подумать секунду, чтобы вспомнить, зачем мне было необходимо прорваться к нему в номер. Когда я это сделала, мой гнев вернулся в десятикратном размере.

— Ты — тот, кто ворвался в мою комнату из ниоткуда и поцеловал меня, а затем осмелился сказать "не стоит благодарности"? Что, черт возьми, ты о себе возомнил? Тебе следует благодарить меня, что я не подам в суд за посягательство сексуального характера. — Я понятия не имела, можно ли было это сделать, если кто-то постучит в вашу дверь и зацелует до потери сознания, но мне очень хотелось казаться угрожающей.

Он медленно снял пиджак и начал засучивать рукава рубашки, заставляя меня ждать ответа.

Через несколько секунд молчания он посмотрел на меня.

— О, ты ждешь ответ. — Это было утверждение, а не вопрос.

Я чувствовала, как меня трясло от злости и стыда, от недостатка внимания, которое он мне уделял.

Схватив пиджак со спинки стула, он направился в мою сторону. Когда его до нелепости подтянутое тело устремилось в мою сторону, я попятилась, пока с глухим стуком не врезалась спиной в стену.

Мое дыхание участилось. Я не была уверена, смогу ли найти в себе силы, чтобы оттолкнуть его, если он решит снова меня поцеловать.

К сожалению, он не поцеловал меня. Вместо этого он сделал кое-что похуже. Он

проявил заботу обо мне.

Его глаза впились в мои, и он просто предложил мне свой пиджак. Мы соприкоснулись руками, от чего мои руки покрылись мурашками, когда я взяла у него пиджак, будучи почти в трансе. Непринужденно, он вернулся к столу, уставившись в ноутбук.

Откашлявшись, я спросила:

— Зачем это?

— Ты дрожишь. — Это было единственное объяснение, которое он мне дал.

— Я в гневе.

— Ты дрожишь от холода. Не упрямысь и просто надень его. Я даже отсюда практически слышу, как стучат твои зубы.

— Мне не холодно. — Я бросила его пиджак на кровать. — И даже если и так, твой пиджак будет последним, что мне понадобится.

Он подошел ко мне за четыре шага. Я пыталась оставаться неподвижной, насколько это было возможно, но не была уверена, что преуспеваю в этом.

Он наклонился ко мне, и его губы почти касались моей шеи. Дотронувшись до моего голого плеча пальцем, он сказал:

— Теперь ты дрожишь... Это потому, что я так сильно тебе не нравлюсь... или потому, что я произвожу такой эффект, когда нахожусь так близко? Если я поцелую тебя прямо сейчас, если прикоснусь к тебе... ты сможешь сказать "нет"? — прошептал он.

Я с трудом сглотнула.

— Где ты живешь, Майя?

— Это не твое дело, — прохрипела я.

Я видела, как его губы начали растягиваться в улыбке, но он не позволил ей стать полноценной. Он просто развернулся и пошел обратно к столу. Что только еще больше меня разозлило.

— Послушай, может, ты привык целовать всех людей вокруг только потому, что ты так захотел, но я не игрушка, и, конечно, мне не нравится, когда меня целует незнакомец, который на днях целовал другую девушку.

— Хмм... игрушка... Это так забавно звучит из твоих уст.

Я сделала глубокий вдох и выдох, пытаясь обуздать нарастающий гнев.

— Могу поклясться, что ты поцеловала меня в ответ.

— Я не целовала тебя в ответ. Я пыталась оттолкнуть тебя.

Он снова поднял брови, передавая своим взглядом то, как сильно ему нравилось это препириание между нами. К сожалению, это было последнее на Земле, чем я хотела бы заниматься.

— О, прости, я подумал, что ты притягивала меня к себе, когда тянула вниз. Моя ошибка. Полагаю, ты не позволишь этому случиться снова?

— Конечно, этого не случится снова!

— Отлично. Теперь, когда мы, наконец, разобрались с этим, мне нужно работать, а ты скоро посинеешь от холода.

Я одарила его беглым взглядом, метая глазами кинжалы — или любой острый предмет, который я могла придумать, — в каждый сантиметр его тела, а затем снова посмотрела ему в глаза.

— Знаешь что, Александр... Первое, что я заметила в тебе, — это глаза. У тебя пленительные глаза, такие выразительные. Но то, как ты смотришь на людей, как ты

смотришь на меня, заставляет ощущать холод внутри, будто я каким-то образом ниже тебя. И, судя по дорогим костюмам, что ты носишь, ты, должно быть, богат. Если эти женщины с тобой не из-за внешности, то, вероятно, из-за денег. Однако я не одна из таких женщин. Этот, — я указала рукой на его тело, — твой гонор не вызывает во мне страсти, поверь. Я ни за что не связалась бы с таким, как ты, даже если бы знала, что проведу остаток жизни в одиночестве.

Его глаза ничего не выражали, и он ни разу не отвел от меня взгляда... Решив, что мы разобрались и что он понял, что я имела в виду, говоря "никогда не прикасайся ко мне снова", я развернулась, чтобы уйти.

— Ты закончила? — спросил он гораздо более холодным тоном, чем секунду назад.

— Да.

— Ты задолжала мне поцелуй, и я взял его, потому что мне нужно было избавиться от Изабель. Ничего более.

Я повернулась к нему.

— Как могло такое произойти, что я задолжала тебе поцелуй? Я даже не знаю тебя.

Он выглядел скучающим, когда прислонился к своему столу, но взгляд его говорил совсем другое. Мне следовало бы ощутить вину за такое мнение о его личности, но он заслужил это. Я не была одной из его побед. С того дня, как я приехала сюда, я видела его с тремя разными женщинами, и у меня не было намерения стать лишь очередной засечкой на столбике его кровати.

— Джексон становился огромной занозой в твоей заднице, и то, что я прервал вас, спасло тебя от этой проблемы.

— Я справлялась с ним сама. Быть моим спасителем было не так уж и необходимо.

— Ты не знаешь его. Поверь, он бы не уступил.

— То есть позволить ему думать, будто я стала "твоей добычей", когда он так мило беседовал, стало тем, что изменило его мнение.

— Да.

Его односложный ответ не помог относиться к нему лучше. После всего сказанного, он все еще был задницей.

— Давай предположим, что ты прав.

— Я прав.

Я одарила его раздраженным взглядом и продолжила:

— Допустим, ты прав. Как же оказалось, что я задолжала поцелуй?

— Я помог тебе, а ты помогла мне с Изабель. Все, что мне было нужно от тебя, — это поцелуй, чтобы избавиться от нее. Не из-за чего заводить.

— Может быть, для тебя это не так, — сказала я и повернулась, чтобы снова уйти. Он был прав, я сглупила, и было неприятно пытаться нормально с ним поговорить. Мне ничего из этого не было нужно.

Его удивительно мягкий голос тотчас же пригвоздил меня к месту во второй раз.

— Я не могу изменить то, что ты чувствуешь, когда я смотрю на тебя, но все, что я вижу, — это красивая женщина. Если я заставил тебя почувствовать себя неудобно из-за поцелуя, прости. Это не было моим намерением.

Я кивнула и открыла дверь, чтобы уйти в свой номер.

— Майя? — Я повернула ручку и, не оборачиваясь, замерла в ожидании. — Причина, по которой я сказал "не стоит благодарности" — это спасение от Джексона, а не из-за моего

явно нежелательного поцелуя, как ты подумала.

Я уже сказала ему, что чувствовала по поводу спасения от его дружка, так что не ощущала потребности оставаться и снова говорить об этом. Не оглядываясь, я шагнула в свой номер и осторожно закрыла за собой дверь, удостоверившись, что заперла ее со своей стороны.

Через минуту я услышала, что он закрыл вторую дверь, соединяющую наши комнаты, а затем — дверной щелчок.

Прислонившись спиной к двери, я помассировала виски.

Когда адреналин от нашей жаркой дискуссии исчез, я чихнула. Сбросив полотенце, я направилась в ванную комнату, чтобы принять еще один обжигающий горячий душ. Все остальное время я пыталась стереть его образ с засученными рукавами и той уязвимостью в его глазах, когда я сказала ему, что никогда больше не позволю к себе прикоснуться.

Я знала, что это было большой ложью. Я просто не была уверена, знал ли и он об этом.

Дрожа под горячей водой, я пыталась решить, должна ли сменить номер еще раз или просто игнорировать тот факт, что нам придется спать в нескольких футах друг от друга в течение шести дней.

* * *

Немного за полночь я лежала в своей постели, пытаясь решить, следует ли мне поменять билеты на самолет и вернуться домой раньше или остаться в Нью-Йорке еще на несколько дней. Пока моя страсть к соседу за дверью не переросла на другой уровень.

Слышать, как его спутница — предполагаю, очередная блонди, если не Изабель, — стонет и выкрикивает его имя в течение двух часов, было более чем достаточно, чтобы довести меня до края и забыть всю мою боль. Я же в это время составляла план того, как убью его голыми руками, смотря в эти прекрасные голубые глаза в последний раз.

День пятый...

С тех пор как я приземлилась в Нью-Йорке, на улицах, несмотря на холодную погоду, всегда были оживленно, но сегодня... сегодня я не думала, что хоть один человек осмелится выйти. После быстрого падения температуры неожиданная метель накрыла уже заснеженные улицы, из-за чего я не смогла посетить кладбище, как планировала накануне.

Судя по количеству постояльцев, заполонивших холл, я бы сказала, что мы все застряли внутри отеля. К несчастью для меня, Александр тоже был одним из таких людей.

Я тайком наблюдала, как он общался с другими. Как легко двигалось его тело, как напрягались плечи, когда ему было неудобно, и как его глаза искали что-то или, может быть, кого-то, чтобы отвлечься, когда он завершал разговор. Все в нем интриговало мое предательское тело.

По мере того как день перетекал в вечер, я делала все возможное, чтобы не встретиться с ним лицом к лицу, и в какой-то степени, казалось, это сработало, так как я умудрилась потерять его из виду больше, чем на пару часов.

Я все еще смаковала горячий шоколад в кафе, примыкающем к лобби, когда пианист сел за черный, из эбенового дерева с красной отделкой, рояль Стэйнвэй^[4]. Я знала все о подобном фортепиано, потому что мой отец знал о нем все. Такой красавец был в наших планах. Конечно, это был не тот самый инструмент, на котором он, бывало, играл, но он тоже знал о нем все. Черт, это было одной из причин, по которой он выбрал этот отель.

Он хотел играть в этом городе. После стольких лет он хотел почувствовать городскую шумиху, светofоры, привычную суету.

Он хотел почувствовать все, взять все с собой. Хотя бы в последний раз. У меня есть собственное кафе в маленьком городке, и время от времени отец играл для посетителей, но в последние два года, когда он боролся с недугом, ему было трудно это делать. И не важно, что он говорил, я знала — он скучал по этому городу. Знала, что это было не то же самое.

Как только пианист прикоснулся к клавишам, я закрыла глаза и музыка унесла меня за пределы реальности. Подальше от моих забот и утраты. Отрывок, который он играл, был мне не знаком, но ощущение того, как звуки проникали в вены, как согревалась кровь от предвкушения заключительных аккордов, было достаточным, чтобы ускорить дыхание и заставить мое сердце танцевать.

Я даже не могла сказать, после скольких песен — может, одной, а может, и двенадцати (звук отражался от стен) — пианист нажал последнюю клавишу и отошел от рояля. Вынырнув из забытья, наткнулась на взгляд ярко-голубых глаз, с едва заметным любопытством смотрящих прямо на меня с другой стороны зала. Я не отвернулась. Честно говоря, я не чувствовала себя в силах разорвать эту зрительную связь между нами. Хотя знала, что должна.

Нотки обеспокоенности омрачали его прекрасное лицо. Я догадывалась: он мог увидеть, что мое сердце разбито, и пытался понять почему. Я не знала, как вести себя или как реагировать, когда он находился в одном помещении со мной. Александр слишком быстро прервал наш зрительный контакт и пошел прочь, будто знал, что иметь связь наподобие этой было большой ошибкой; ушел, как будто этого никогда и не происходило.

Я встала и подошла к ближайшему окну, чтобы понаблюдать за снежинками,

падающими на землю, и послушать, как ветер играет собственную мелодию тому, кто готов слушать.

Окончательно отказавшись от идеи выйти из отеля, я решила вернуться в свой номер и открыть письма, которые боялась читать с тех пор, как отец покинул меня.

Обходя небольшую группу людей, я увидела Александра, который на этот раз разговаривал с брюнеткой, и по какой-то причине внутри меня что-то перевернулось, болезненно напомнив, что наш поцелуй абсолютно ничего не значил для него.

Расстроившись, что мне придется слушать, как он еще одну ночь будет заниматься сексом, я решила сыграть с ним в собственную игру. В конце концов, он вчера устроил мне засаду. Будет справедливо, если я нарушу его планы.

Я сказала себе, что это не имеет ничего общего с желанием увидеть тот взгляд, когда наши губы встретились и его руки обняли меня. Ничего общего с чувством потрясения от его прикосновения. Я была для него никем, и таковым он должен был быть и для меня тоже.

Заметив напряженность в его теле и то, как он отвернулся от женщины, когда она прильнула к нему, что-то нашептывая, я споткнулась. Сцена выглядела более интимной, чем просто свидание на одну ночь, — было какое-то невысказанное прошлое между ними, более личное.

Передумав в последний момент, я решила отпустить это чувство. Именно когда я была уверена, что он меня не увидит и я проскочу за его спиной, он неожиданно сделал шаг назад, и я чуть не потеряла равновесие. Он повернулся извиниться и тут понял, что врезался в меня.

За секунду выражение обеспокоенности на его лице сменилось: все в нем исходило из холодного расчета. Он притянул меня к себе, взяв за руку.

Я попыталась вырваться, но у него была железная хватка.

Только я открыла рот, чтобы что-то сказать, вместо меня заговорила брюнетка:

— Александр, что происходит?

— Я хочу, чтобы ты познакомилась с Майей, Клэр. Майя, это моя бывшая жена, и она как раз собиралась уходить.

Я снова открыла рот, чтобы заговорить, но, как только он посмотрел на меня, я увидела его умоляющий взгляд и забыла, что собиралась сказать. Это уже был не тот самоуверенный парень, что вчера. Нет, появилось нечто другое в Александре, какая-то уязвимость в глазах, от которой я не могла отмахнуться.

— Значит, вот так ты хочешь жить дальше, Алекс? — спросила брюнетка, разрывая нашу связь.

Алекс отвел от меня взгляд и полностью развернулся к ней.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, Клэр.

— Мы оба знаем, что ты прекрасно понимаешь.

Было не комфортно находиться рядом с ними, чувствовать грусть, окружающую женщину, и ощутимый гнев, смешивающийся с чем-то еще, в Александре. Единственное, что беспокоило меня и в чем я не могла быть полностью уверенной, так это притворялась она или в самом деле печалилась.

Клэр глубоко вздохнула и прикусила нижнюю губу. Ее макияж был безупречным, полные губы накрашены глубоким оттенком красного.

Несмотря на то, что Александр держал мою руку крепкой хваткой, она полностью игнорировала меня. Опираясь на него, положила ладонь поверх его груди, на сердце.

— Наш небольшой перерыв убивает меня так же, как и тебя, насколько я знаю. Тебе

придется простить меня когда-нибудь, Алекс.

Он отступил, увлекая и меня за собой, обхватив за талию, отчего ее рука упала.

— Мы разведены, Клэр. "Небольшой перерыв", как тебе нравится называть это, никогда не закончится. Если это все, что ты пришла сюда сказать, думаю, мы закончили. Как ты видишь, я занят.

Черты ее лица исказились, и она сузила глаза, глядя на него.

Отведя от нее взгляд, я посмотрела на его лицо — сильная челюсть была сжата. Что-то было неправильным в языке его тела. Даже его рука на мне ощущалась не так, как вчера. Сейчас это было напряженно-неловко и будто вынужденно.

Не знаю почему, но мне не нравилось видеть его таким. Практически оторвав его руку от своей талии, я переплела наши пальцы и посмотрела на него. Я не могла упустить его удивления от моей бесцеремонности.

Глаза Клэр опустились к нашим сомкнутым рукам, и она ухмыльнулась:

— Ох, милая. Разве ты не знаешь, что ты ничто? Просто то, что у тебя был секс с ним один или два раза, не означает, что ты завоевала его сердце. Оно по-прежнему принадлежит мне.

Его рука напряглась, и вот тогда я поняла, что сказанное ею было в некотором смысле правдиво.

— Ох, милая, — передразнила ее я. — Наверное, больно оттого, что ты больше не спишь с ним? После вчерашней ночи, имею в виду, — я обмахнула себя, невинно улыбаясь. — Я запомню это на всю жизнь.

Ее милые маленькие губки скривились еще больше, а я получила удовольствие, увидев вспышку ревности на ее лице. Просто чтобы вкрутить нож немного глубже, я всем телом прижалась к нему, положив голову на плечо.

— Разве ты не знаешь, что он больше тебя не хочет?

— Ты шлюха, я...

— Довольно, Клэр, — прорычал он.

Не обращая на нее внимания, он сжал меня в объятиях и, наклонившись, нежно поцеловал в висок в качестве небольшой благодарности.

— Хочешь подняться? — спросил он. Его глаза манили меня.

Радуюсь этому бегству, я кивнула.

Со стороны все выглядело так, будто он холодно отделался от бывшей жены, но я знала, что это не тот случай. Он выбрал бы ее вместо меня — или одной из его блондинок — в любой день, если бы все было по-другому для них. Это было написано на его лице, и не только я это заметила. Но даже после всего он хотел ее.

В груди защемило.

— Надеешься, что выйду туда в такую погоду, Алекс? — спросила Клэр, когда мы собрались сбежать.

— Я надеюсь, что ты вернешься таким же способом, каким пришла сюда. Меня не волнует как.

С этими словами он, не оборачиваясь назад, повел меня к лифтам, его теплая рука лежала на моей пояснице.

Как только Клэр оказалась вне пределов слышимости, он заговорил:

— Это тебя не касается. — Его тело было напряжено.

— Я что-то сказала по этому поводу?

— Я просто предупреждаю тебя, прежде чем ты начнешь задавать вопросы.

— У меня не было намерения делать это. К слову, не помешало бы сказать "спасибо", дружок. Как видишь, я уже второй раз спасаю тебя от женщины, и ни разу ты не был любезен.

Он нажал кнопку лифтов.

— Опять-таки, мисс Харт, оба раза вы могли сказать "нет". Я не заставлял вас что-либо делать. К тому же именно вы все еще держите мою руку.

— Боже, ты невыносим!

Я высвободила руку из захвата, не беспокоясь, как это выглядело, если его Клэр все еще наблюдает за нами.

Двери лифта открылись с резким звуком, и мы шагнули внутрь после того, как все вышли.

— Тебе не нужно быть где-то еще или, может, ты воспользуешься следующим лифтом?
— спросила я, беспричинно раздраженная.

— Ох, так теперь ты владеешь и лифтами тоже?

— Поскольку очевидно, что мы не можем находиться рядом друг с другом, я бы не возражала, чтобы ты поехал на другом.

— Не волнуйся, я тоже не в восторге от твоей компании.

Я не чувствовала потребность высказаться, что это чувство было взаимным, так что мы продолжали стоять в разных концах лифта, не глядя друг на друга, не разговаривая.

Как только мы доехали до двадцатого этажа, свет погас и лифт дернулся от резкой остановки.

Я ахнула и прижалась спиной к стене, будто это как-то улучшит ситуацию. Мой желудок сжался, когда ничего не произошло спустя несколько секунд. Я думала, может, это просто небольшая пауза, и лифт снова начнет движение. Но все осталось по-прежнему.

— Александр, — прошептала я, будто громкий шум может вызвать падение лифта, убив нас обоих в считанные секунды.

— Я здесь, — сказал он просто.

— Я знаю, что ты здесь, — огрызнулась я, будучи не в состоянии больше сдерживаться.
— Что происходит?

— Лифт остановился.

— Серьезно? — прокричала я.

— Успокойся. Должно быть, сели генераторы. Это из-за шторма. Скоро поедem, не переживай.

Мне было тяжело дышать, и я попыталась сделать все, что могла, чтобы успокоить сердцебиение. Разбиться насмерть — не так я хотела умереть.

Александр достал телефон, и слабый свет дал нам возможность снова видеть друг друга. Я плотнее прижалась к стене... я бы сделала все, только чтобы не приползти обратно в его объятия.

— Черт, у меня нет сигнала. Проверь свой.

— Мы не можем позвать на помощь? — выдохнула я. Голос был слабее, чем прежде.

Он поднес телефон к моему обеспокоенному лицу.

— Успокойся. Дай мне свой, и я позвоню на стойку регистрации, чтобы узнать, что происходит.

— Что тебе дать?

— Дай мне свой телефон, Майя.

— У меня его нет.

— Как это, черт возьми, у тебя его нет?

— Так это нет, господи боже мой! Он здесь не работает, я не ношу его с собой. Нет телефона! Теперь до тебя дошло? — закричала я, не в силах остановить себя.

Я начала глубоко дышать, пытаясь сосредоточиться на чем-то еще, кроме мысли, что оказалась запертой в лифте с наихудшим из возможных людей.

— Посмотри на меня, — сказал он, подойдя и встав рядом со мной, бесполезным телефоном освещая пространство.

Игнорируя его, я закрыла глаза и начала напевать с закрытым ртом, притворившись, будто не слышала скрип и странные звуки, когда кто-то из нас сдвигался хоть на сантиметр.

— Майя, посмотри на меня, — уже нежнее повторил он.

— Пожалуйста, оставь меня в покое. Я не хочу смотреть на тебя. Я просто хочу выбраться отсюда.

Пальцами он коснулся моего подбородка, поднимая его вверх. Я открыла глаза и попыталась сфокусироваться на нем в слабом освещении. Даже его голубые глаза не смогли успокоить меня, так что я снова закрыла свои.

— Майя, я здесь, посмотри на меня.

— Ты не помогаешь, уйди, пожалуйста, — прошептала я.

— Мне некуда уйти. Я знаю, тебе это не нравится, но, кажется, мы тут застряли на некоторое время, так что перестань говорить мне уйти.

— Не испытывай меня прямо сейчас.

— А когда? Ты уже решила, что позволишь мне коснуться тебя?

— Да что ты за человек? Мы застряли в лифте, ожидая возможную смерть, а ты вот что решаешь делать? Заполучить девушку, которая на грани еще одной панической атаки?

— Тогда что прикажешь мне делать? — пренебрежительно спросил он.

— Что-нибудь! — я невольно повысила голос.

Он нежно положил ладонь на мою щеку. Пораженная мягкостью его прикосновения, я закрыла рот. Его рука была такой теплой... ничего похожего на холод, который начинал просачиваться сквозь мою кожу. Мне пришлось сдержаться, чтобы не склонить лицо к его руке, подобно котенку, выпрашивающему ласки.

Большим пальцем он погладил мою скулу, каким-то чудом немного успокоив мое сердце.

— У тебя клаустрофобия, Майя?

— Нет... Я не знаю, — прошептала я, глядя вниз. — Мне нужно выбраться отсюда.

Я снова закрыла глаза и попыталась сфокусироваться на нежных движениях его пальцев. Ощувив, что он подошел ко мне на шаг ближе, я глубоко вдохнула его запах, чтобы напомнить себе — я не одна. Это помогло успокоиться и сосредоточиться на нем.

Хотя я все еще прижималась к стенке лифта.

— Должно быть, неполадки с электричеством; они вытащат нас, как только смогут, не волнуйся.

Я испустила долгий выдох:

— Говорить "не волнуйся" совсем не помогает мне. Это только заставляет сосредоточиться на том, как сильно нам следует волноваться. Я думаю, что мы разобьемся насмерть.

— Этого не случится.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. О чем ты хочешь поговорить? Это отвлечет тебя от мысли, что ты в ловушке.

— Спасибо, что напомнил, потому что я вообще об этом не думала. И я не хочу ни о чем говорить. Я просто хочу дышать.

— В этом ты не слишком преуспеваешь.

Я сердито посмотрела на него, заметив небольшую улыбку на его губах.

И тут внезапно я перестала его видеть вовсе. Вокруг стало темно, и я снова начала паниковать.

Вдобавок ко всему прочему, он убрал свою ладонь, и я ощутила себя незащищенной без его прикосновения.

— Вот дерьмо, батарея сдохла, — пробормотал он.

Две секунды тишины, слишком долгие две секунды, и я не могла этого вынести. Я даже не могла слышать, как он дышит, будто он просто растворился в воздухе.

Оставив спасительное местечко у стены, я подалась вперед, пребывая практически на грани паники, когда моя рука наткнулась на его грудь, и я вцепилась в его пиджак. Намертво.

— Пожалуйста, не стой так далеко.

У меня перехватило дыхание, и я поняла, что через пару секунд разревусь.

— Эй, — его голос смягчился, — я говорил тебе, что при всем желании здесь ты не сможешь избавиться от меня. Я рядом.

Ему каким-то образом удалось высвободиться из моей хватки, он обеими руками взял мое лицо, а я удерживала его за предплечья, не позволяя никуда уйти.

— Должно же тут быть какое-то аварийное освещение или что-то подобное? — спросила я, восстановив дыхание. У меня это получилось благодаря его успокаивающему голосу, приказывающему сделать это.

— Да, но ничего, кажется, не работает. Не знаю, что происходит снаружи. Я не ожидал, что разыграется такая буря, но в Нью-Йорке зимы всегда такие, никогда не знаешь, когда станет еще хуже.

— Так ты из Нью-Йорка?

— Да. А ты откуда?

— Не из Нью-Йорка?

— Итак, ты все еще думаешь, что это не мое дело, где ты живешь.

— Полагаю, да.

Не знаю почему, но мне не хотелось говорить ему, откуда я. В любом случае я не думала, что это его волнует. Он просто разговаривал со мной, чтобы успокоить. Как только бы двери открылись, он бы вернулся к свойственному ему поведению засранца.

— Ладно, пусть так и будет. Не говори мне.

— Я не думаю...

— Ты можешь называть меня Алексом. Тогда Расскажи мне еще что-нибудь о себе. Ты работаешь?

— Да, у меня есть маленькое кафе.

— И где же находится это маленькое кафе?

— Хорошая попытка.

Прежде чем он смог придумать ответ, что-то над нами оборвалось, и мы опустились на

несколько сантиметров. В этот раз я уткнулась лицом в его шею, а он, защищая, обнял меня так, что мои руки оказались зажаты между нами.

Я услышала его чертов смешок и почувствовала, как он сотрясается от смеха, но была слишком занята, зажмуривая глаза так крепко, как только могла, чтобы огрызаться на него.

— Майя? Значит, ты лгала, когда сказала, что не позволишь мне прикоснуться к себе, даже если тебе пришлось бы провести остаток жизни в одиночестве?

— Пожалуйста, заткнись, — процедила я сквозь зубы.

Он еще громче фыркнул от смеха. Если бы мы не стояли в темноте, я бы с удовольствием посмотрела, как меняется выражение его лица, когда он смеется, но, к сожалению, я не могла даже увидеть собственную руку, не говоря уже о его прекрасном лице.

— Майя, тебе нужно расслабиться, — прошептал он на ухо, посылая мурашки по спине.

Рукой он начал гладить мою спину, а подбородком уперся мне в макушку.

Быть в его руках было угрожающе хорошо. Безопасно. Соблазнительно. Прекрасно было ощущать, как он обнимает меня за талию, как его тело возвышается надо мной. Все это, добавленное к моему наваждению, а еще почему-то каждый его вздох, каждый удар сердца, который я чувствовала грудью, успокоило меня.

Когда он убрал одну руку с моей талии, мое тело обмякло на его, и воздух вокруг нас изменился. Я прислонилась лбом к его груди, мое беспорядочное дыхание стало замедляться. Другая его рука все еще была на моей пояснице, и я не хотела думать, каково это будет — не ощущать на себе его руки. Наоборот, я скучала по недолгому ощущению обеих его рук, обнимающих меня.

— Мне нравятся твои губы, — пробормотал он.

— Это должно мне польстить? — выдохнула я.

Я почувствовала, как его пальцы осторожно приподняли мой подбородок, как чистое, мятное дыхание согрело щеку.

Мои глаза все еще были закрыты.

Это все-таки было наваждение. Я знала это. Мне просто нужно было повторять это себе.

— Я ведь задолжал тебе поцелуй, Майя? — спросил он у моих губ, заставляя меня дрожать.

— Мы сейчас умрем, а ты вот о чем думаешь?

— Мы не умрем. Если хочешь, можешь рассказать, о чем думаешь ты. Сомневаюсь, что это лучше, чем то, о чем думаю я, но давай, говори.

Большим пальцем он коснулся моей нижней губы — невесомая ласка, но все еще реальная. А затем я почувствовала его пальцы на моих закрытых веках.

— Твои глаза все еще закрыты, — прошептал он, — расскажи мне, о чем ты думаешь.

— Я думаю, никто не придет к нам на помощь, — сказала я, немного волнуясь.

— Через несколько минут или, может, секунд, ты будешь свободна от меня.

— Сомневаюсь в этом. Я встречаю тебя чаще, чем мне бы хотелось, с того самого момента, как я зарегистрировалась здесь. Похоже, от тебя не так легко избавиться.

Я попыталась сделать шаг назад и высвободиться из его объятий, но он рукой, все еще лежащей на моей спине, пресек мои трепыхания.

— Я никому не скажу, что мы делали, если ты не скажешь, — пробормотал он около моей щеки.

И снова я попыталась отстраниться.

— Делали что? О чем ты говоришь... — прежде чем я смогла закончить предложение, его губы прижались к моим, поглощая все слова.

Несмотря на то, что я начала толкать его в грудь, но даже я знала, что это была лишь вялая попытка. Его пальцы крепко охватили оба мои запястья, останавливая мои движения так же, как и мысли.

Я старалась не отвечать — я правда старалась, — но он был неумолим. Прежде чем мой разум осмыслил, что мы снова целуемся, его язык проник в мой рот, и наш поцелуй превратился в нечто большее. Во что-то, от чего даже я не смогла отказаться.

Ему удалось отбросить все мои мысли... кроме как о нем самом.

Были только мы в маленькой кабинке или это был весь мой мир?

Я потерялась в ощущениях.

На самом деле, он был тем, кто забрал их у меня и дал взамен что-то еще.

Тепло его тела проникало в меня... его губы, язык обжигали меня изнутри.

Его рука медленно добралась до моей шеи, и он наклонил мою голову так, как ему хотелось, чтобы он смог углубить наш поцелуй.

Я оперлась на него, страстно желая намного большего, а он удержал меня на весу.

Впрочем, и этого было недостаточно. С ним всего будет мало.

Я застонала, изо всех сил стремясь быть ближе к нему.

Он отпустил мои запястья, и я протянула руки к его лицу в попытке удержать его возле себя. Именно так. Лишь еще на минуту, а затем пусть реальность обрушится на нас.

Он простонал, не разрывая губ, языком всасывая мой более жестко и настойчиво, затем толкнул меня обратно к стене. Я ахнула, почувствовав бедром его возбужденное состояние.

Нежно прикусив мою нижнюю губу, он медленно облизал место укуса, и ленивая улыбка появилась на моих губах.

— Ты улыбаешься, — пробормотал он удивленным голосом.

Я не смогла сдержаться... и засмеялась.

Мы оба тяжело дышали, и я не хотела, чтобы это заканчивалось; я не хотела потерять это чувство — этот мир, — который он мне предлагал.

Когда он не вернулся к моим губам достаточно быстро, я забыла о том, почему это было плохой идеей, и вслепую потянулась к нему, чтобы вернуть обратно. Или это он потянулся ко мне снова?

В тот момент я ничего не знала. Я была ослеплена тем, что он заставлял меня чувствовать.

Наши языки переплелись, его пальцы крепче сжали мою шею.

Моя рука скользнула вниз с его груди, чувствуя ладонью рельеф каждой мышцы.

Мир двигался или мы?

Я глубоко задышала, когда он переместился с моих губ, продолжив целовать шею и подбородок.

Раздался резкий металлический звук; кто-то откашлялся.

— Похоже, вам понравилось, мисс Харт. Не могу дождаться, когда мой член погрузится между ваших ног. Это то, что мне безусловно понравится.

Потрясенная, я распахнула глаза, встретившись с его взглядом. Тепло, которое заполняло мои вены, за секунды сменилось ледяным холодом.

Затем мое сознание отметило, где мы находились.

— Почему так долго? — спросил Александр жестким тоном, и я моргнула, не понимая,

о чем он спрашивал. Я была или недостаточно проворна, или недостаточно умна, чтобы отстраниться от него.

По правде говоря, в его объятиях я совсем потеряла голову.

Однако у него такой проблемы не было. Он сразу же отошел от меня, из-за чего я пошатнулась на месте, удерживая равновесие.

Кто-то ему ответил, но я ничего не слышала из-за гула в ушах.

Его пристальный взгляд упал на мои распухшие губы, и затем, вот так запросто, он развернулся и вышел из лифта, осыпая вопросами кого-то... бросая меня одну.

В голове начало проясняться, и я услышала конец их разговора.

— С другими есть проблемы?

— Нет, сэр. Только в этом были люди. Больше неполадок нет. Генератор заработал, но возникла проблема с подключением к лифтам. Она была немедленно устранена.

Взглядом я наткнулась на пару зеленых глаз, смотрящих с ненавистью. И хотя я все еще не пришла в себя, выдержала пристальный, нервирующий взгляд Клэр. Очевидно, конец шоу не добавил ей хорошего настроения, что не удивительно. А вот увидеть знакомое лицо Джексона рядом с ней определенно было большим сюрпризом. Его глаза остановились на мне, ухмылка играла на его губах, когда он наклонился и прошептал ей что-то. Ее свирепый взгляд немедленно переместился на его лицо.

Все тепло, которое я испытывала всего несколько секунд назад, покинуло мое тело со свистом, и я обняла себя, пытаюсь остановить дрожь. Они знали друг друга.

Мне не было места в их мире. Неважно, что я начинала чувствовать к Александру, я никогда не смогу на него даже претендовать.

Я сосредоточилась только на побеге, нажала кнопку своего этажа, и двери медленно закрылись передо мной. Оставляя меня в полном одиночестве.

Глава 6

Александр больше никогда не искал со мной встречи. Не то чтобы я считала, будто у него была причина для этого или что ему следовало бы. Просто у меня из головы не шел наш поцелуй. Однако отсутствие Александра лишний раз доказывало, что случившееся между нами было исключением из правил и никогда не повторится вновь. Даже понимая это, я по-прежнему не могла думать ни о чем другом, кроме как о том спокойствии, которое он дал мне лишь одним поцелуем.

Лежа в постели и завернувшись в белые простыни, я наблюдала за стихающей снежной бурей. Почувствовав себя не очень хорошо, заказала обслуживание в номер и страшилась того момента, когда придется открыть письма, написанные моим отцом своему брату.

Я не хотела читать их, и, может быть, мне следовало уважать его личную жизнь, но это было небольшое окошко, позволяющее украдкой взглянуть на его жизнь с той точки зрения, которую он никогда мне не показывал.

Как я могла отказаться услышать его еще раз через слова, адресованные брату?

Боль, которую он испытал, когда потерял любовь всей своей жизни. Радость и гордость, которую чувствовал, когда держал меня на руках в первый раз, его борьбу.

Я бы хотела узнать все, от чего он пытался меня оградить.

Быстро поужинав, я, пытаясь собраться с духом, много времени простояла перед окном, глядя на улицу. Я посмотрела на сложенные стопкой письма, лежащие на кровати; невинно ожидающие, когда я открою их.

Причина, по которой они оставались нераспечатанными так много лет, была в том, что его брат никогда не принимал их. Они всегда возвращались с пометкой "Вернуть отправителю". Помню, что мне было девять лет, когда я впервые увидела, как он получает одно из этих писем. Именно я нашла его в почтовом ящике и отдала отцу. Я не знала, что это было за письмо и от кого оно, но разочарование на его лице было видно даже мне, той, которая ничего еще не знала о разбитом сердце. После стольких лет его слабая улыбка и усталый вздох все еще были свежи в моих воспоминаниях.

* * *

— Плохие новости, пап?

Он с любовью погладил мои волосы.

— Нет, детка, нет.

— Тогда почему ты такой грустный? Что бы это ни было, ты можешь мне сказать. Ты ведь заставляешь меня рассказывать все, так что это будет по-честному.

Он рассмеялся, его голос и взгляд потеплели, когда он вертел письмо в своих руках:

— Ты слишком быстро растешь, Майя.

— Они раскрыли тебе этот секрет в письме? — спросила я, но он не ответил на мою шутку.

Он сел и положил письмо на кухонный стол.

— Это письмо я отправил твоему дяде в прошлом месяце, но оно вернулось. Я пытаюсь

и буду пытаться достучаться до него, но он и знать меня не хочет. Вот поэтому я немного расстроен, детка.

— Почему он не читает их? Он не скучает по тебе? Он никогда нам не звонит.

— Ему больно.

— Кто его обидел?

— Я.

— Я знаю тебя девять лет, пап, и знаю, что ты бы никогда никого не обидел. Может, это сделал кто-то еще, а он думает, что это был ты?

— Нет, малышка. Это был я.

— Мне не нравится, что он причиняет тебе боль этими письмами. Нам не нужен тот, кто не хочет нас. Не пиши ему больше.

— Однажды он изменит свое мнение. В один прекрасный день он прочтет их все. Я уверен в этом.

— Как ты можешь быть так уверен? Может, тебе просто следует сдаться, — посоветовала я ему, будто знала ответы на все вопросы в мире.

— Майя, никогда не отказывайся от людей, которых ты любишь, поняла? Никогда не сдавайся без боя, — отчитал он.

— Хорошо, папа. Прости.

— Не нужно извиняться, детка, — его голос смягчился. — Просто помни: никогда не сдавайся, хорошо? Всегда есть другой выход. Тебе просто нужно его найти. Я верну брата, даже если мне придется поехать к нему домой и самому прочитать ему письма. Я удостоверюсь, что он видит: я никогда не забывал о нем. Я все еще тот брат, которого он знал.

— Ты же возьмешь меня с собой, да? Не оставишь меня здесь одну?

— Конечно возьму, моя красавица. Я никогда не оставлю тебя. Мы всегда будем друг у друга. Не могу дождаться того дня, когда смогу познакомить тебя с ним. Он полюбит тебя.

** * **

Он никогда не переставал писать ему. Даже несмотря на то, что каждое из этих писем возвращалось, причиняя ему все больше и больше боли с каждым годом, он никогда не сдавался. Я думаю, ближе к концу он понял, что у него никогда не будет таких отношений с братом, каких ему хотелось бы. Он знал, что больше ничего не сможет сделать, тем не менее все же нашел другой способ. Он удостоверился, что я приеду сюда и вручу их лично.

И я знала — это было сделано именно для того, чтобы у меня была семья. Таким был его способ позаботиться обо мне: удостовериться, что я не буду одна.

Ежегодно наблюдая, как возвращается еще одно письмо; видя, насколько он решителен, но, к сожалению, с разбитым сердцем, — все это еще больше заставляло меня ненавидеть дядю. Я действительно приехала сюда отдать ему письма, но я также многое хотела сказать ему. Начиная с того, что он не заслужил ни такой любви моего отца к нему, ни его писем, ни его стремления к нему.

Я собиралась причинить ему боль — такую же, какую он причинил моему отцу.

Впрочем, сейчас я была рада, что у отца не было возможности узнать о кончине его брата два года назад. Что у нас больше не было семьи.

Вытирая слезы, я глубоко вздохнула и подняла письма. Их было двадцать. Я потянула за бечёвку, удерживающую их вместе, и она медленно упала на бежевый ковер.

Присев на край кровати, я взяла первое письмо и быстро открыла его, прежде чем могла передумать.

Это было одно из писем, которое он написал, когда мама еще была жива, когда я была еще размером с виноградину.

Я читала строки, где он рассказывал, как был счастлив, как сильно он хотел поговорить с ним и всем поделиться. Что все должно было быть по-другому.

Письмо за письмом он извинялся — бесчисленное число раз — за несбывшиеся чужие мечты ради воплощения собственной, за то, что покинул страну. Но он никогда не извинялся, что выбрал мою маму. Он никогда не извинялся за любовь.

"Я люблю ее, Джеймс. Я люблю ее, как никогда не любил в своей жизни. Я люблю ее больше, чем мог когда-либо любить музыку. Я знаю, что принял правильное решение, и в один прекрасный день ты все же поймешь меня. Однажды ты простишь меня."

Я никогда не откажусь от тебя. Я никогда не перестану быть твоим братом. Твоей семьей. Это не должно изменить нас".

К тому времени, когда я добралась до пятого письма, я была сама не своя. Некоторые из них я читала расхаживая по комнате, некоторые — в постели, большую часть — сквозь слезы, застилавшие глаза.

Никогда в жизни я не чувствовала себя такой виноватой и такой любимой. Не ощущала такой тяжести на сжимающемся сердце. Никогда не думала, что смогу любить его больше, чем уже любила.

Читая письма, я слышала, как Александр ходит по своему номеру. Иногда он кричал на кого-то — полагаю, он говорил по телефону, так как я слышала только его голос. Захлопнулась дверь, включился душ, зазвонил телефон. В остальном он почти вообще не шумел, но время от времени ко мне все же доносились звуки, и это помогло мне осознать, что я не одинока. Или, по крайней мере, это помогло уверить в этом себя.

Взяв следующее письмо, я вертела его в руках, казалось, бесконечно долго. Я знала, что было в нем написано, знала, что произойдет, и не была уверена, смогу ли справиться с этим, смогу ли не рассыпаться на кусочки по всему полу.

Стоя рядом с дверью, соединяющую меня с Александром, я сползла вниз и прислонилась к ней спиной... надеясь, что смогу от него почерпнуть силы.

Дрожащими руками я аккуратно открыла письмо и вытащила два листа.

Воспоминания об отце пронеслись в голове. То, как он, улыбаясь, смотрел мне в глаза, без лишних слов говоря, что любил меня больше, чем что-либо в этом мире.

Я вспомнила отрешенность, которую видела в его глазах время от времени. Как он каждую ночь играл одну и ту же мелодию для жены.

И, зная все это, я до сих пор чувствую себя виноватой за то, что мое существование стоило ему чего-то очень ценного.

Затерявшись в собственном маленьком мирке, я вздрогнула, когда услышала, как рядом захлопнулась дверь. Закрыла глаза и попыталась сделать глубокий вдох. В какой-то момент в комнате стало слишком жарко, и я переключила регулятор отопления на меньший режим, все еще находясь на грани срыва. В одно мгновение мне было очень холодно, в другое я вся горела изнутри.

Мое сердце дрожало, разбиваясь на кусочки.

Вытирая слезы тыльной стороной ладони, я пыталась сосредоточиться на строчках из письма, которые стояли у меня перед глазами.

"Знаю, что ты можешь не прочесть это до конца, но ты мне нужен, Джеймс. Ты нужен мне больше, чем когда-либо в жизни. Пожалуйста, пусть это письмо будет первым, которое ты откроешь".

С ненавистью в сердце я прочитала его мольбу к брату. С ненавистью к тем, кто оставил его одного, кто решил оттолкнуть его просто потому, что он посмел жить собственными мечтами.

"Мир, который я знал, сегодня рухнул. Я потерял мою любовь, мою жену. Мою мечту. Мой мир. Я тысячу раз умер с тех пор, как мне сказали, что они не смогли спасти ее, а я все еще живу, дышу. Не знаю, что мне делать, Джеймс; трудно представить жизнь без нее. Трудно принять, что ее нет".

Чем больше я читала о его горе, тем больше чувствовала себя раздавленной под тяжестью вины. Знала, что не моей, знала, что не была в ответе за смерть матери, однако никак не могла изменить то, что чувствовала всю жизнь. Если бы меня не было в этом мире сегодня, мой отец не потерял бы свою любовь. Ему бы не пришлось испытать такую сильную боль.

Вся в слезах, я сделала глубокий вдох и попыталась продолжить чтение.

"Вчера утром в семь часов сорок минут, когда мне сначала сказали, что она умерла, мое сердце перестало биться. В семь пятьдесят мне дали в руки мою малышку, и оно снова забилося."

Я отец, Джеймс. Отец прекрасной маленькой девочки. Последний подарок мне от нее. То важное, что мы создали вместе, — невинную маленькую девочку, плод нашей взаимной любви.

Майя... Мою маленькую девочку зовут Майя. Она такая крошечная, такая хрупкая, и у нее никого нет, кроме меня. Она никогда не ощутит на себе любящих материнских рук, не почувствует тепло ее поцелуев. У нее нет никого, кроме меня, и я понятия не имею, смогу ли стать хорошим отцом без нее, своей любимой жены; не знаю, смогу ли дать ей то, что ей необходимо.

В тот момент, когда я держал дочь на руках, когда ее маленькие глазки смотрели на меня с таким доверием, с таким удивлением, я не смог сдержать слез. Это раздирало мне душу. Разве я не должен быть ее героем? Разве я не должен быть всем, что ей когда-либо понадобится? Так почему я чувствую себя таким слабым?

Она тоже заплакала, Джеймс. Моя маленькая звездочка безутешно рыдала своим маленьким сердечком, а я ничего не мог сделать, чтобы это прекратить.

Моя любовь умерла, оставляя мне лучший в мире подарок. Я в больнице, в ожидании,

когда мне дадут в руки маленькую ее частицу. Несмотря ни что, она всегда будет с нами. Пусть даже она поддержала Майю на руках лишь несколько секунд, я позабочусь, чтобы доченька знала, как сильно ее любила мама.

Она теперь моя новая мечта, ради нее я заставлю себя дышать. Может быть, я не смогу дать ей все, что необходимо, и, наверное, иногда она будет скучать по маме, но я сделаю для нее все возможное. Я всегда буду прилагать максимум усилий".

* * *

"Я так сильно люблю ее, Джеймс. Она со мной всего лишь двадцать семь часов, а моя любовь к ней уже необъятна. Ты даже не можешь представить, как она наполняет мое сердце. Как оно разрывается от огромной любви, когда ее маленькие пальчики хватаются за мой большой палец, изо всех сил цепляясь за жизнь. Знаю, ты бы тоже ее полюбил. Ты был бы здесь ради нее, если бы мог.

И я хотел бы, чтобы ты был..."

* * *

"Я уже скучаю по жене, Джеймс. Я все еще могу чувствовать запах ее духов на подушке, и я понятия не имею, что буду делать, когда он развеется и я не смогу больше его вдохнуть. Не знаю, переживу ли это.

Мне нужно, чтобы ты простил меня. Мне нужен брат".

* * *

Я не могла больше читать. Даже тех отрывков, которые удалось прочесть сквозь слезы, — даже тех коротких отрывков было достаточно, чтобы разбить мне сердце. Он никогда не винил меня за то, что я отняла у него жену. Ни разу он не обмолвился, какой обузой я была или что он жалел о моем появлении на свет. Не упоминал, что они решились завести ребенка, несмотря на предупреждения врачей о трудной беременности. Он никогда не чувствовал ко мне ничего другого, кроме любви, и в тот момент я скучала по нему больше, чем по чему бы то ни было на свете.

Я скучала по его объятиям, его музыке, его любви и по моему детству, когда он каждый вечер укладывал меня в постель, целуя и желая спокойной ночи. Я скучала по каждой мелочи, связанной с ним.

Когда воспоминания о детстве волной захлестнули меня, я захлебнулась в собственном горе. Я не помню, как долго рыдала, свернувшись калачиком на полу с его письмом в руках. Не помню, чтобы кто-то стучал в дверь, и не помню, как Александр вошел в мой номер и сжал в объятиях.

Оглядываясь назад в тот день, все, что я могла вспомнить, — это мучительные страдания и руки Александра, возвращающие меня в реальность.

— Майя, ты должна рассказать мне, что происходит, или мне придется вызвать доктора.

И только когда он заговорил, я осознала, что он находился в номере и нежно держал теплыми ладонями мое лицо.

— Я так сильно скучаю по нему, — прошептала я, когда он вытирал мои слезы большими пальцами, обеспокоенно глядя на меня.

— По кому ты скучаешь?

Его прикосновения каким-то образом успокоили мое сердце, и я прикрыла веки, пытаясь впитать все то, что он давал мне, пока его голос не заставил меня снова открыть глаза.

— Я не могу тебе помочь, пока ты молчишь, дорогая.

— Ты не можешь помочь.

— Посмотрим.

— Мой отец... Я потеряла отца.

Мой голос сорвался, и горячие слезы вновь покатались по лицу.

— О, дорогая... — пробормотал он и вздохнул, положив мою голову себе на грудь.

Я повисла на нем, будто он был моим спасательным кругом, будто он был единственным человеком, который якорем держал меня на земле.

Я крепче схватила его белую рубашку — всю в разводах от моих слез, — зажав в кулаки, и он позволил мне горько оплакивать потерю самого замечательного мужчины.

Удивительно, но то, что он держал меня вот так в объятиях, сломало что-то внутри меня, и я впервые в жизни рыдала в руках незнакомца. На людях я заставляла себя улыбаться, тихо проливая слезы над умирающим отцом, с Александром же я растеряла свою сдержанность, полностью погрузилась в пучину горя.

Я почувствовала прикосновение губ к моему лбу и подняла голову, чтобы взглянуть в его прекрасные глаза.

— Почему это настолько больно? — спросила я, не ожидая ответа.

— Не хочешь рассказать мне, что произошло?

Он выпрямил ноги и прислонился спиной к стене, притянув меня к себе, — моя голова все еще была на его груди, пока он продолжал успокаивающе поглаживать меня по спине.

В его прикосновениях не было ничего сексуального, но я все еще хотела забраться к нему на колени и заставить прижаться плотнее, буквально поглотить меня. Только чтобы он был моим. От самой мысли об этом по всему телу проходили электрические импульсы, приводя к осознанию нашей близости.

— У него был рак поджелудочной железы, — начала я.

Мое сердце разбивалось с каждым словом, как в тот день, когда мы услышали это от докторов.

— Нам сказали, что было слишком поздно, что рак уже распространился и поразили другие органы. После многочисленных операций, процедур и химии... он хотел это прекратить. Сказал, что пришло его время и надо смириться с неизбежным. Он не хотел умирать в больнице, напрасно сражаясь в уже проигранной битве. До последних секунд он хотел жить, а не медленно умирать. Он хотел увидеть, как я снова улыбаюсь, и не хотел быть несчастным в больничных палатах. Он просто хотел покоя.

Грудь Александра медленно поднялась и опустилась под моей щекой.

— Я могу это понять.

— Можешь? Потому что я не могу. Не понимаю, чем он заслужил смерть. Не могу понять, почему он больше не со мной. Неужели его борьбы было недостаточно?

— Я не это имел в виду.

Я сильнее прижалась к его груди.

— Не могу больше терпеть эту боль. Не знаю, закончится ли это когда-нибудь, особенно после того, как прочла письма. Я больше не могу.

— У тебя нет другого выбора, — мягко произнес он.

Я попыталась сесть прямее.

— В самом деле? Это лучшее, что ты можешь сказать?

Нежная улыбка коснулась его губ:

— Ты приходишь в себя.

Я нахмурилась.

Он снова притянул меня к своей груди, играя кончиками моих волос, чем отвлекал меня.

— Хочешь поговорить о нем? Может, о счастливых мгновениях? Я уверен, он не хотел бы, чтобы прямо сейчас ты плакала. Расскажи мне о лучших моментах с твоей семьей.

— Он был для меня всем. Больше никого нет.

— А мама?

— Умерла, дав мне жизнь. Мой отец был и всегда будет для меня всем. Мы всегда были друг у друга, но теперь у меня нет никого, кого можно назвать семьей. Даже его глупого брата.

— Ладно, тут ты меня запутала, дорогая. Что за брат?

— Единственная причина, по которой я приехала в Нью-Йорк, была найти его брата и отдать ему эти письма. Отец говорил: "Никогда не отказывайся от семьи и никогда не сдавайся". Поэтому он никогда не переставал писать, никогда не оставлял попыток вымолить его прощение. Мы собирались вместе приехать сюда и найти его брата, но он был слишком болен, чтобы путешествовать.

Я опять начала заливать слезами его рубашку и попыталась стереть их, прежде чем полностью испорчу ее.

— Так что я пообещала ему. Пообещала, что найду его брата и удостоверюсь, что эти письма будут у него. Все эти годы он просто хотел вернуть брата, просто хотел поговорить с ним, снова иметь семью. И вот теперь я здесь, потому что он хотел, чтобы у меня был кто-то, когда он умрет.

— Что случилось? Не смогла его найти? — спросил он.

— Я нашла его жену. Он умер. Этот ублюдок умер прежде, чем я смогла высказать все, что думала о нем. А Хелен была так добра ко мне сегодня. Теперь из-за нее я даже не могу ненавидеть его так, как хотела. Вот почему я читаю их. И с каждым прочитанным словом мое сердце разрывается все больше.

Я подняла письмо, которое читала перед нервным срывом.

— Видишь это?

Я прикоснулась пальцами к написанным отцом строчкам, стараясь впитать эмоции из старой бумаги.

— В этом он просит ответить ему на письмо, так как, видишь ли, как раз прошлой ночью, перед тем как написать его, он потерял любовь всей своей жизни — свою вторую

половинку — и остался совсем один с новорожденным ребенком. Но знаешь что, — мой голос дрогнул, когда я попыталась сдержать слезы, — в письмах он никогда не упрекает меня, он ни разу не говорит, что, может быть, если бы у нас не было Майи, у меня могла быть жена. Наоборот, он действительно чувствует себя счастливым, оттого что есть я. Моя мама умерла из-за меня, а он даже не возненавидел меня за это. Он любил меня всей душой.

— Детка, как ты можешь винить себя в ее смерти?

— Я не могу чувствовать себя по-другому. Будто похитила что-то у него, сознательно или нет, но я что-то украла. Она была для него всем, причиной, по которой он покинул Нью-Йорк, оставив мечты позади. И несмотря на то, что у меня никогда не было даже шанса познакомиться с ней, увидеть, как ее глаза горят от любви к моему отцу, — он никогда не упускал случая рассказать мне о ней. Каждый день он дарил мне маленький кусочек ее, удостоверившись, что я поняла, какой она была. И я всегда буду благодарна ей за то, что она выбрала моего отца... за то, что подарила мне его.

— Звучит так, будто он был прекрасным человеком. Не каждому выпадает шанс быть с таким.

Ничего не говоря, я отстранилась от тепла его тела и отползла на несколько шагов в сторону, чтобы собрать разбросанные по полу письма. Должно быть, он заметил, как сильно дрожат мои руки, потому что следующее, что я увидела сквозь слезы, застилавшие глаза, — это как его рука успокаивающе накрыла мою на письме. Я сомкнула ресницы, и горячая слеза упала на тыльную сторону его ладони.

— Я не могу этого объяснить. Он был моим героем, и всегда им будет. Мне бы хотелось надеяться, что никогда не настанет тот день, когда я забуду его, — никогда не настанет. Что я всегда буду помнить его голос, которым он говорит мне, как сильно меня любит.

Так как наши руки все еще были крепко сплетены, он поднял мой подбородок свободной рукой.

— И никто не отнимет у тебя этого. Чего ты боишься?

— Ничего, — прошептала я, сосредоточив взгляд на наших руках.

— Ты можешь поговорить со мной. Я рядом, Майя.

Я собралась с силами, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Я так сильно скучаю по нему, Александр. Так сильно. Мне хочется помнить наши лучшие мгновения, больше всего на свете я хочу рассказать тебе о них, но не могу. Не могу, потому что, когда закрываю глаза, все, что я вижу, — как он выпускает последний вздох, крепко держа мою руку в своей.

Мой взгляд снова остановился на наших руках, и он еще сильнее сжал мою.

— Он так пытался ради меня выглядеть сильным, — я улыбнулась, вспоминая выражение лица отца, — но я знала, что ему так же страшно оставить меня, как и мне потерять его. То, как он сжимал мою руку в своей... то, как он пытался держаться ради меня... Я никогда не смогу забыть это.

— Эй, — чуть громче сказал он, чтобы привлечь мое внимание. — Посмотри на меня.

Пару секунд я не могла сосредоточиться на нем.

— Если ты не прекратишь плакать, то заболеешь. Ты этого хочешь?

Я покачала головой:

— Прости, что отнимаю твое время.

Я попыталась отодвинуться от него, но он так притянул меня к себе, что мне пришлось забраться к нему на колени. Я уткнулась лицом ему в шею, благодарная за его тепло и

прикосновения.

— Мне было так страшно, — судорожно прошептала я. — Он все время говорил, что больше всего будет скучать по моей улыбке. Говорил, что я озаряла его мир, а я даже этого не могу ему дать. Слезы сами льются.

У меня сбилось дыхание, и я услышала, как он ругается себе под нос, тем не менее крепче обхватывая меня руками. Мои глаза были открыты, и не имело значения, насколько сильно я прижималась к Александру, — это все равно не помешало мне погрузиться в прошлое и заново все переживать...

* * *

— Пожалуйста, не плачь, Майя. Ты разбиваешь мне сердце. Ты знаешь, я бы никогда не оставил тебя по своей воле. Ты знаешь, я бы изменил это, если б мог. Но мы перепробовали все, детка. Это просто не сработало.

— Папа, пожалуйста, давай вызовем врача, чтобы мы могли отвезти тебя в больницу. Умоляю.

— Милая, они ничего не смогут сделать. К тому же... я устал, вот и все. Я просто хочу, чтобы ты немного посидела со мной, хорошо? Уверен, к утру мне станет лучше.

— Я здесь. Я никуда не уйду.

Он сделал глубокий прерывистый вдох:

— Спасибо, детка. Спасибо тебе.

Его тело было слабым от лекарств, которые он принимал, он поднял руку и нежно вытер мои слезы. Я попыталась улыбнуться ему, хотя бы слегка, но не очень преуспела в этом.

А вот он улыбнулся. Подарил мне одну из своих лучших улыбок. Усталую, но все же улыбку.

— Боже, — прошептал он. — Я так сильно люблю тебя, Майя. Так сильно **любил**.

— Пап, ты начинаешь меня пугать. Пожалуйста, давай я кому-нибудь позвоню.

— Ты не доверяешь своему отцу? Разве я не могу просто сказать, что люблю свою маленькую звездочку?

— Конечно, можешь, — сдавшись, сказала я.

Знала, он не послушает меня, поэтому и смирилась. Пусть даже мое сердце кричало сделать хоть что-нибудь, мне пришлось дать ему то, что он хочет.

— Хорошо. Это хорошо.

— Я тоже люблю тебя, папа, — прошептала я.

— Знаю, детка, — прошептал он, все еще улыбаясь. — Ты поедешь в Нью-Йорк... после?

— Поеду. Не хочу, но ради тебя поеду.

— Не будь такой. У него были свои причины держаться в стороне, подальше от меня, ты же это знаешь. Он думает, что я выбрал твою маму вместо них.

— Ему следовало смириться с этим. Он должен был ответить на твои звонки или просто открыть одно из писем, вместо того чтобы отсылать их обратно. Я не испытываю к нему симпатии и никогда не буду, и ты знаешь это.

Он открыл рот, чтобы возразить, его лицо погрузнело, но я опередила его:

— Знаю, знаю. Я буду себя хорошо вести.

— Он семья, — просто сказал он, и я кивнула.

Мне все равно это было не по душе, но я бы сделала все, о чем бы он меня ни попросил.

— Ну, как дела с твоим таинственным парнем? — спросил он ни с того ни с сего.

— Пап, — вздохнула я, — я тысячу раз говорила, никого у меня нет. У тебя просто паранойя. — У меня был парень, но об этом не стоило говорить отцу. Я не чувствовала, что наши отношения с ним были нечто особенным.

— Стоило попытаться. Я бы хотел, чтобы он был, Майя. Я бы очень хотел встретиться с ним. Выполнить свои отцовские обязанности и устроить ему взбучку. Не знаю, может быть, спросил бы о его намерениях насчет тебя?

Я рассмеялась, подарив ему ту улыбку, которая нравилась ему больше всего:

— Ты не смог бы устроить ему веселую жизнь, даже если б захотел. Вероятно, ты был бы счастлив, что я наконец нашла кого-то, и быстренько выдал бы меня замуж, пока он не передумал.

Он взял меня за руку:

— Не раньше чем удостоверюсь, что он любит он тебя так же сильно, как люблю я. Не раньше этого.

— У тебя довольно высокие стандарты, папа.

— Пообещай, что ты возьмешь себя в руки и будешь счастлива.

— Обещаю, папа. Однажды я снова буду счастливой.

— Это не то, о чем я попросил, Майя.

— Это все, что я могу пообещать прямо сейчас.

— Такая упрямая, вся в мать.

Он улыбнулся так, как всегда улыбался, когда вспоминал о маме. В его глазах отражалась настоящая любовь.

— Знаешь, что я расскажу ей в первую очередь?

— Кому? — спросила я, не уследив за его рассеянными мыслями.

— Твоей маме, конечно.

Он все еще смотрел на меня, но уже с отсутствующим взглядом, который мне нисколько не нравился.

— Я скажу ей, какой прекрасной девушкой ты стала. Какую прекрасную работу она проделала, дав тебе жизнь.

На моих глазах вновь выступили слезы.

— Я скажу ей, что у тебя ее сердце. Такое нежное, такое заботливое. Я всегда верил, что она была любовью всей моей жизни, но я ошибался, Майя. Это была ты, моя маленькая звездочка. Я не мог представить себе жизни лучше, даже мечтать не мог бы о ком-то, чем о тебе как о дочери.

Он сжал мою руку, его взгляд, как ни странно, был сосредоточен на мне, пока я пыталась совладать со своими эмоциями.

— Конечно же, я очень любил твою маму. И все еще люблю. Она для меня единственная. Но это была другая любовь. Ты глубже в моем сердце. Ты стала моим миром. Так что, как только я найду ее, то расскажу ей о тебе все. Как я горжусь тобой. В ее улыбке я буду видеть твою, и я буду счастлив. Слышишь меня, Майя? Я буду счастлив.

Я не могла на него смотреть. Я ненавидела эту ночь всеми фибрами души. Я ненавидела, что он ускользает от меня, а я абсолютно ничего не могла сделать.

Он глубоко вздохнул:

— Я люблю тебя, моя маленькая звездочка. — Его рука еще сильнее сжала мою. — Спасибо тебе за каждый незабываемый момент. Ты наполнила мою жизнь. Но тебе нужно зажечь и своей полной жизнью. Влюбиться. И помни все, моя маленькая звездочка. Не плачь, лишь помни, как сильно я любил тебя и что я всегда буду с тобой.

Я поникла головой и заплакала над нашими сложенными вместе руками.

— Моя прекрасная девочка, я так рад, что ты осталась. Не хотел засыпать в одиночестве, — прошептал он мне свои последние слова...

* * *

— Он так и не проснулся тем утром. Так и не посмотрел снова мне в глаза, — подытожила я, рассказав все, что могла вспомнить о нашей последней ночи две недели назад. — Я просто не хочу больше испытывать боль, — повторила я в десятый раз, прильнув к нему.

— Мне нужно тут кое-кому позвонить, хорошо? Я хочу, чтобы ты приняла успокоительное. Ты себя убиваешь.

Я отстранилась от его груди и внимательно посмотрела ему в глаза. Я не хотела принимать таблетки, которые лишь затуманят мой рассудок или мысли, лекарства никоим образом не избавят меня от боли. Не дадут мне покоя. Мой взгляд переместился на его заросшие щетиной скулы, и я подняла руку.

Он следил за моими движениями и закрыл глаза, когда моя ладонь прикоснулась к его теплой коже.

— Я хочу перестать испытывать боль, — снова пробормотала я, опустив взгляд на его губы.

Его рука на моей пояснице дрогнула, отчего я осознала, в каком положении мы сидели. Он вытянул шею и опять завладел моим вниманием.

— Ты не хочешь этого. Я тебе даже не нравлюсь, помнишь?

Я не могла сказать, что он мне не нравился, — только когда говорил что-то раздражающее меня.

— Но ты поселился в моем сердце, — вместо этого сказала я.

— Что? О чем ты говоришь?

— В лифте. Ты успокоил мое сердце.

Наши губы теперь почти соприкасались, поэтому я не стала дожидаться его ответа.

Я хотела этого. Нуждалась в этом. В нем.

Сначала я нежно поцеловала его. Просто чтобы убедиться, что он бы не остановил меня.

Его губы не двигались, но он и не отстранился. Я подняла другую руку и притянула его лицо к своим разомкнутым губам. Он все еще не целовал меня в ответ, но его губы раскрылись навстречу моим, и я расценила это как разрешение.

В этот поцелуй я вложила все, что у меня осталось. Я излила свое сердце, свою печаль. И взяла все, что он был готов мне дать.

Его губы еще больше раскрылись, позволяя мне проникнуть глубже. Рукой на моей спине он прижал меня к себе, и наши тела слились. Его поцелуй успокаивает что-то внутри

меня — как тогда в лифте.

Чувствуя, как волна возбуждения проходит по телу, я не стала сдерживать себя, окутанная его теплом. С каждой лаской языком, с каждым покусыванием он все глубже забирался мне в душу, пока наконец не отдался поцелую, удерживая мою шею, чтобы углубить его.

Не отрываясь от его губ, я неуклюже попыталась оседлать его, позволяя ему направлять меня. Как только я перестала ерзать, его руки скользнули по моим бедрам, забираясь под футболку и сжимая тело.

Так как я жила в номере одна, трусики — это единственное, что было надето под футболкой.

Когда его пальцы задели края тонкой материи, а большие ладони обхватили мои ягодицы, он притянул меня прямо к твердому члену — его пальцы до боли впивались в кожу, удерживая меня на месте.

Я захныкала ему в губы и простонала, когда он отстранился.

— Это то, что тебе нужно? Жесткий трах?

— Не нужно быть таким грубым.

— Мы же не можем сказать, что занимаемся сейчас любовью, или можем? — он поднял бровь.

Я не могла ответить ему, так что держала рот на замке. Ко всему прочему мне не нужен был мысленный образ того, как он занимается со мной любовью. С нежностью во взгляде. Это было бы слишком опасно для меня. А так... он не будет нежным, он будет грубым и быстрым. Развлекаясь, он зашел бы далеко. И ничто из этого, с моей точки зрения, не казалось неправильным. Вот только... он все еще думал, что не нравился мне.

— Вижу, что ты поняла мою мысль.

Он опять притянул меня ближе, позволяя мне почувствовать всю длину его члена. Я попыталась качнуться вперед, но его руки удержали меня на месте.

— Ты не ответила на мой вопрос, Майя, — сказал он, когда мои глаза сами начали закрываться.

Я посмотрела в синеву его глаз, чтобы понять, не играет ли он со мной, но все, что там увидела, это вожеление и, по неизвестным мне причинам, крайнее раздражение.

— Да, — сказала я твердо, чтобы он понял, что я была серьезна и не играла с ним.

Он покачал головой, и похоть в глазах, которую я видела только секунду назад, исчезла.

— Поцелуешь меня с тем же запалом завтра, и я буду трахать тебя часами, пока ты не потеряешь сознание, а мой член будет все еще твердым внутри тебя.

Мои губы дернулись.

Он насупился.

— Почему ты всегда хмуришься при виде меня? — спросила я, разглаживая морщинку между его бровями. Если бы это было возможно, его взгляд стал бы еще более хмурым, как только я прикоснулась к нему. — В любом случае, завтра будет слишком поздно, ты потеряешь свою привлекательность, — прошептала я в его губы, в то время как мы не сводили друг с друга глаз.

Он вздохнул так, будто весь мир лежал на его плечах.

— Ты возненавидишь меня еще больше, когда проснешься, но черт с ним, я хочу тебя слишком сильно, чтобы переживать об этом, — сказал он.

Как только он приоткрыл рот и наши языки соприкоснулись, я вздохнула. Чувствовала,

что поступаю правильно. В самом деле, его губы, его рот — все, что было его телом, ощущалось чудесно на моей коже.

Я не сказала ему, что не возненавижу его завтра, потому что это было бы бессмысленно. Через несколько дней я вернусь домой, и мы никогда не увидимся вновь.

Я поняла, в какой момент он полностью уступил. Его тело подо мной расслабилось, член наливался еще больше, а одну руку он убрал с моей задницы, чтобы схватить за шею.

Я качнулась на нем. Раз. Другой. И всё стало чувствоваться в десять раз лучше.

Прекрасное ощущение его тела подо мной, вкуса его губ, который в тот день навсегда отпечатается в моей памяти. Он снова вторгся в мой разум, отсекая в этот раз все чувства, кроме моего вожделения к нему. Уже только по этой причине я не могла злиться на него за то, что он проник в мой номер и каким образом проник.

Следующее, что я помню: мы стояли, его губы искали мои, будто он не мог позволить себе прервать нашу связь. Ладонями он обхватил мое лицо, заставляя открыть рот шире, так что кровь вскипала в венах. Его губы были такими мягкими, моля о большем, пока я совершенно не отдалась нашему поцелую.

Мы оба отчаянно нуждались быть ближе друг к другу. Мои руки были повсюду на его теле, пытаюсь поглотить каждый его сантиметр разом. Я расстегнула пуговицу на его рубашке, и продолжила так делать, пока не добралась до брюк.

Его руки двигались от моего лица к бедрам. Тепло его ладоней опалило кожу, когда он схватил меня за бедра и притянул вплотную к себе, заставляя остро осознать пульсирующий жар между моих ног. Я выгнулась назад и позволила ему играть на струнах моего тела, чтобы самой насладиться прикосновением его губ. Чтобы я могла надышаться им.

Неспешность, но в то же время настойчивость действий, с которой мы продвигались, абсолютно сводила с ума. Он засосал мой язык себе в рот, и я захныкала, подняв одну ногу и захватывая его бедра сзади, чтобы лучше чувствовать его, пока он покачивал меня на своем члене. Но он сбросил мою ногу и, несмотря на все мои усилия, не давал к нему прильнуть.

Постепенно он к тому же перестал целовать меня и немного отстранился, я же дрожала и задыхалась.

На мгновение мы уставились друг на друга с недоумением. Быть с ним, осязать его руки и губы на своем теле — каким-то образом всё ощущалось по-другому. Я точно не могла сказать, чем это отличалось, но знала, что никогда не чувствовала такой искры, как сейчас, ни с одним из моих парней. Я никогда так не возбуждалась лишь от одного поцелуя. Поэтому я продолжала наблюдать за чудесной загадкой передо мной, пока он наконец не отбросил прочь свои сомнения и не дотронулся до меня.

Крепко схватив меня за руку, он потянул меня через открытые двери в свой номер.

Выйдя из ступора, я спросила:

— Почему?

— Потому, — ответил он.

После того поцелуя я все еще немного дрожала, но довольно хорошо помнила вскрики его подружки прошлой ночью.

Я дернула его за руку.

— Я слышала вчера вопли твоей подружки, не хочу заниматься сексом в твоей постели.

— Я не трахнул ее в своей постели. До тех пор, пока ты не умоляешь взять тебя на столе или у стены, ты в порядке. Ну, или в душе. И она не была моей подружкой.

— Я ни о чем тебя не умоляю, — сказала я, становясь злее от каждого сказанного его

восхитительным ртом слова.

И после очередного рывка я высвободила руку из его крепкой хватки.

— Я помню иначе. Не я набросился на твои губы.

— А я не помню, чтобы ты сказал "нет", — огрызнулась я.

— Я простой парень. Ты сидела у меня на коленях.

— Этого достаточно, чтобы завести тебя? Девушка на твоих коленях?

— Не знаю. Не хочешь снова попробовать?

— Нет. Очевидно, что это было ошибкой. Каждый раз, когда ты открываешь рот, тебе удастся взбесить меня еще больше.

Я развернулась, чтобы уйти, но его руки обвили мою талию, не давая сделать и шага. Я застыла. Я могла чувствовать прижимающуюся ко мне эрекцию, и я все еще хотела того, что обещало его тело.

Успокоения. Гармонии.

— Так я и думал, — пробормотал он, когда я не оттолкнула его.

Он начал посасывать мою шею около уха, и от его прикосновения я снова практически таяла.

— Если бы ты только мог заткнуться на несколько минут, — размечталась я, и он нежно укусил меня за шею, отчего все мое тело задрожало.

Развернув меня, он завладел губами, и в этот раз не было никакой нежности — именно так, как мне было нужно. Я открыла рот пошире, и он, не теряя ни секунды, устремился дальше, наши языки сплелись в борьбе, чтобы взять еще больше друг от друга. Я вплотную прижалась к нему, и он втянул мой язык в свой рот — вскружив мне голову от желания.

Ноги с обратной стороны коленей наткнулись на что-то мягкое, так что я прервала поцелуй, оглянулась и увидела, что стояла у края его кровати. Я даже не поняла, что мы двигались.

Его прикосновение было моей гибелью.

Он наклонился и одним плавным движением снял с меня трусики, его пальцы нежно ласкали мои бедра, и я ощутила, что стала влажной между ног.

— Сними ее, — проворчал он, указывая на мою футболку, а сам начал расстегивать брюки, буравя меня взглядом.

Почувствовав, как новая волна дрожи прошла по спине, я заставила себя посмотреть на его грудь. Его тело было таким же великолепным, как и глаза. Шесть кубиков, которые Александр скрывал под дорогим костюмом, сократились, когда он скинул рубашку. Не удивительно, почему он был таким дерзким ублюдком.

Я облизала губы, уже представляя, как по моему телу скользит его сильное тело, когда он возьмет меня. Жестко. Я практически могла ощутить, как его кожа обжигает меня, а я держусь за крепкие и мускулистые плечи, прижимаясь к нему. Мой взгляд опустился ниже как раз вовремя, чтобы увидеть, что он избавился от своих боксеров.

Я наконец смогла выдохнуть. Мое дыхание было глубоким и прерывистым.

Когда он выпрямился, я не смогла оторвать взгляда от его твердого и толстого эрегированного члена. Прикусила губу, чтобы не застонать и не дать ему еще один повод сказать что-нибудь раздражающее меня.

— Рад, что ты одобряешь, — сказал он, снова открыв свой рот.

— Разве я это сказала?

— Тебе и не нужно было; это написано на твоем лице. Теперь твоя очередь. Снимай

футболку.

Не было причин отдалять неизбежное, так что я молча скинула ее и отбросила в сторону.

Моя фигура была далека от идеала, но я не чувствовала стыда. Это была я. И это все, что я могла ему дать. Ни больше, ни меньше.

Он поднял бровь, и его голодный взгляд прошелся по всему моему телу. Когда я потянулась, чтобы расстегнуть бюстгальтер, он шагнул и сам сделал это, сосредоточив на мне взгляд своих голубых глаз.

— Твои глаза все еще красные, уверена, что ты в норме? — нежно спросил он, потянув вниз бретельки лифчика.

Я кивнула, не желая снова поддаться эмоциям. То, как он говорил со мной, его дерзость, нелепые слова — все, что делало его Александром, занимало мой разум.

Я не чувствовала себя потерянной.

Я больше не чувствовала себя одинокой.

Избавив меня от лифчика, он наклонил голову и лизнул сосок, прежде чем втянул его в рот и начал сосать, грубо сминая грудь, приводя меня в исступление.

Мое дыхание сбилось, и я ухватила за его сильные предплечья, наслаждаясь смесью боли и удовольствия, которую его рот доставлял мне. Мне нравилось все в его прикосновениях.

Медленно зализывая укус, он переместился ко второй груди, уделяя ей такое же внимание и заставляя меня задыхаться и выгибаться. Заставляя желать большего.

Он медленно опустил руку вниз, едва касаясь пальцами моего живота. Я развела ноги чуть шире, предоставляя ему лучший доступ, он в то же время сильно потянул сосок, и все мое тело напряглось, а глаза закатились от удовольствия.

Должно быть, я издала тихий стон.

— Полегче, — пробормотал он мне в шею, языком прочертив идеальную влажную линию на моей коже.

Его рука наконец добралась туда, где я нуждалась в нем больше всего, и он без предупреждения ввел внутрь сразу два пальца. Я застонала, каждый клеточкой тела сгорая от потребности в нем.

К тому моменту меня уже слишком далеко унесло. Что бы он ни сказал, я бы пропустила это мимо ушей и лишь умоляла бы о продолжении. Вот как сильно я хотела его.

— Ах, — стонала я, возбуждение между моих ног нарастало с каждой секундой.

Его пальцы скользнули еще глубже, и мои мышцы сжались вокруг них. Одной рукой я обняла его за шею, а ногу закинула ему на бедро, пытаюсь перенести на него большую часть своего веса. Я понятия не имела, как долго еще смогу устоять на ногах, если он продолжит так же медленно трахать меня своими пальцами, как сейчас. В ту секунду, когда он надавил на мою точку G, я захныкала в голос и прикусила его за плечо, чтобы заглушить громкие стоны.

Он шикнул, но затем усмехнулся.

— Ах, дорогая, ты такая громкая. Мне это нравится, — сказал он и припал к моим губам, прежде чем я смогла произнести хоть слово.

Я простонала, не разрывая поцелуй, и позволила уложить себя на кровать. Он прикусил мою губу, а я провела ногтями по его плечам, оставляя красные отметины. Ничего долговременного, но достаточно сильно, чтобы он их почувствовал.

— О, это будет весело, — пробормотал он, снова опускаясь к моей груди.

Я просунула между нами руку и обхватила основание члена, плотно сжав его, а он в ответ укусил за нижнюю часть груди.

— Полагаю, что прелюдии уже хватит, как думаешь? — прохрипел он.

— Думаю, ты и так достаточно времени уделил этому.

И опять эта раздражающая ухмылка появилась на его губах. Неотрывно глядя на меня, он положил мою ногу себе на плечо и приблизил член ко входу в мою киску.

Прежде чем войти в меня, провел им по ней и слегка качнул бедрами, заставляя меня вздрагивать всем телом всякий раз, когда он скользил гладкой головкой члена по клитору.

Как только я была близка к помешательству, мне показалось, что его толстый член проталкивается только на несколько сантиметров сквозь кольцо мышц.

Я вцепилась в простыни, изнывая от желания быть заполненной. Но он совсем остановился, и я посмотрела ему в лицо.

— Черт, — прошипел он, — погоди. Я забыл презерватив.

Я застонала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Спустя мгновение он снова между моих ног. Большими руками развел их, пока я полностью не оказалась растянутой и раскрытой перед ним. Затем он снова поднял одну мою ногу на плечо и подтянул меня на кровати, прямо к паху.

Прежде чем я хотя бы смогла опустить бедра ниже и приноровиться к новой позе, он вошел в меня во всю длину.

— Александр, — ахнула я, крепче вцепившись в простыни, мои ноги дрожали от силы его толчка.

— Расслабься, — пробормотал он, придерживая рукой мою ногу для лучшего доступа.
— Я еще не полностью вошел.

Он вышел и толкнулся снова, в этот раз медленнее, и ему все же удалось войти глубже.

— Черт, Александр, — простонала я.

С каждым толчком я становилась все более влажной, облегчая ему проникновение и давая возможность ускорить фрикции. Когда он наконец вошел в меня полностью, дрожь прокатилась по мне, и все мое тело напряглось.

И тогда он прекратил двигаться.

— Открой глаза, дорогая.

Я медленно открыла их, и он тотчас начал входить в меня медленными толчками. Я застонала и снова закрыла глаза. Он остановился, поэтому я вынуждена была посмотреть на него.

— Ты этого хотела? — спросил он, когда вышел и вошел глубже.

— О, да-а-а, — простонала я. Мои ноги все еще дрожали.

Он провел руками вверх и вниз по моим бедрам, пока мое тело отчаянно пыталось приспособиться к его размеру.

— В тебе так прекрасно находиться, ты такая тесная. Был большой перерыв? — прошептал он, его толчки становились глубже и сильнее.

— Твою мать, — лишь это успела я шепнуть в ответ на особенно глубокий и мощный толчок.

— Тебе не нравится? — спросил он, но больше не переставал вколачиваться в меня.

— Нравится, не останавливайся, — умоляла я дрожащим голосом, растерявшись от

неожиданно накатившей волны удовольствия.

Внезапно он сбросил мою ногу с плеча и, наклонившись, поцелуями начал прокладывать дорожку к моей груди, одновременно перемещая мои напрягшиеся ноги так, чтобы я обхватила ими его талию.

И это помогло ему скользнуть членом в мое тело еще глубже, продвигаясь сантиметр за сантиметром. Руками он схватил меня за бедра и начал толкаться в меня снова, языком очерчивая круги вокруг моего соска.

Я не могла сдержать стоны, ничего вокруг себя не замечала, кроме него. Он что-то затронул во мне — то, к чему раньше никто не прикасался. Я почувствовала себя уязвимой и напуганной. Слишком открытой.

И мне это понравилось.

— Пожалуйста, не останавливайся, Алекс, — умоляла я его.

Я разжала ладони и схватилась за одеяло.

— Надо же, теперь она называет меня по имени, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Я так близко, сильнее.

— Хочешь жестче?

— Пожалуйста, я так близко.

— Ты собираешься кончить, красавица?

Я ахнула, почти теряя сознание.

— Будет больно.

— Мне нужно это.

— Как хочешь, детка, — грубо прошептал он и наконец трахнул меня, больше не сдерживая себя.

Мои мышцы сжимались от каждого его толчка, а ноги вокруг талии ослабили хватку. Руками он сжал мои бедра и умудрился резко протолкнуться в меня еще дальше, входя в меня всей длиной.

— Алекс, я...

Мои ноги отпустили его талию, и я невольно широко раскрылась перед ним, давая возможность полностью войти в меня. Мое дыхание сбилось, и я начала сильно сжимать его внутренними мышцами.

— Блять! — крикнул он, и я поняла, что слишком туго сжала его член.

Меня накрыл оргазм, и протяжный стон сорвался с губ, а бедра приподнялись над постелью — пытаюсь взять больше, чем он давал мне. Все мое тело напряглось, прежде чем обмякнуть от его прикосновений.

Время остановилось, и я впервые в жизни парила в облаках.

Он еще несколько раз толкнулся в меня, пока я не почувствовала, как он вышел и рывком вновь полностью, до основания, погрузил член и, закрыв глаза, кончил. Его голова упала на мое плечо, а движения стали нежнее.

Замедлив толчки, он поднял голову и лизнул мой все еще напряженный сосок, заставляя сократиться мои мышцы вокруг члена еще раз. Мы оба ахнули, наши тела были чувствительны к малейшему движению.

Он уткнулся лицом в мою шею и, к удивлению, вдохнул мой аромат.

— М-м-м, — промурчал он почти про себя. — Я знал, что ты будешь подо мной, но не думал, что это будет так хорошо.

— И опять ты портишь момент, — проворчала я.

— Кто ты? — спросил он, сверкая искорками любопытства в глазах.

Я замерла и прошептала:

— Никто.

— Где ты живешь, Майя?

Я попыталась оттолкнуть его за плечи подальше от себя, но он не сдвинулся с места. Наконец мне удалось слегка передвинуть бедра, и его наполовину твердый член выскользнул, оставляя внутри меня неожиданную пустоту.

Балансируя на локтях, он пытался удержать мой взгляд. Я не хотела смотреть на него. Я не могла позволить себе потеряться в нем больше, чем уже была.

— Какой момент? — спросил он.

Мои глаза ухватили только тень ухмылки на его губах.

Затем его взгляд опустился к моим припухшим губам, и выражение его лица изменилось.

— Как ты себя чувствуешь?

— Неопытной, — ответила я, не подумав, а потом покраснела. — Я не это имела в виду, просто мои мысли какие-то незрелые. Это странно. Возможно, я просто устала.

— Чем я могу помочь?

— О, ничем. Хм-м... — колебалась я, не зная, что сказать, когда мы все еще лежали голые в постели и он все еще был на мне.

Будто по сигналу, мои соски затвердели под его грудью.

Я закашлялась, чтобы отвлечь его от разглядывания моей груди, и сказала:

— Спасибо за это.

Осторожно оттолкнув его от себя, попыталась прикрыться, обернув голое разгоряченное тело простынями. Как только мои ноги коснулись мягкого ковра, я начала собирать свою одежду.

— Уходишь? — спросил он, опершись на локти. Тон его голоса выдавал удивление.

Я глянула назад через плечо. То, как он выглядел в той постели...

— Да, — пробормотала я, быстро отводя глаза. Я чувствовала его тяжелый взгляд, следящий за каждым моим движением.

Не прошло и десяти секунд, как я вернулась в свой номер и заперла дверь.

Я так и не услышала, чтобы он прикрыл или защелкнул на замок дверь со своей стороны.

День шестой...

На следующее утро я чувствовала себя намного лучше. Каждая частичка моего тела была хорошенько размята, на что я не могла жаловаться, ведь это больше походило на источник вдохновения. Душой и телом я была пресыщена удовольствием. Особенно если сравнивать с моим вчерашним состоянием.

Моя боль не ушла. Пенис не мог, как волшебная палочка, полностью избавить меня от горя, но Александр каким-то образом облегчил страдания. Всякий раз, когда я кожей осязала тепло его тела, когда его губы касались моих, становилось легче забыть о той ноющей боли, которую я носила в сердце, поскольку всецело была сосредоточена только на нем.

Его действия были требовательны, а прикосновения неизбежны.

Утро я провела, вновь и вновь перечитывая письма, высекая в памяти каждую строчку. Мне оставалось вчера дочитать несколько писем, перед тем как Александр ворвался в номер, поэтому я, усевшись на пол, провела много часов с отцом, созерцая красивую панораму Нью-Йорка. В этот раз мне удалось сдержаться и не утонуть в горе. На глазах все еще выступали слезы, но я улыбалась сквозь них, когда читала в отцовских строках о наших самых счастливых воспоминаниях.

Позже в тот день я отправилась на кладбище, что было отнюдь не легким делом. Я по-прежнему не верила в примирение, особенно с тем человеком, который недостаточно любил моего отца, чтобы даже ответить на его письма, но я пересилила себя и положила цветы на его могилу. Это не было тем воссоединением, на которое надеялся мой отец, однако это было лучшее, что я могла сделать в ответ на то, что было дано мне.

Обратная поездка в отель на такси прошла спокойно, в голове было пусто. Я сделала то, ради чего приехала сюда, и у меня больше не было причин оставаться. Я могла упаковать чемоданы и уехать, но не была готова вернуться в пустой дом, да и понятия не имела, как самостоятельно управиться с кафе. У меня было четыре дня, которые я могла провести, сбежав от реальности — моей реальности, и даже если это означало, что я просижу в номере, практически ничего не делая, я бы тем не менее воспользовалась этим.

Как только я вошла в холл отеля, молодой парень с дружелюбным лицом, одетый в темно-синие джинсы и толстый серый свитер, подошел ко мне, и я утерла шаг.

— Мисс Харт? — спросил он немного неуверенно.

— Да, я Майя, — подтвердила с улыбкой, надеясь, что это поможет ему немного расслабиться.

Сработало. Он улыбнулся мне в ответ, его зеленые глаза засияли. Взглянув на его лицо более внимательно, я засомневалась, был ли он младше меня на несколько лет или только закончил школу.

— Привет, я Адам. Я ждал тебя несколько часов. Мистер Росс хочет видеть тебя в своем офисе.

В замешательстве, я неодобрительно посмотрела на него. Как ни странно, это заставило его улыбнуться еще шире.

— Если ты проследишь за мной, я с удовольствием провожу.

— Извини, но думаю, ты ошибся. Я не знаю никакого мистера Росса. Ты уверен, что ищешь именно меня?

— Я на сто процентов уверен, что он хочет видеть именно тебя. Он описал внешность в мельчайших деталях. Александр Росс? Ты его не знаешь?

Теперь, конечно, кое-что прояснилось. Вероятно, у него здесь офис, вот почему я так часто его встречала. Но кто хотел бы жить в том же здании, где работает? Я полагала, что приводить толпы женщин в номер удобнее, чем к себе домой.

— Я не хочу его видеть. Пожалуйста, передай ему от меня привет, но это все.

Сдерживаемый смех сорвался с губ Адама.

— Ты не хочешь его видеть? — переспросил он, высоко подняв брови.

— Нет, не хочу.

Я продолжила идти, а он, засунув руки в карманы, засеменил рядом со мной, подбирая шаг.

— Если мистер Росс захочет узнать причину, что ему передать?

— Как насчет того, чтобы он поднял свой зад, и я лично отвечу ему?

В этот раз он даже не пытался сдержать смех. Наблюдая за тем, как засияло его лицо, я слегка улыбнулась ему и нажала кнопку лифта.

— Вот так поворот. Я действительно впечатлен.

— Что такого впечатляющего в нежелании видаться с ним?

— Такое нечасто происходит. Вернее, вообще никогда.

— Ну что ж, все случается впервые, и это так захватывающе. Уверена, он тоже будет на седьмом небе от счастья.

Я отступила назад, чтобы пропустить выходящих из лифта людей, отчего оказалась рядом с Адамом и наши руки соприкоснулись. Я взглянула на него, искренне улыбаясь.

— Рад познакомиться с тобой, Майя. Надеюсь, мы увидимся снова, — сказал он и ушел, в его глазах мерцали искорки веселья.

"Александр Росс", — пробормотала я себе под нос в переполненном лифте. Даже его имя заставляло помнить о нем, обращать на него внимание. Я покачала головой, но не смогла проигнорировать радостную улыбку, которая коснулась моих губ. Он все больше мне нравился.

Поскольку мне не хотелось оставаться надолго в одиночестве, я снова решила пойти в тренажерный зал. Как и у любого здравомыслящего человека, это не было моим любимым занятием, но изнурение организма шло мне на пользу.

Через два часа я вернулась из зала и, как только вышла из душа, испуганно вздрогнула от стука в дверь. Открыла ее, но в коридоре никого не было. Когда снова послышался стук, я поняла, откуда он исходил, и вздохнула.

Я боролась сама с собой из-за этого парня. Не могла точно определить, когда он так завладел моими мыслями. Возможно, после поездки в лифте? Или с самой первой встречи, как только увидела его... Несмотря на то, что больше всего на свете оставшиеся несколько дней мне бы хотелось провести в его объятиях, я знала, что он заставит меня пожалеть об этом при первой возможности.

Еще один стук, и мое сердце не могло оставаться безучастным.

— Я занята, — сказала я через дверь.

— Чем? В сотый раз перечитывая письма, которые не предназначались для того, чтобы ты этим убивала себя?

Его голос переполнил меня настолько сильными чувствами, что мне пришлось закрыть глаза и успокаивать себя, с силой вжавшись в дверь.

— Александр, я только из душа. Что ты хочешь?

— Боже, Майя. Я не собираюсь набрасываться на тебя, открой дверь.

— Я прекрасно тебя слышу.

— Я хотел узнать, как ты. Не упрячься. Открой дверь.

Я приоткрыла ее настолько, чтобы увидеть его прекрасное лицо. У меня перехватывало дыхание каждый раз, когда он буквально пронзал мои обычные карие глаза своим взглядом.

— Я хорошо себя чувствую, спасибо.

— Я рад это видеть, — сказал он спокойным голосом. — Так почему же ты не пришла сегодня ко мне в офис? Похоже на то, будто мной воспользовались. Понимаешь, я не могу быть абсолютно в этом уверен, потому что такое нечасто происходит.

— Почему? Потому что я ушла из твоего номера, прежде чем ты бы вышвырнул меня? В любом случае, как видишь, ты вполне способен прийти сам. У меня не было причины подниматься к тебе в офис.

Несколько секунд он молчал, а я не могла поднять на него глаза.

— Хочешь чем-нибудь заняться сегодня? — наконец спросил он, сжавшись над мной.

Почти все дни я провела в номере и не могла просто солгать и сказать, что занята, но ни в коем случае не стоило проводить с ним больше времени, чтобы не увлечься им, когда он рядом.

— Я не могу, — промямлила я, глядя вниз на его начищенные до блеска туфли.

— Почему? — заинтересовался он, протянув руку к моему подбородку и подняв голову, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Просто не могу.

— Хорошо, завтра мы попытаемся снова.

— Это будет бесполезная попытка. Мы закончили? Сейчас я хотела бы одеться.

Голос у него стал хриплым:

— Нужна помощь? Это одна из вещей, в которых я очень хорош.

— Держу пари, что это так, — сказала я и закрыла дверь перед его носом.

Трудно было сдержать расплывшуюся на губах улыбку, когда через дверь послышался его довольный смех.

Подсушив волосы и одевшись, я спустилась в холл, чтобы успеть насладиться игрой пианиста. Для меня стало своего рода привычным делом приходить сюда и слушать его, и хотя первые секунды было трудно, я наслаждалась знакомой музыкой. Возможно, он не был тем человеком, которого я хотела бы слушать, но он играл то, к чему я привыкла с младенчества. Представить жизнь без этой пьесы было просто невозможно.

— О, моя милая, милая Майя, мой старший брат уже закончил с тобой?

Повернувшись вполоборота, я оказалась лицом к лицу с Джексоном, который, по-видимому, специально выбрал место на кожаном диване позади меня.

Я окинула его холодным взглядом:

— О чем ты говоришь? Какой брат?

— О, ты не знаешь? Я младший брат Александра. Полагаю, пребывание в его постели не дает тебе права узнать подробности о нашей семье. Хм... кто ж знал?

Я повернулась лицом к пианисту и попыталась сфокусироваться на музыке, игнорируя Джексона и его мелкие колкости.

— Ну же, красотка. Не будь такой. Почему бы тебе не подняться и не выпить в моем

номере? Больше всего на свете мне хочется услышать твой милый акцент. Это все, о чем я мог думать все эти дни.

Как только я собралась встать и запереться в номере наверху, как услышала знакомый голос и обернулась.

— Мистер Росс, Александр желает видеть вас в своем кабинете.

— Я занят, Адам. Скажи ему, что я поднимусь позже.

— Он сказал, что это очень срочно. И ожидает вас прямо сейчас. Что-то не так с отчетом по Дубаю.

Джексон тяжело вздохнул. Было очевидно, что ему не нравилось, когда указывали, что делать.

— Ладно, — буркнул он Адаму, как шестилетний. Затем, повернувшись ко мне, подмигнул: — До новой встречи, моя милая Майя. Уж поверь мне, мы встретимся.

Меня начало подташнивать, когда его слова прокручивались в голове. Джексон Росс был одним из тех парней, с которым я бы не хотела оказаться наедине. И он был братом Александра? Это вовсе не добавило мне настроения.

— Майя, ты в порядке? — спросил Адам с обеспокоенным выражением на лице.

— Да, все хорошо. Ты удивительно вовремя подоспел, правда. Спасибо, что спас меня.

— Это все мистер Росс. Тот, который не мерзавец, — он едва заметно улыбнулся. — Он хотел удостовериться, что ты провела спокойный вечер.

От упоминания его имени по спине пробежали мурашки.

— Он направил тебя сюда шпионить за мной? — Я встала со своего места, вечер уже был испорчен. — Мне не нужна его помощь, пожалуйста, передай ему, что я не благодарю за опеку подобного рода, даже если он верит, что это ради моего блага.

— Я прослежу, чтобы он получил это сообщение, — сказал Адам, широко улыбаясь и поднося телефон к уху.

Я потянулась и вырвала сотовый из его руки.

— Александр? — спросила я, сверля Адама глазами.

— Майя, — ответил он невозмутимо.

— Что ты делаешь?

— Сажу в своем кабинете, просматриваю документы. Вообще-то, это довольно скучно. Спасибо, что спросила. Как насчет тебя? Не хочешь подняться? Могу предложить пару вариантов, чем можно заняться.

— Ты точно знаешь, о чем я спрашиваю, Александр. Ты послал Адама следить за мной?

— Адам? Когда это ты перешла с ним на "ты"?

— Ты можешь ответить хоть на один чертов вопрос, а не задавать новый?

— Я знаю, что тебе нравится слушать игру мистера Гаретта. Хотел удостовериться, что ты проведешь спокойный вечер, Майя. Что не так?

— Да все. И ты чертовски хорошо знаешь это.

— Дорогая, если ты скажешь "черт" еще раз, я буду вынужден спуститься к тебе, — тяжело вздохнул он.

— Хотела бы я посмотреть на вашу попытку, мистер Росс. Перестаньте меня преследовать. Я не шучу.

Прежде чем он смог сказать что-то, что безусловно бы меня разозлило, я завершила звонок и отдала телефон Адаму.

— Я собираюсь подняться к себе в номер, так что тебе не нужно присматривать за

мной, Адам. Уверена, ты можешь провести этот вечер лучше.

Оставив ухмыляющегося Адама, я покинула лобби.

Когда я вошла в лифт, в последнюю минуту в него втиснулся Адам.

— Могу я кое-что спросить?

Он выглядел таким невинным. Я не смогла его проигнорировать.

— Что? — не приняв во внимание тот факт, что он следил за мной по приказу Александра, спросила я, глядя на цифры этажей, когда мы начали подниматься.

— Кто ты на самом деле? — спросил он после минутного колебания.

Я взглянула на него краешком глаза:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты так легко ему отказываешь. Я привык видеть, как женщины бросаются ему на шею, а ты не делаешь этого. Даже наоборот. С тех пор как он развелся, я впервые вижу, что он кем-то искренне заинтересовался.

— Тогда я не уверена, насколько хорошо ты его знаешь. Почти каждый вечер на прошлой неделе я видела его с разными женщинами. Кажется, что он заинтересован в любой, которая знает, как ходить и раздвигать перед ним ноги.

Сдавленное фырканье вырвалось из его губ, и пожилая дама, которая стояла перед нами, одарила его убийственным взглядом, заставив краснеть и извиняться. Я улыбнулась. Он действительно был молод и в некотором смысле довольно мил. Я понятия не имела, почему он работал на Александра.

— Ты совсем другая. Я это вижу, — прошептал он.

Мне нужно было сменить тему. Быстро.

— Как ты начал на него работать?

— Он вроде как помогает мне, — застенчиво произнес он, смотря под ноги.

— Помогает?

— Не время для этой истории, — с едва заметной грустью улыбнулся Адам. — Чувствую, мы будем видеться друг с другом чаще.

— Не думаю. Я уезжаю через четыре дня. С Нью-Йорком покончено.

— Что случилось?

Я улыбнулась, увидев на его молодом лице обеспокоенное выражение:

— Длинная история.

Мы молчали все оставшееся время до моего этажа.

— Была рада увидеться снова, Адам. Доброй ночи, — попрощалась я и вышла из лифта.

А когда обернулась, он все еще улыбался, будто был посвящен в тайну, недоступную мне.

Мне не хотелось больше покидать номер. А еще я, возможно, была немного обеспокоена коротким разговором с Джексоном, поэтому пропустила ужин и провела вечер, слушая записи сола моего отца на фортепиано и смотря на Нью-Йорк из окна. Мягко говоря, это было душераздирающе.

* * *

В поздний час, когда меня почти сморил сон, со стороны двери Александра раздался

стук. Я перебрала в уме все причины, по которым мне не следовало открывать эту дверь, но каждая из них отметалась, когда я представляла, как смотрю в его глаза.

Ничего не говоря, я отперла дверь и вернулась к окну.

Через несколько секунд услышала, как он вошел. Я обхватила себя за локти и закрыла глаза, когда тот же отрывок зазвучал снова.

От его тела исходило тепло, когда он остановился в нескольких шагах слева от меня. Мою кожу начало покалывать, и я поёжилась.

— Ты в порядке? Ты так легко пустила меня к себе, — произнес он нежно.

— Я устала.

— Тяжелый день?

Я взглянула на него и едва улыбнулась, борясь с подступающими слезами.

— Кажется, каждый день будет таким.

Когда он ничего не сказал и просто повернул голову, чтобы посмотреть на город, я снова заговорила:

— Только потому, что ты видел меня в наихудшем состоянии, не означает, что за мной надо приглядывать, Александр. Пожалуйста, не заставляй Адама повсюду следовать за мной.

— Долго же ты терпела, чтобы это сказать.

— Я не в настроении играть с тобой, — вздохнула я.

— Кто сказал, что мы играли?

— Я почти уверена, что твоя жизнь нескончаемая игра, Александр. Каждое действие, каждое решение, которое ты принимаешь, тщательно спланировано. Сомневаюсь, что ты делаешь что-то, если результат не предопределен.

Я осторожно взглянула на него и увидела, что его тело напряглось и он застыл от моего замечания. Мне не хотелось портить ему вечер, когда он был так добр ко мне, поэтому сменила тему.

— Не смог никого затащить в постель сегодня? Раз ты в моем номере, полагаю, это не сработало. Или ты на этой неделе взял перерыв на несколько дней?

Его взгляд сосредоточился на мне, он едва заметно кивнул, будто благодарил за смену темы. Затем на его лице появилась слабая усмешка. Сексуальная. Очень сексуальная.

Он вздохнул и за два шага очутился у меня за спиной. Я почувствовала, как его сильные пальцы начали нежно массировать плечи. Попыталась было уклониться, но он притянул меня к своей накачанной груди, и я напряглась в его руках, а сердце предало тело.

— Начинаю думать, что тебе нравится оскорблять меня, Майя.

— С чего ты это взял, Александр?

— Почему ты не называешь меня Алексом, как все, ведь я же говорил тебе?

— Я не твой друг, буду придерживаться Александра.

— Да, ты не мой друг, — пробормотал он, его горячее дыхание щекотало мое ухо, — этого для тебя недостаточно.

Я проигнорировала его слова, но знала: он говорил правду.

Его руки скользнули с плеч вниз, и он нежно погладил мои поперх топа с длинными рукавами. Я почувствовала, как мое тело плавится под его ладонями.

— Мне нравится, что ты отличаешься от остальных. Ты споришь со мной обо всем, даже о моем собственном имени.

— Тебе нравится спорить? Я более похожа на других, чем ты думаешь, Александр. Я обычная.

— Да, любопытно, не так ли? Кажется, мне нравится, когда ты споришь со мной. И в тебе нет ничего обычного, — прошептал он, мягкими губами коснувшись моей шеи.

Все мое тело затрепетало от его прикосновения. Перестав поглаживать мои руки, он переплел наши пальцы, еще крепче притянув меня к своей груди. Несколько минут мы провели в умиротворяющей тишине.

— Морис Равель? — спросил он.

— Знаешь эту пьесу? — я повернула голову, чтобы посмотреть на него.

— Конечно. Павана на смерть инфанты.

— Конечно, — поддразнила я, закатив глаза.

Мы снова замолчали, и я душой и телом впитывала музыку, чувствуя себя в его руках в безопасности и довольной. Больше, чем мне следовало позволять себе чувствовать.

— Кто исполнитель? Это звучит не как студийная запись.

Я сделала глубокий вдох.

— Мой отец. Он записал ее для меня в нашем доме. Каждую ночь папа исполнял эту пьесу для моей мамы, в честь их любви, — объяснила я, а глаза наполнились слезами.

Он повернул наши руки ладонями вверх и сжал их в кулак, наполняя меня энергией. Я приняла его силу, ведь знала, что мне это было необходимо.

— Он хорош.

— Он лучший. Был, — прошептала я.

Он всегда будет самым лучшим для меня.

— Ты слушаешь ее каждую ночь снова и снова. Я слышу ее, лежа в постели.

— Имеешь в виду, когда ты один в постели? Потому что из-за криков, которые доносились на днях, было бы невозможно услышать свой собственный голос, не говоря уж о музыке из соседнего номера.

— Тебе не обязательно это делать.

— Делать что?

Он укоряюще на меня посмотрел:

— Поговори со мной.

— Нам не о чем говорить.

— Всегда есть что сказать, Майя. Чем-то поделиться. И ты... Думаю, у тебя всегда есть много того, о чем можно поведать.

— Почему? Думаешь, ты знаешь меня?

— Думаю, что мне хотелось бы узнать побольше о тебе. Откуда ты? Почему у тебя акцент, который я не могу распознать? А так как ты не живешь в Нью-Йорке, почему оставила на стойке регистрации дерьмовый адрес?

Все мое тело напряглось, и я попыталась повернуться к нему лицом, но он удержал меня на месте.

— Кто, черт возьми, ты такой, чтобы спрашивать у них мой адрес? Как они вообще могли предоставить тебе информацию обо мне? — стиснув зубы, я вывернула шею, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Я владелец этого отеля, Майя. — Его горячее дыхание коснулось моего уха.

— Что значит, ты владелец этого отеля?

— Именно то, что значит. Я удивлен, что ты до сих пор не поняла этого. — Он осторожно опустил подбородок на мое плечо, наблюдая за городом вместе со мной.

И тут, безмалейшего труда, все встало на свои места. Я давно хотела спросить его о

том, как он вломился в мой номер той ночью, но все время забывала. Полагаю, когда ты собственник отеля, у тебя есть специальные ключи, открывающие любую дверь, — и это привело меня в абсолютную ярость.

— Думаешь, только потому, что ты его владелец, ты можешь входить и выходить из любого номера, когда тебе заблагорассудится?

— Ты отворила дверь, Майя. Я никуда не вторгался. На самом деле я был очень терпелив с тобой.

Мне удалось выскользнуть из его объятий и повернуться к нему лицом.

— Ты был терпелив со мной?

Полностью шокированная, я уставилась на него, при этом он напряженно смотрел на меня, не сводя глаз, и на его губах не было и намека на улыбку. Он действительно считал, что был терпелив со мной.

— Ты невыносим. Пожалуйста, покинь мой номер.

Внезапно он схватил меня за талию обеими руками, и я оказалась в сантиметре от его губ, когда он наклонился ко мне; его глаза были полны страсти и тревоги. Мое дыхание стало прерывистым, я занервничала. Его руки на мне стали железной хваткой, не давая отодвинуться. Я бы солгала, если бы сказала, что ничего не чувствовала, когда его лицо было так близко ко мне, а от рук на моей талии по телу прокатились волны жара, но я не могла допустить, чтобы это отразилось на моем лице. Незачем ему узнать о той власти, которую он имел надо мной.

— Кажется, спорить с тобой — это единственный способ, чтобы ты выбросила все из головы. К счастью, мы узнали об этом довольно быстро, — проворчал он, уставившись на мои губы.

— Что, — пробормотала я взволнованно, — о чем ты говоришь?

— Милая, с тех пор как я заметил тебя вышагивающей по отелю, ты выглядела так, будто была готова упасть замертво.

Я нахмурилась:

— Возможно, мне трудно справиться со всем, что происходит в моей жизни, но я в порядке. Я держусь.

— Да, но на тонком волоске. И ты забываешь о панической атаке.

— Это было... Это другое. У меня прежде никогда не было панических атак.

— Что означает, что ты даже не близко к состоянию "в порядке", — он аккуратно заправил прядь волос мне за ухо, впившись в меня взглядом.

— Покинь мой номер, Александр. Я не могу обсуждать это с тобой.

Между его прекрасных глаз образовалась морщинка.

— Нет.

Мы долго смотрели друг на друга, казалось, время остановилось, никто из нас не проронил ни слова.

— Чего ты боишься? Жить? Двигаться дальше? Что-то чувствовать? — наконец спросил он, нарушая мертвую тишину.

Расстроившись из-за него, я покачала головой:

— Ничего.

— Тогда в чем проблема? Вчера не казалось, что ты не переносишь моего присутствия. Сейчас же... сейчас ты даже не можешь посмотреть мне в глаза. Что изменилось?

— Вчера было вчера. Сегодня другой день. Почему ты здесь, Александр?

— Когда ты сбежала из моего номера, я еще не закончил с тобой.

В ту секунду, как я открыла рот, чтобы ответить, он ворвался в мое личное пространство, завладев моими губами в истязующем поцелуе, прижав телом к окну. Меня ошеломила его сила, его пьянящий аромат. Я не могла не открыться перед ним, не могла не позволить ему завладеть мной. Поэтому, лишь только наши языки сплелись в сексуальной ласке, я почувствовала, как его большая ладонь накрыла мою щеку, отклонив голову так, чтобы углубить поцелуй. Трепет в животе стал сильнее, и то, как мое сердце рвалось из груди... Я не могла не поцеловать его в ответ и совсем не сдерживалась.

Руками нащупав лацканы пиджака и притянув его к себе, я захныкала, моля о большем.

Он закинул одну мою ногу себе на талию и вжался в меня бедрами, заставляя ощутить каждый его жесткий сантиметр, стремящийся сквозь тонкую ткань легинсов к центру моей женской страсти. Я прервала поцелуй и ахнула, когда он еще сильнее прижал ко мне свой твердый член. Мои трусики увлажнились от возбуждения, и я застонала. Я попыталась снять с него пиджак, но он не дал мне возможности сделать это.

— Сегодня действительно по-иному? — резко выдохнул он у моей щеки.

Другой рукой он скользнул вверх от талии, и я выгнулась под ним. Мое сердце неистово билось в груди.

Следующее, что я помню: он развернул меня кругом, и моя щека прижата к холодному окну; его рука на талии, и он ловко поддевает пояс на легинсах. Секунда — и Александр стянул их вместе с трусиками.

Я слышала, как он вскрыл пакетик с презервативом, затем звук молнии... Попыталась обернуться, когда он скользнул в меня, чтобы посмотреть ему в глаза, но он грудью прижал меня к окну.

— Ты тоже этого хочешь, не так ли? — прошептал он на ухо, дразня своим дыханием.

Закусив губу, я кивнула. То, что он собирался взять меня у окна, лишь усилило возбуждение, и я превратилась в комок нервов.

Он медленно снял с меня футболку и уткнулся носом в шею, пальцами перекатывая соски. Каждый раз, когда я бесстыдно всхлипывала, он засасывал поцелуем новое место на шее.

— Как хорошо, — прошептал он, — Я ждал этого целый день.

Я толкнулась бедрами назад и ощутила, как его горячий возбужденный член прижался к моей коже.

— Ты сводишь меня с ума, Майя, — произнес он голосом, почти доведенным до отчаяния, что отражало мои собственные чувства.

Я прикусила губу и закрыла глаза, пытаясь замедлить бег мыслей о том, что, как мне показалось, я чувствовала. Он нежно повернул мою голову, потянул, освобождая, прикушенную губу и подарил мне лучший в жизни поцелуй.

Он начал так неспешно, мягкими губами нежно касаясь моих. Его губы вернули меня к жизни. Именно этот деликатный, неожиданный поцелуй дал мне больше, чем жизнь. Я открыла глаза и посмотрела прямо в его, сверкающие в темной комнате. Когда одна рука Александра скользнула с живота вниз и оказалась между моих бедер, он ласково прервал поцелуй. Тем не менее у меня не было сил отвести от него взгляд.

Тот момент нас связал.

Он пытался заглянуть мне в душу. Познать меня. Сломить меня.

Я закрыла глаза.

Мое сердце ёкнуло.

— Ты думаешь, что сможешь спрятаться от меня? — спросил он, его голос был чистейшей мукой для меня.

Когда его пальцы коснулись клитора, у меня перехватило дыхание и мои бедра дернулись, невольно прижимая задницу к его паху.

Он простонал и сильнее потерялся своей эрекцией о меня.

— Сегодня и правда не так, как вчера, да, Майя?

Он начал играть с клитором, пальцем едва касаясь плоти. Было такое ощущение, что все мое тело готово растечься в лужицу; будто я объята пламенем, увлекая его за собой. Всегда увлекая его за собой. Если бы он не держал меня одной рукой за талию, я бы не смогла устоять на ногах.

— Ты не собираешься говорить? — спросил он, нежно покусывая мою шею в точке, где бился пульс.

Я была слишком сосредоточена на том, что делали его пальцы, чтобы еще что-то говорить. Да я бы не смогла связать и двух слов, не то что произнести нечто внятное и вразумительное. Не тогда, когда его пальцы нежно кружили вокруг моего влажного набухшего комочка.

Он ввел в меня два пальца. Я застонала и откинула голову назад, на его плечо.

— Тебе хорошо со мной?

— Да, — выдохнула я, только так он дал бы мне больше удовлетворения.

— Мне тоже хорошо с тобой, Майя, — прошептал он и сильно прикусил мочку уха, заставляя меня всхлипнуть.

Вытащив из меня теперь уже влажные пальцы, он провел ими по моему телу, положив растопыренную ладонь на живот. Я чувствовала себя такой крошечной в его руках. Такой ошеломленной. Заклейменной. Будто я принадлежала ему.

Он убрал вторую руку с моей талии, и я почувствовала, как он направляет твердый член в мою сокровенную щелочку. Я качнулась бедрами назад, предлагая себя, давая понять, что ему даже не нужно спрашивать разрешение.

— Расставь ножки пошире.

Я повиновалась.

— Хорошая девочка. А теперь наклони бедра.

Давление, с которым он нажимал рукой на живот, и сила, с которой он вонзился в меня, заставили меня заскулить, и все мое тело напряглось от его первого толчка. К размеру его члена невозможно было привыкнуть за одну ночь. Черт, я сомневалась, что это вообще возможно. Все мышцы пульсировали от его захвата. Как только мои ноги перестали дрожать, он вышел из меня, оставляя головку члена, а затем проскользнул глубже. Я застонала, совсем не в силах сдерживаться.

— О-о, тебе это нравится, признайся! Ты тоже чувствуешь что-то между нами? Я так страстно хочу твою кожу, твоих прикосновений, Майя. Я жажду их.

Я чувствовала, что тону в своей страсти. Все мое тело дрожало и желало его.

Прислонившись лбом к холодному стеклу, попыталась дышать сквозь тонкую грань боли и удовольствия. Его ладонь вжалась в мой живот, и у меня перехватило дыхание. Мое тело было невероятно наполненным.

Он медленно вышел и снова протолкнулся глубже, насаживаясь до основания члена.

Он застонал мне в шею, когда я ахнула и встала на носочки, пытаюсь хоть как-то

привыкнуть к странному ощущению, которое создавала наша новая поза.

— Тебе нравится, когда я полностью вхожу в тебя? — хрипло прошептал мне на ухо Александр, снова сильно, до хлопка телами, врываясь в меня.

Я дышала прерывисто и смогла только едва заметно кивнуть.

Его рука переместилась с моей талии к груди и сжала ее. Я обессиленно откинула голову ему на плечо, и его жаркое дыхание коснулось моей незащищенной подставленной шеи.

Я едва удерживалась на ногах всякий раз, когда он вбивался в меня, и не могла ничего поделать, кроме как смотреть на его отражение в запотевающем от нашего горячего дыхания окне.

Пульс участился, кожу покалывало, и я постаралась подстроиться под его мучительно медленный ритм. Расставив ноги пошире, начала двигаться быстрее, но он сильнее вжал ладонь в мой живот, и мне пришлось выдерживать его глубокие удары в заданном им темпе.

— Александр, — задыхаясь, прошептала я, почти изнывая от ставшего болезненным возбуждения. — Мне нужно кончить. Ты убиваешь меня.

— Боже, Майя, — прохрипел в ответ так, как будто это именно он страдал.

И вот тогда его выдающееся самообладание рухнуло и он по-настоящему начал трахать меня.

Его пальцы так впились в мой живот, что наверняка появятся синяки, а сам он в бешеном темпе стал вколачиваться в меня.

— Александр, — снова выдохнула я, чувствуя приближающийся оргазм. Тело перестало слушаться, закручиваясь в спирали удовольствия в момент, когда мир вокруг меня рушился, разлетаясь на кусочки. У него была сила погубить меня лучшим из возможных способов.

Я качнулась назад, пытаюсь поймать огромную волну экстаза, прежде чем она станет недостижима, но его голос опередил меня.

— Просто отдайся мне. Выбрось все из головы. Я приведу тебя туда. Ну же, Майя.

Я расслабила тело, что позволило ему буквально вдавливаясь в меня, а сама стонала на весь номер. Я охотно отдалась ему.

— Ты задолжала мне это, детка, — проворчал он, — вчера было для тебя, а сегодня — для меня. Мы будем квиты. Просто доверься мне.

Его слова распалили меня, и мои стоны становились все громче и громче. Он ущипнул меня за живот и далее все время продолжал сжимать его ладонью (и это единственное, что в тот момент удерживало меня на земле, создавая самую сладкую боль), толстым членом врезаюсь в меня, будто шлифуя изнутри.

Когда сознание полностью освободилось от всяких мыслей, все тело напряглось и другой вид тепла распространился по венам, накрывая меня с головой. Я почувствовала, как мои внутренние мышцы сжались вокруг члена.

— О, да, — громко простонал он, закрыв глаза и скользящими поцелуями осыпая спереди мою шею. — Вот так, дорогая, вот так.

Когда он прибавил темп, мои глаза закатились, а тело обмякло. Волны оргазма продолжали накрывать меня. Мышцы пульсировали вокруг его вонзающегося пениса. Я даже не могла понять, когда закончился один оргазм и начался другой.

Я выгнулась, не в силах остановить дрожь, которая, казалось, сотрясала мою душу, и прижалась грудью к окну, изогнувшись под другим углом, чтобы он мог увести меня за горизонты.

Я помню, как умоляла его, снова и снова упрасывая не останавливаться.

Помню, как его успокаивающие слова эхом отдавались в моей голове:

— Господи, Майя. Никогда.

Он застонал, и я заметила, что ему было трудно войти в меня из-за силы моего оргазма. После нескольких резких, напористых толчков он с придыханием прошептал мое имя и глубоко вонзился в меня, погружаясь в собственный экстаз. Мои бедра дрожали, пока член пульсировал внутри меня, а мышцы сокращались, выдаивая его до последней капли спермы.

Следующее острое ощущение — это его зубы на моей шее, покусывающие сверхчувствительную нежную кожу.

По отражению в окне я видела, что он трахает меня с другим чувством. Видела, как его прекрасное лицо расслабилось, как он начал оставлять маленькие влажные поцелуи на моем плече, пока его учащенное дыхание согревало изгиб моей шеи.

Я парила в воздухе. В его объятиях ожила самая лучшая мечта.

Когда наши взгляды встретились на запотевшем стекле, я перестала бороться со своими чувствами, увидев бесконечную глубину его голубых глаз. Я почувствовала, что давление его ладони ослабло. Он поглаживал мой живот, медленно продвигая руку вниз, чтобы приласкать клитор. Мне пришлось прижаться к нему, когда я попыталась увильнуть от его пальцев. После всего того, через что он меня провел, я была податлива и не могла сопротивляться. Я не выдержала бы и легчайшего прикосновения к клитору. Но его наполовину твердый член все еще был впечатляющего размера и очень глубоко во мне, так что мне некуда было деться, совсем.

— Стой спокойно, — прорычал он и осторожно прикусил шею.

Мои глаза закрылись, и легкий стон сорвался с губ.

Как только подушечкой пальца он легонько коснулся клитора, по телу пронесся электрический разряд, отчего с моих губ сорвался еще один стон.

Колени подкосились, и, прежде чем я могла упасть, он обхватил меня рукой, удерживая.

Пальцами повернув мой подбородок, он проглотил каждый мой стон в самом страстном поцелуе, доведя до нового оргазма всего за несколько секунд.

Следующее, что я помню, — это как он подхватывает меня на руки и укладывает в кровать, прикрывая одеялом, а каждый сантиметр моей кожи покалывает, возрождаясь к жизни.

Прикосновение чувствительной кожи к простыням было невыносимым, поэтому, как только он выпустил меня из объятий, мое дыхание сбилось. Я уже скучала по теплу его кожи, по его гулкому сердцебиению, успокаивающему меня.

Я хотела попросить его остаться, вечно держать меня, умолять, если это будет нужно. Мне хотелось сказать ему, что я едва не рассыпалась на кусочки. Сказать, что он мне нужен, чтобы собрать меня воедино.

Но не сказала. Не смогла.

Вместо этого я закрыла глаза и попыталась совладать с дыханием.

Нежно поцеловав меня в лоб, он вышел из моего номера, и тогда первая горячая слезинка упала на подушку.

День девятый...

Прошло три дня с той ночи, когда я проснулась в чужой постели. Оглядев пустую комнату, не увидела никаких признаков присутствия Александра. Подумав, что он, должно быть, уже в своем офисе, я осторожно опустила голые ноги и потянулась, растягивая ноющие мышцы. Обнаружив в углу комнаты рубашку, в которой была вчера, я поспешно надела ее и вернулась в свой номер через открытую дверь.

Заскочив в душ, чтобы смыть пот с тела, я думала о последних трех днях и о том, в какую историю влипла.

После того как он оставил меня засыпать в слезах в моей постели, мы не разговаривали почти сутки до следующего вечера, и на этот раз именно я постучала в его дверь и заявила, что он должен мне еще одну ночь. На самом деле он ничего не был мне должен. Мы квиты. Но то, как я чувствовала себя рядом с ним, что чувствовала к нему... Я не могла устоять. Не тогда, когда знала, что должна уехать через несколько дней и навсегда потерять его.

Слишком сильно я нуждалась в нем, чтобы беспокоиться о чем-то еще.

Всякий раз, когда чувствовала себя паршиво, льнула к нему, будь то днем или ночью. Он ни разу не отказал мне. Когда мы были в постели и я слушала, как бьется его сердце, меня окутывало такое спокойствие, которого я никогда не испытывала раньше. Я знала, что у него был очень напряженный рабочий график, но меня грела одна только мысль, что он хотел меня так же сильно, как я его. Несколько раз замечала, что Адам следил за мной, пока я бесцельно бродила по городу, но в конечном итоге поняла, что не возражала против того, чтобы кто-то заботился обо мне настолько, чтобы присматривать за мной. Я находила в этом удовольствие.

Я твердила себе, что это только на несколько дней, что мне не следует чувствовать вину за то, что использую его подобным образом, но всякий раз, когда я думала, что волшебным образом у меня появится достаточно сил держаться от него подальше, он стучался в мою дверь.

Вчера мы снова оказались в том же лифте и, когда все остальные один за другим разошлись по своим этажам, набросились друг на друга, впиваясь в губы жадным поцелуем, как только двери скрыли нас, словно и не провели всю ночь, задыхаясь в объятиях друг друга. Я даже не поняла, что мы приехали на этаж, где располагался его офис, пока не прозвучал зуммер открытия дверей и от голоса Джексона не треснул наш маленький стеклянный шар.

Почувствовав себя уязвимой и по какой-то причине виноватой, я покраснела, увидев поверх плеча Александра скривившееся в презрительной ухмылке лицо его младшего брата.

Я почувствовала теплые пальцы Александра на подбородке, и он вновь коснулся легким поцелуем моих губ. Он никогда не закрывал глаза, будто пытался впитать все, что должно было отразиться на моем лице.

Когда Джексон снова открыл рот, пальцы Александра напряглись, и он прервал наш поцелуй, а в глазах сверкнул еле сдерживаемый гнев.

— Ты еще не закончил с ней, Алекс? Я удивлен, — сказал Джексон.

Александр развернулся, и его сердечное тепло покинуло меня. Не сказав мне ни слова, он прошел мимо брата.

— За мной, Джексон, — приказал он отрывистым, резким тоном.

Джексон вновь скользнул взглядом по моему зардевшемуся лицу и произнес слова, которые не должны были настолько сильно обидеть меня, но я приняла их близко к сердцу.

— Полагаю, ты довольно хорошая замена Клэр. Не теряешь время на ужины, а сразу тащишь в постель.

Увидев, что достиг цели и на моем лице отразилась боль, он ушел вслед за Александром.

Даже ничего не зная о том, почему он порвал со своей женой, я была вполне уверена, что она сделала какую-то глупость, глубоко ранив его при этом. И также знала, что у него все еще были к ней чувства, с которыми никакая временная замена, как я, не могла конкурировать.

Спустя несколько часов, когда наступила ночь, я решила не идти к нему. Слишком была погружена в мысли, обдумывая сказанное Джексон о бывшей жене Александра.

Но это не остановило самого Александра. В десять вечера он был в моем номере. Я не смогла закрыть дверь и не впустить его.

Он сорвал с меня одежду и подарил мне первый оргазм этой ночи у стены. Через несколько часов мы оказались в его постели, и в этот раз у меня не было сил встать и уйти. Он обнял меня и обхватил ногами, и я погрузилась в спокойный сон, окруженная его теплом.

Все же он успокаивающе действовал на мои сердце и разум, а я начинала становиться зависимой от прикосновений его кожи к моей. Нахождение в его объятиях было ярким моментом в той душевной боли, которую я пыталась пережить. Это также был мой последний день с ним. После этого я останусь лишь крохотным воспоминанием в его жизни.

Ни больше. Ни меньше.

Я никогда не посмотрю в его красивые голубые глаза, не почувствую себя в безопасности. Возможно, я даже никогда не найду такого спокойствия и умиротворения, которые он каким-то образом сумел мне дать за эти последние несколько дней.

Но у меня была собственная жизнь, и настало время вернуться в реальность. Я владела миленьким маленьким кафе, которым сейчас управляла моя лучшая подруга, поскольку мне нужно было быть здесь. Что еще более важно, по возвращении мне придется столкнуться лицом к лицу с жизнью, в которой теперь не было отца. Простое осознание того, что он больше никогда не позвонит мне, сильнее всего причиняло боль.

Вот почему я все утро упаковывала вещи перед отъездом, и, скажи я, что не была опечалена тем, что эта была последняя ночь, которую я проведу с Александром, это было бы величайшей ложью, когда-либо произнесенной мною.

Поскольку погода казалось теплее в сравнении с той, что преобладала с самого моего приезда сюда, я решила воспользоваться возможностью прогуляться по Манхэттену, вместо того чтобы сидеть в номере и сходить с ума из-за вещей, которые не могла контролировать.

Я уже смирилась с тем, что влюбилась в него, но понимала также, что этим все и ограничится. Знала, что его чувства к жене не остыли, а я была никем, всего лишь временной заменой, к которой его влекло по непонятной причине, — вероятно из жалости.

Схватив толстый шарф из небольшого шкафчика, я обмотала его вокруг шеи и, открыв дверь, увидела на пороге подарок для меня.

Взяв большую белую коробку, я занесла ее в номер, поставила на кровать и смотрела на нее как на бомбу, готовую взорваться в любую секунду.

Она была перевязана очень мягкой черной бархатной лентой, из нее же и красивый бант

на крышке; и, хотя я знала, что подарок от Александра, это не остановило порхание бабочек в животе, когда погладила нежную текстуру ленты кончиками пальцев.

Заметив простую белую карточку, закрепленную под большим бантом, я осторожно извлекла ее, не испортив его.

"Будь готова. 21:00".

Два слова и время. Ничего больше.

Сухо.

Кратко.

По делу.

Волнующая дрожь пробежала по телу, и я призадумалась. Я начала слишком привязываться. Не знала, смогу ли распорядиться содержимым этой коробки. Что это символизировало или к чему привело бы?

Для него это была просто еще одна ночь. Скорее всего, приглашение на ужин, перед тем как я покину город, но для меня это значило намного больше.

Дрожащими руками я потянула за ленту, развязывая бант, и подняла крышку.

Первое, что я увидела, — это черные туфли на острой шпильке с ремешками на лодыжках. Положив их на кровать, я достала самое красивое, простого покроя шелковое платье — опять же черное.

Облегающее.

Сексуальное.

Аккуратно положив короткое платье рядом с туфлями, я пыталась отговорить себя от встречи с ним. Даже если это прощальный ужин, мне тяжелее будет забыть его.

Когда слезы хлынули из глаз, я вспомнила сказанное отцом во время одной из наших последних бесед. Мурашки пробежали по моим рукам, и, клянусь, я слышала, как он шептал каждое слово, будто находился со мной в комнате.

"Будь счастлива, моя маленькая звездочка. Бери от жизни все, что сможешь. Хватайся обеими руками, цепляйся за нее. Иногда тебе будет грустно, может больно, и ты будешь злиться... Но несколько дней заставят каждый плохой день твоей жизни стоить этого. Заканчивай каждый день с улыбкой на лице. Будь доброй. Будь благодарной".

Оставив на кровати все, как было, я схватила пальто и кошелек и помчалась из номера, чтобы послушать игру мистера Гарретта.

Вечером без четверти девять я была готова — в шелковом платье и красивых туфлях, присланных им.

Одиночный стук.

Бабочки запорхали у меня в животе.

Сердце затрепетало в груди.

Я помню, как нервничала. Как сжимала пальцы, прежде чем нашла в себе смелость повернуть дверную ручку.

Это ужасное ощущение, когда знаешь, что от одного его вида перехватит дыхание, и я совсем не готова была отпустить это чувство. Нисколько не готова отпустить Александра.

Его угрюмый вид, ухмылку, прекрасные голубые глаза.

Его запах.

Его прикосновения.

Я знала, что когда буду за тысячи миль от него, то именно эту ночь буду вспоминать.

Интуитивно чувствовала это в самых потайных уголках своей души.

С трудом проглотив ком в горле, я сделала глубокий вдох и открыла дверь.

Он стоял в коридоре с таким видом, будто владел всем миром. На нем был простой белый свитер и потертые джинсы. Я прикусила губу, пытаюсь смириться с тем, что возбуждалась, когда видела его небрежно одетым. То, как обычные джинсы смотрелись на нем, как обтягивали его задницу, и в некоторых случаях возбужденный член, — мне трудно было устоять. Я не слышала, чтобы он заходил в свой номер, но должен же он был переодеться, прежде чем прийти за мной, потому что до этого момента я никогда не видела его без деловых дизайнерских костюмов, если не считать спортивной одежды. Вероятно, он хорошо выглядел во всем.

Ублюдок.

Он засунул руки в задние карманы и взглянул на меня из-под полуприкрытых глаз.

— Ты готова, — сказал он, окинув меня взглядом с головы до ног.

— Готова, — нервно улыбнулась я. Быть с ним вот так вот ощущалось как-то по-другому. Новая энергия возникла между нами.

Он поднял бровь. Снова эта самодовольная ухмылка, с ямочкой на одной щеке, появилась на его красивом лице.

— Ты не сердишься на меня за платье и туфли? Я подумал, ты бросишь их мне в голову сразу, как только увидишь.

Моя улыбка стала шире:

— А я бы так поступила?

Его глаза искрились весельем, а улыбка была такой сердечной.

— Да, Майя. Ты единственный человек, который мог бы сделать это.

— Ну что ж, — пожала я плечами, сцепив руки за спиной и переминаясь с ноги на ногу. — Это моя последняя ночь здесь.

Наши взгляды встретились. Выражение его лица смягчилось, и на нем отразилось понимание того, что я сказала.

Мое сердце разбилось.

— Пойдем, дорогая.

Он предложил мне руку.

Мне удалось оторвать от него взгляд и сосредоточиться на протянутой руке.

Наши пальцы соприкоснулись, и он сразу сжал мою ладонь.

Я позволила этим ощущениям раствориться в глубине души: близость, надежность, абсолютный покой, которые только он мог дать моему сердцу.

— Мне нужно взять пальто? — спросила я, прежде чем сделала шаг к нему.

— Мы не будем выходить из здания. Тебе оно не понадобится.

— О, хорошо, — пробормотала я.

Закрыв дверь номера, мы направились к лифтам. Несколько шагов ничего не происходило. Но затем наши руки слегка соприкоснулись, и я взглянула на него из-под ресниц. Вот тогда его большая рука обхватила мою, распространяя тепло на все мое тело.

Это было странное чувство. Меня одновременно обдало и жаром, и холодом. Не думаю, что это было из-за волнения, вовсе нет. Его кожа, мягкая ладонь... Весь мой мир был сосредоточен на наших сомкнутых руках. Это казалось правильным, но в то же время и нет. Мне было и тяжело, и легко. Это ощущалось простым, но при этом очень запутанным. Александр был нереальным. А я все же улыбнулась.

Мы вошли в лифт, и я попыталась обрести душевный покой — хотела насладиться нашей с ним ночью. Насладиться так, чтобы спустя годы у меня осталось по крайней мере хоть что-то хорошее, что не даст забыть об этой поездке. Он был бы моим ярким воспоминанием.

Свободной рукой Александр вытащил черную ключ-карту из левого кармана, просканировал ее на маленьком экране и затем нажал несколько кнопок.

— Что ты делаешь? — спросила я из любопытства.

— Увидишь.

Я вздохнула и заставила себя расслабиться, и будь что будет.

— Должен сказать, было непривычно увидеть тебя с совершенно другой стороны. И я не могу решить, какая из них мне нравится больше.

— О чем ты говоришь? Какая сторона? — взглянула я на него.

— Ты очень сговорчивая этим вечером. Даже когда я скольжу внутри тебя, ты пытаешься сдерживаться, контролировать. Мне кажется, тебе нравится провоцировать меня, как и мне тебя.

Мое лицо покраснело.

— Ты пробуждаешь худшее во мне. Это не моя вина.

— Значит, ты ведешь себя со мной совсем не так, как с другими?

— Определенно нет.

Он сжал мою руку.

— Хорошо. Мне это нравится.

Двери открылись, и я, сделав глубокий вдох, нахмурилась, когда почувствовала сильный запах свежей краски.

Когда я увидела, где именно мы были, то начала смеяться.

Он остановился и вопросительно посмотрел на меня.

— Ты даже не мог заказать для меня ужин? Я знаю, что не такая особенная, но неужели я не достаточно хороша, чтобы заслужить ужин?

— Какое, черт возьми, это имеет отношение к тому, что я привел тебя сюда? Почему ты вообще говоришь что-то подобное?

— А это неправда? Я полагала, что ты всегда приглашаешь своих дам на ужин, прежде чем затащить их в постель.

Двери лифта закрылись позади нас, и в комнате стало темнее. Насколько я могла видеть, здесь делали ремонт и не было никаких осветительных приборов, но яркие городские огни позволяли рассмотреть, что было вокруг. Конечно, когда у вас есть окна от пола до потолка вместо стен, то особого выбора нет.

Благодаря им я смогла увидеть, как он тоже нахмурился.

Отпустив его руку, я осмотрелась. Вокруг пока было немного мебели, всего несколько предметов, прикрытых полиэтиленовой пленкой. Даже полы были устланы ею, из-за этого раздался самый раздражающий шуршащий звук, когда я пошла вперед.

Я осторожно переступила дрель, которая лежала на полу рядом с лестницей.

— Итак, зачем ты привел меня в зону реконструкции? Эти туфли не слишком подходят для этого.

Мы стояли в центре комнаты, и он наблюдал за тем, как я все это воспринимала.

— Пожалуйста, просто заткнись на минуту, пока я не передумал.

Я подняла руки, капитулируя:

— Ладно, прости. Я подожду, пока ты покажешь мне то, ради чего привел сюда.

Он вздохнул, за несколько шагов подошел ко мне и, взяв за руку, повел вверх по лестнице на второй этаж.

Больше полиэтиленовых чехлов.

Больше инструментов.

Я почти поскользнулась на каблуках, но он приобнял меня за талию и не дал упасть.

— Вот что ты делаешь, чтобы привлечь мое внимание, — вздохнул он.

Засмеявшись, я оттолкнула его руку.

— Как же!

Много ведер с краской привлекли мое внимание.

Мы обошли стоящую в центре огромную кровать, опять же таки накрытую пленкой.

Приблизившись к дальней части апартаментов, я подошла к двум открытым французским дверям^[5], ведущим на огромную, площадью по крайней мере в сто квадратных метров, застекленную террасу.

Я взглянула на Александра, но его лицо было непроницаемым. Я, честно говоря, понятия не имела, зачем он привел меня в свой пентхаус, который еще не был отремонтирован.

Когда я медленно прошла на громадную террасу, первое, что попало в поле моего зрения, был кабинетный рояль. Мне даже дела не было до прекрасной панорамы Нью-Йорка, от которой по-настоящему захватывало дух. Но рояль...

— Александр, что это? — я еле выдавила эти слова, когда сердце начало бешено стучать у меня в груди.

— Я хочу, чтобы это было у тебя и твоего отца.

У меня абсолютно не было ни малейшего представления, о чем он говорил, но в ту же секунду, как его слова ворвались в мое сердце, я все же почувствовала жжение в глазах.

— Я не понимаю, — прошептала я, глядя на него.

Что бы он ни увидел на моем лице, это заставило его подарить мне трогательную до глубины души и прекрасную улыбку; он взял меня за руку, подводя к роялю. Когда я спиной ощутила тепло, то осмотрелась и заметила множество электрических напольных обогревателей, размещенных вокруг рояля в том месте, где он оставил меня стоять. Александр все продумал. Он отошел от меня и сел на узкую банкетку перед инструментом.

— Сегодня я немного потренировался, но ты должна простить меня, если ошибусь. Я очень давно не делал этого.

— Ты никогда не говорил, что играл, — сказала я удивленно, все еще пребывая в замешательстве.

Я не знала, что мне делать, куда положить руки, где встать и, самое главное, что сказать.

— А это имело бы какое-то значение? Я играю время от времени, но сомневаюсь, что мелодия выйдет такой же хорошей, как у твоего отца.

Я улыбнулась ему, и первая слезинка, которую так усердно пыталась сдержать, медленно скатилась по лицу. Он встал и нежно обхватил ладонью мою щеку, вытирая влажный след. Я закрыла глаза и попыталась впитать все, что было Александром.

— Я делаю это не для того, чтобы посмотреть, как ты снова плачешь, Майя. Если это заставляет тебя терять контроль, мы не станем этого делать. Не сегодня.

Открыв глаза, я посмотрела на него и попыталась прочесть эмоции на его лице. Но не смогла, потому что он не позволил мне.

— Почему? — спросила я. — Почему ты делаешь это?

— Я говорил. Это для тебя. Чтобы у тебя были хорошие воспоминания об этом месте. Чтобы ты могла побывать в этом городе со своим отцом, как вы и хотели первоначально. Я не он, но...

Подушечкой большого пальца он вытер с моего лица новые следы от слез и, наклонившись, нежно поцеловал меня в лоб. От прикосновения его губ по моим рукам побежали мурашки, и к тому моменту, когда у меня появились силы снова открыть глаза, он уже сидел на банкетке.

Факт того, что между нами тысячи километров, непрерывным шепотом отдавался в моей голове. Я не могла пренебречь этим — Александр недостижим, невозможно быть с ним.

— Ты готова?

— Да, — ответила я, сделав глубокий вдох.

Он коротко кивнул и поднял руки, кончики пальцев замерли в нескольких сантиметрах от клавиш. Именно тогда я поняла, что даже не спросила, что он собирался сыграть.

Если бы я знала... Я бы умоляла его не делать этого.

Что угодно, кроме этой единственной мелодии, каждый раз разбивающей меня, когда ноты оживали.

Равель. "Павана на смерть инфанты".

Ритм моего сердца ускорился, а он нажал первую клавишу, заполняя мой мир, наполняя мое сердце.

Он был прав, что совсем не был похож на моего отца, но когда я закрыла глаза, то все еще могла представить его улыбающееся лицо, по мере того как эта запавшая в память прекрасная пьеса захлестнула меня.

Воспоминания обрушились на меня, и я сделала шаг назад. В них было так много счастливых моментов, так много смеха.

Это для отца идеальный подарок. Идеальная мелодия, чтобы вспоминать о нем, подарить ему это мгновение в этом городе.

Холод, тепло, музыка, мои воспоминания, Александр, отчаяние, которое я чувствовала... Все это захлестнуло меня. Все это сразу же наполнило мое сердце, и я хотела свернуться в клубок и тут же умереть в этот идеальный момент.

Когда рыдание сорвалось с губ, мне пришлось зажать рот, чтобы заглушить всхлип и не испортить то, что Александр для меня сделал. Он был так сосредоточен, его взгляд был таким напряженным. Его пальцы ни разу не ошиблись в нотах, и я неотрывно наблюдала за этим со смешанными чувствами.

Этот посторонний, приводящий в бешенство, но прекрасный мужчина дал мне больше, чем я даже могла пожелать, а через несколько часов я должна буду от него отказаться...

Один миг — и его будто никогда и не было.

Один-единственный миг — и я останусь для него ничем иным, как блекнувшим воспоминанием.

Когда мне удалось унять дрожь в руках, я прерывисто вздохнула и села рядом с ним. Наши бедра соприкоснулись, и его мышцы напряглись. Он мельком взглянул на меня, но продолжал играть дальше, не пропуская ни единой ноты.

Я наблюдала, как его пальцы парили над клавиатурой, и погрузилась в окружающую его ауру. Я вбирала все, что он желал мне дать.

Через пять минут он нажал последнюю клавишу, и музыка медленно угасла.

Гнетущая тишина повисла между нами на несколько секунд. Я не знала, как сказать этому мужчине "спасибо тебе". Этому сложному, однако в чем-то прямодушному, прекрасному мужчине, в которого я начала влюб... Так что я молчала и пыталась дышать сквозь зашкаливающие эмоции.

Когда стало ясно, что я не смогу с этим справиться, подошла к краю террасы, разглядывая захватывающий городской пейзаж.

Потом спросила:

— Веришь ли ты в любовь к кому-то каждой частичкой души, разума? Веришь во что-то такое всепоглощающее, что однажды все прочувствуют на себе, если им повезет найти того самого правильного человека?

Я услышала, как он приблизился, но у меня еще не было сил посмотреть ему в лицо.

Он вздохнул:

— Да, Майя. Я верю, что у каждого человека есть тот, с которым у него особая связь. Кто-то, кого они будут любить больше всех на свете. Или, как ты сказала, кто-то, кто поглотит их. Но это не означает, что необходимо искать такого человека. Это не всегда приносит пользу.

Я взглянула на него со слабой улыбкой на губах:

— У тебя с женой было так же, да? Я почувствовала связь между вами.

Его обычная морщинка, когда он хмурился, стала глубже, но он так и не посмотрел на меня.

— Бывшей женой, — исправил он мою ошибку суровым голосом. — Связь, которую ты, должно быть, почувствовала, была простым напряжением. Она вовсе не является "тем самым" человеком для меня.

— Ты можешь лгать мне обо всем, о чем пожелаешь, но не лги самому себе. Твою боль было видно. Что она тебе сделала, что ты так сильно ненавидишь ее?

— Это не та тема, которую мне удобно с тобой обсуждать.

Даже если я на самом деле почувствовала укол от его слов, они недостаточно задели меня, чтобы причинить боль. И честно говоря, я уже знала, что он ничем не станет делиться со мной. Мы не были так близки. И никогда не будем.

Так что я кивнула и перевела взгляд на мерцающие огни города, пока напряжение

между нами не переросло во что-то опасное.

Начиная по-настоящему ощущать холодный зимний воздух, я обхватила себя руками и стала ладонями растирать плечи, чтобы согреться. Внезапно почувствовала, как еще одна пара рук обняла меня со спины.

Я закрыла глаза и стала наслаждаться его прикосновениями.

— Калифорния?

Горячее дыхание щекотало мою шею, и я кожей почувствовала нежное прикосновение его губ.

— Ты не сдаешься в поисках ответа на этот вопрос, да? Нет, не Калифорния. Вообще-то, ты очень далек от истины.

— Почему ты не говоришь мне, где живешь?

— Полагаю, я упрямая. Также, думаю, тебе нравится загадка, тебе нравится тот факт, что я по тебе не сохну.

— Ты так думаешь? — хрипло спросил он.

Я повернулась в его объятиях, чтобы посмотреть ему в глаза, а он обхватил мою талию руками, прижав меня сильнее к груди.

— Я это знаю, — смело ответила я.

Он не прервал зрительный контакт, и я сделала все возможное, чтобы запомнить его черты, зная, что в последний раз вижу его.

Я грустно улыбнулась ему, он же сосредоточенно разглядывал мои губы.

— Мне нравятся твои глаза, — тихим голосом призналась я.

Он посмотрел на меня удивленным взглядом:

— Ты делаешь мне комплимент?

В этот раз моя улыбка была искренней.

— Это, наверное, единственное в тебе, что заслуживает комплимента.

Он откинул голову назад и от души расхохотался. Я впервые услышала его искренний смех.

— Спасибо. Рад, что ты нашла хоть одну особенность, которая реабилитирует меня.

— Не за что.

Он вздохнул и заправил прядь моих волос за ухо, погладил пальцами мой подбородок, прежде чем вернуть руки обратно мне на талию.

— Думаю, я буду скучать по тебе, мисс Харт. Если бы ты просто сказала, где живешь, может, я смог бы приехать к тебе. Ты бы хотела этого?

Если бы он только знал...

Несмотря на то, как его слова воздействовали на меня, я спросила:

— Можешь сыграть для меня еще раз, Александр?

Несколько мгновений он ничего не говорил. С каждой секундой он вглядывался все более напряженно, но не сводил с меня глаз. Я была готова распасться на тысячи осколков от такого пристального взгляда, поэтому посмотрела поверх его плеча.

— Пожалуйста, — прошептала я.

Отступив на шаг от меня, он взял меня за руку и подвел к маленькой банкетке. Я села рядом с ним, наши тела соприкасались.

Тогда он снова заиграл пьесу. Это было почти так же хорошо, как слышать игру моего отца, это был лучший подарок, который он мог мне дать: мое детство — необыкновенное, счастливое и печальное.

Когда он второй раз за ночь сыграл последнюю ноту, я влюбилась в него.

Потерявшись в водовороте своих эмоций, я села к нему на колени и уткнулась лицом в шею. Вдохнула его роскошный аромат, держась за него, будто боялась упасть с пятидесятиэтажного здания.

Он крепко прижимал меня к себе, ничего не говоря.

Я была согласна сидеть так и проводить часы в его объятиях, но у нас не было столько времени, у нас не было ничего. Мое тело напряглось, и он перестал гладить мои руки.

— Я такая размазня, — прошептала я в его шею, пытаясь вытереть слезы.

— Не могу расслышать, что ты говоришь, детка. Может, тебе немного отодвинуться от меня?

Подняв лицо, я снова была поражена его чистой красотой. Меня заворожили его высокие острые скулы, едва заметная щетина на щеках, резкие очертания челюсти. Все в нем было притягательным и абсолютно недостижимым.

— Я такая размазня, — повторила я, в это раз осознанно понимая, как выглядела: тушь размазалась, лицо, вероятно, было красным и в черную полосочку.

Он приподнял мой подбородок и заглянул в глаза.

— Ты моя маленькая прекрасная размазня, Майя.

Мое сердце взлетело от его слов, ощущаясь не разбитым, а цельным и наполненным. Он вытер новые слезы, как делал много раз до того, и нежно поцеловал меня.

Я приоткрыла губы и приняла все, что он готов мне был дать. К сожалению, он не перевел это в ту стадию, в которую бы мне хотелось. Его теплая рука легла на мою шею, и очень скоро он завершил поцелуй, слегка чмокнув меня в припухшие губы, и прижался лбом к моему.

Я закрыла глаза и представила другое завершение того, что будет с нами завтра. Я представила реальность, где я всегда буду чувствовать его объятия. У меня было бы это необъяснимое чувство каждый день моей жизни. Наши души в единении.

Мои руки задрожали на его твердой груди, я открыла рот, и слова просто сорвались прежде, чем я смогла остановиться:

— Может быть, в другое время это могло бы перерасти во что-то.

— Я верю, что это уже что-то, Майя.

— Да...

Он был прав. Это уже было чем-то. Но не тем, чего было бы достаточно. Не для меня. Не тогда, когда у него все еще кто-то был в сердце. Не тогда, когда я не могла быть той, в ком он нуждался, кого хотел. Даже жаждал.

— Может быть, потом это стало бы чем-то большим.

— Да, может быть, — пробормотал он и нежно поцеловал мои закрытые веки.

Это было так заботливо, что причиняло боль моему сердцу, и я снова была вынуждена закрыть глаза. Почти зажмуриться.

— Завтра я покину тебя, Александр Росс. Как только я окажусь в самолете, я забуду тебя, — сказала я, выдохнув.

Его руки замерли на моих бедрах, и я открыла глаза. Он даже не мог посмотреть мне в лицо.

— Чем еще ты хочешь заняться сегодня? — спросил вместо этого.

Я выдавила улыбку. Мы подошли к концу моей мечты.

— С меня хватит на сегодня. Мне завтра рано вставать.

Я встала с его колен, несмотря на руки, удерживающие меня.

Морщинка, которую я так сильно полюбила, снова появилась на его лице. Я буду скучать по всему в этом мужчине.

— Во сколько твой вылет?

— В семь утра.

— Я отвезу тебя в аэропорт.

Он начал вставать, но я положила свою руку на его и остановила.

— Думаю, мне нужно побыть одной, Александр. Я не смогу отблагодарить тебя достаточным образом за то, что ты для меня сделал сегодня. Но... думаю, мне нужно готовиться к завтрашнему дню.

Он наклонил голову набок, вероятно пытаюсь понять внезапную перемену. Как я могла сказать ему, что боялась отпустить его? Как могла сказать, что не хотела улетать? Или как сильно хотела быть для него кем-то большим...

Пока мы молча ждали прибытия лифта, я повернулась к нему лицом:

— Тогда, думаю, это прощание.

— Это не прощание, Майя. Все не так просто.

— Что заставляет тебя так говорить?

Он пытался встретиться со мной взглядом, но я уже пресекла мысль о том, чтобы быть с ним. Я уже сдалась.

— Ты, — ответил он. — Ты все усложняешь.

Двери лифта открылись, и, прежде чем я вошла, он рукой остановил меня и запечатлел на моих губах поцелуй.

Я приняла его, потому что знала: это будет наш последний поцелуй. Когда он рукой обхватил меня за шею, прижимая ближе к телу, я сделала шаг назад и вошла в лифт, мое дыхание сбилось.

Я избегала его взгляда, а когда двери наконец закрылись, то смахнула одинокую слезинку.

Как только я вошла в свой номер, то поняла, что что-то было не так. Дверь, отделяющая меня от Александра, была распахнута, а я была уверена, что, когда уходила, она была закрыта. После первой ночи никто из нас не запирает ее, но почему-то мы и не оставляли ее широко открытой.

Я понятия не имела, что ожидала обнаружить в номере, но, осторожно пройдя вперед, увидела Клэр — бывшую жену Александра, сидящую на моей постели, и это было последним, что я могла себе вообразить.

— Что ты делаешь в моем номере?

— О, а вот и Золушка. Вижу, Алекс уже придел тебя.

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

Встав, она пристально осмотрела меня с головы до ног.

— Это, — начала говорить она, указав рукой на мою одежду, — во вкусе Алекса. То, в чем он хотел бы видеть меня. И насколько я помню, в прошлый раз, когда видела тебя, ты не выглядела так, будто можешь позволить себе "лубутены".

Перед ней трудно было не чувствовать себя ущербной. Особенно когда она сама с головы до ног была одета в дизайнерскую одежду. Даже ее волосы без особых усилий выглядели великолепно.

— Он хорош в постели, не так ли? Настоящий зверь, если дать ему волю. Я с трепетом вспоминаю те ночи, когда он шептал мне на ухо, как сильно любил меня. То, что он трахнул тебя, ничто, лишь злость ко мне, а если ты думаешь, что особенная, потому что он купил тебе несколько вещичек, ты ошибаешься. Он любит наряжать свои завоевания, потому что хочет, чтобы они хорошо выглядели рядом с ним. Его репутация, видишь ли, более важна для него, чем что-либо еще. Тебе не понять.

— Убирайся из моего номера, пока я не вызвала кого-то выставить тебя.

Я чувствовала, как от едва сдерживаемого гнева у меня дрожали руки.

— О, милочка. Этот отель почти мой. Если кого и выставят, то тебя, а не меня. К тому же я пришла сюда, чтобы повидаться не с тобой. Я была в номере мужа и поняла, что дверь не заперта. Из чистого любопытства подождала, чтобы увидеть, кто сюда придет, и не могу сказать, что слишком удивилась, обнаружив здесь тебя.

Я проигнорировала ее угрозы выставить меня, потому что она бы не смогла ничего сделать. Не важно, как сильно Александр любил ее, я знала его достаточно, чтобы понять, что он никогда не позволил бы этому случиться. И еще я не была уверена, как он отреагирует на присутствие Клэр в моем номере. Я понятия не имела, чью сторону он примет, и у меня не было намерений выяснять это.

Чувствуя себя эмоционально истощенной, я сделала глубокий вдох и открыла дверь, через которую только вошла.

— Я тебя не знаю, так что не собираюсь быть частью того, что происходит между вами. С какой бы целью ты ни пришла, иди и поговори с ним.

— Конечно, ты не будешь частью этого, милочка. Ты никогда и не была частью этого. Завтра ты уезжаешь. Я видела, как ты смотрела на него недавно. Хотела удостовериться, что у тебя нет никаких ожиданий насчет Алекса. Понимаешь, я просто присматривала за тобой. Я и так знаю, он все еще влюблен в меня. Ему просто нужно некоторое время, чтобы яснее

на все посмотреть.

— Превосходно. Если ты так уверена в его любви, зачем тогда ты здесь? Убедиться, что я знаю о его любви к тебе, или просто напомнить об этом себе, дабы облегчить боль от того, что он трахает не тебя?

Прекрасная улыбка на ее лице была вымученной, и она прищурила глаза, глядя на меня.

— Алекс никогда не разлюбит меня. Через несколько дней ты станешь для него никем, а я все еще буду здесь.

— Рада за тебя. — Я махнула рукой в сторону выхода. — Теперь убирайся.

Клэр неторопливой походкой направилась из моей комнаты, словно ей было море по колено.

— Приятного полета, Майя. Рада была познакомиться. — Она перекинула волосы через плечо, будто уходила после дружеской беседы.

Я боролась с желанием хлопнуть дверью за ее спиной, и это было самым трудным из того, что я когда-либо делала.

То, что она оказалась в моем номере, не было самым лучшим, что могло произойти сегодня, но прекрасно напомнило, почему мне никогда не быть с Александром. Не тогда, когда Клэр все еще претендовала на него.

Не тогда, когда я даже не жила в одной с ним чертовой стране.

* * *

Прежде чем я успела прийти в себя из-за слов его бывшей жены, послышался настойчивый стук в дверь.

Сделав глубокий вдох, я выпрямилась и открыла ее.

— Что делала Клэр в твоём номере, Майя? Что она наговорила тебе? — спросил Александр твердым как сталь голосом. Убийственное выражение его лица не имело ничего общего с тем, как сексуально он хмурился.

— Почему бы тебе не пойти и не спросить у нее?

— Я пришел к тебе, Майя. У меня нет времени на ее ложь. Скажи, что она наговорила?

Я развернулась, но он сделал шаг вперед и схватил меня за запястье, не дав сбежать.

Ему не нужно было повторять, его взгляд говорил сам за себя.

— Ничего, кроме заявленных на тебя прав и проверки, есть ли у меня перед отъездом какие-нибудь романтические фантазии по поводу нас.

— У нее нет на меня прав, — настойчиво утверждал он.

— У тебя все еще есть к ней чувства, Александр. Не понимаю, почему ты избегаешь ее. И я правда не понимаю, что ты делаешь здесь? Почему бы не пойти за ней?

Я осторожно высвободила запястье, и он отпустил меня. Закрыв дверь, Алекс проследовал за мной в комнату.

— Я здесь, потому что мне нужно знать, где ты живешь.

— Зачем? Ты собираешься приехать? Чего ты от меня хочешь? — спросила я раздраженно.

Он не ответил. Вообще-то, это не имело значения, потому что я уже знала ответ.

— Или тебе нужно знать, чтобы ты мог приехать ко мне ради быстрого перепихона,

когда заблагорассудится?

— Чего ты хочешь от меня? Открыто признать мою любовь к тебе? — выпалил он.

— Когда это я намекала, что мне от тебя что-то нужно? Я знаю, что ты не можешь мне ничего дать, — устало ответила я.

Дать ненадолго, во всяком случае.

— Подожди, ты ждала чего-то большего? Потому что я не ищу серьезных отношений. Я просто не могу.

— Поверь, ты не должен объясняться, я уже это знаю, — сказала я и отвернулась.

Сев на краю постели, потеряла переносицу. Все, чего я хотела, — это лечь спать. После такой прекрасной ночи все, чего хотелось, — это заснуть. Открыв глаза, я увидела носки его блестящих туфель. Он встал передо мной на колени и положил одну руку мне на бедро. Моя нога дернулась, когда я ощутила тепло, разливающееся по венам. Другой рукой он приподнял мой подбородок и встретился с моим усталым взглядом.

— Я не могу дать тебе того, что ты заслуживаешь, Майя. Но мне все равно хотелось бы узнать тебя лучше.

Я невесело рассмеялась, и нежность, которую я видела в его глазах, сразу испарилась.

— Ты вообще слышишь, что слетает с твоих уст? Ты хочешь узнать меня лучше?

Я оттолкнула его руку от своего лица и потянулась к его руке на моем бедре, но он усилил хватку на нем, так что вместо того, чтобы прикоснуться к Александру, я сжала в руке край простыни.

— Я неточно выразился. Я имел в виду, останься еще на неделю. Знаю, тебе нравится быть со мной так же сильно, как и мне с тобой. Так останься. Я еще не готов тебя отпустить.

— Как бы сильно я ни боялась столкнуться с этим миром лицом к лицу, у меня все еще есть жизнь, к которой нужно вернуться. У меня свое кафе, и мне нужно вернуться туда.

— Неделя ничего не изменит. Скажи мне, откуда ты, я сменю дату вылета. Останься, Майя.

В любом другом случае мне бы понравилось слышать от него эти слова. Но он не просил меня остаться, потому что волновался за меня или даже хотел, чтобы я была рядом. В каком-то смысле я, должно быть, стала для него вызовом. Стала той, которая не поддавалась его шарму, его деньгам или задумчивой сексуальности.

Я просто была для него загадочной игрой. Игрой, в которой никто из нас не выйдет победителем.

Я положила свою руку на его и наклонилась к губам. Тотчас наши языки переплелись, и он, возвышаясь надо мной, опрокинул меня спиной на кровать, поставив колено между моих ног, чтобы развести их шире.

— Ты остаешься? — прошептал он мне в губы, затаив дыхание.

Единственный ответ, который я могла ему дать, был поцелуй. Если он играл, я тоже могла сыграть в его игру. Если же нет — это была наша последняя ночь, и я хотела его прикосновений к телу, смешения наших дыханий.

— Почему ты хочешь, чтобы я осталась? — спросила я, когда любопытство одержало надо мной верх

Он растегнул на мне платье и накрыл грудь ладонью, проворчав со вздохом на ухо:

— Мне нравится твоя улыбка, она такая красивая, но так редко появляется на твоём лице. Я еще хочу видеть ее.

Медленно он поднял колено выше и коснулся им пылающего между моих ног огня. Я

заёрзала под ним.

— Я не останусь, чтобы ты мог насладиться моей улыбкой. Это глупо, Александр.

— Мне нравишься ты. Твоя личность. Твое отношение к семье.

Его губы двинулись по моей щеке к шее, и он нежно лизнул ключицу. Рукой проскользнув по влажному следу, он сдернул вниз лифчик и ущипнул меня за сосок.

Я застонала, ухватившись за его плечи.

— Мне нравится, какая ты решительная. С каждым днем ты становишься все сильнее и сильнее у меня на глазах. Это притягивает...

Его губы продолжали ласкать мою шею, оставляя на пути горячие поцелуи.

Услышав то, что он сказал, я рассмеялась:

— Сильная? Я едва могу устоять на ногах, когда думаю об отце. Очевидно, ты бредишь. Я не си...

Я запнулась, когда он ощутимо прихватил зубами мой тугий сосок; его рука переместилась на другую грудь, в то время как он ласкал сосочек, посасывая и глубоко вытягивая его в рот. Я выгнула спину дугой на постели, потираясь о его бедро.

От одних лишь прикосновений и ласк я дрожала, почти умоляя его овладеть мной.

С громким причмокиванием он выпустил сосок и нежно облизал красную сморщенную вершинку, потом убрал колено, и я, прежде чем могла удержать его между бедер, слабо запротестовала. Александр прижался к губам и проглотил стоны, медленно пробираясь рукой в мои трусики.

— Кажется, ты перестаешь себя контролировать только в единственном случае — когда лежишь подо мной. И мне бы хотелось, чтобы ты оставалась в таком положении подольше. Разве ты не должна мне? Я играл для тебя сегодня.

Я попыталась оттолкнуть его обеими руками. Когда из этого ничего не вышло, то попробовала вытащить его шаловливую ручонку из моих трусиков, но он уже ощутил, какая я была влажная, коснувшись меня ладонью, и как раз буквально скармливал два своих пальца внутри меня, двигая ими, как поршнем.

Головокружительное, сладкое тепло разлилось по моему телу, когда ему удалось протолкнуть пальцы дальше сквозь тугие мышцы, в сумасшедшем темпе потирая точку G подушечками пальцев.

Мне пришлось закрыть глаза. Я должна была сосредоточиться. Подумать.

Мое сердцебиение ускорилося, и я не могла дышать спокойно, чтобы связать слова воедино и достаточно ровно произнести их.

— Ты сыграл мне, чтобы трахнуть? — удалось выдавить мне сбивчиво.

Я пыталась сомкнуть ноги, чтобы его пальцы не могли двигаться во мне, но он своим бедром удерживал их широко раздвинутыми. Мои руки оказались бесполезными, когда я схватила его за запястья. Я даже не была уверена, пыталась ли остановить его или просто хотела убедиться, что он продолжит это делать.

— Нет. Ты позволила бы мне оказаться в твоей постели даже без рояля.

Пальцы Александра выскользнули из меня как раз тогда, когда я со всей силы ударила его по плечу. Он отодвинулся лишь на несколько сантиметров и, прежде чем я смогла встать, всем торсом прижался к моей груди, глубже вдавливая меня в постель.

Сильно обидевшись на сказанные им слова, я снова ударила его, а он осторожно обхватил мои руки свободной рукой и завел их над моей головой.

— Придурок, отпусти меня, — прошипела я сквозь зубы.

Пыхтя под ним, я, посрамленная, сгорала от стыда и от досады, потому что он был прав. Я позволила бы ему оказаться в моей постели, даже если бы он не сыграл для меня. Видимо, у меня совсем не было никакого чувства собственного достоинства.

— Видишь? Эту борьбу? Ни от кого не терпишь оскорблений и унижений. Даже от меня! Вот что мне нравится. Вот почему я хочу, чтобы ты осталась подольше. Дай мне еще одну неделю, — прошептал он мне на ухо.

— Ты бредишь.

Его свирепый взгляд прожигал меня, и я еще усерднее начала вырываться из-под него. Я делала все, что могло освободить мои руки из его хватки, но она не ослабевала. Всем своим весом он давил на меня.

— Отпусти меня! — подняла я голову и прокричала это ему в лицо.

Как только слова сорвались с губ, он обрушил свои уста на мой рот, заставляя нас обоих застонать от этого слияния. Его пальцы снова вошли в меня, а мои ноги самопроизвольно раздвинулись шире.

Я ненавидела то, как реагировало мое тело на его прикосновения. Ненавидела, что его ненасытность мною по какой-то причине возбуждала меня.

Он углубил поцелуй, одновременно согнув пальцы и снова начав поглаживать мою точку G. Я оторвалась от его губ и сделала глубокий судорожный вдох. Пытаясь сдержать стон, втянула его язык себе в рот, и он простонал в ответ, быстрее и сильнее двигая пальцами.

Каждый раз, когда его пальцы входили в меня, ткань его свитера терлась о мои чувствительные соски, увеличивая доставляемое мне удовольствие. Утраивая каждое ощущение.

Когда мои внутренние мышцы начали вибрировать вокруг его пальцев, я сдавленно ахнула, не прерывая поцелуя.

Неистово приподнимая бедра вверх, безмолвно умоляла о большем. Тело пылало от необходимости ощутить его. Я была в секунде от рыданий, чтобы попросить о большем.

Когда он добавил еще один толстый палец и вошел глубже, моя голова откинулась назад и глубокий стон вырвался из души. Я не смогла сдержать оргазм, прокатившийся по телу. Пока я дрожала под ним, он замедлил движения рукой, но продолжал внутри нежно массировать, облегчая мое состояние после сильной кульминации.

Казалось, мои конечности жили отдельной жизнью, лоно горело необъяснимым пламенем. Я была уничтожена.

Заметив, что больше ничто не удерживало мои руки над головой, я просунула их между нашими телами. Моя киска все еще пульсировала вокруг его пальцев, а мозг по-прежнему был затуманен. Я положила одну дрожащую руку на его плечо, а другую ему на руку, останавливая его движения.

— Пожалуйста, Александр. Не надо больше, — прошептала я, чувствуя, как мышцы на бедрах подрагивают после потрясающего оргазма.

— Ты кончаешь сильнее, целиком отдаваясь ощущениям, когда сопротивляешься мне. Тебе нравятся мои прикосновения, твое тело жаждет меня. Признай, что это так, и задержишься подольше в городе. Разве ты не хочешь подробнее исследовать это?

Его глаза так неистово горели, что мне было сложно отвести взгляд.

Наклонившись, он взял мой правый сосок в рот и нежно коснулся его языком, продолжая сминать мою грудь.

Я ничего не могла поделать, кроме как поддаться нахлынувшим на меня ощущениям. Везде, где его кожа касалась моей, меня словно обжигало, электризуя все тело.

Было так ошеломительно находиться к нему настолько близко... чувствовать его прикосновения.

— Нет, не хочу, — судорожно глотая воздух, я отвернулась в сторону, пытаюсь вернуть самообладание, когда мое тело стало успокаиваться.

— Ты лжешь, — пробормотал он, и до меня донесся звук расстегивающейся ширинки.

Я закрыла глаза и... Как бы мне хотелось набраться сил, чтобы оттолкнуть его! Но не могла. Он знал это так же хорошо, как и я.

— Я могу расслышать, как колотится сердце в твоей груди, Майя, — ласково промурлыкал он. — Я нужен тебе. Ты хочешь меня. Я предлагаю тебе себя еще на одну неделю. Соглашайся, воспользуйся этим

Я услышала, как раскрывается пакетик с презервативом, спустя несколько секунд он был полностью голый и возвышался надо мной, срывая с меня трусики, а затем потянул меня вниз.

С трудом дыша от удивления, приподнялась и села, сердито глядя на него.

— Полегче, — огрызнулась я, и он посмотрел на меня так же неистово сердито.

— Почему? — спросил он и медленно лег на меня, опираясь на локти и заставляя лечь меня тоже.

Я почувствовала, как его твердый член прижался к моей киске, но не могла оторвать от него глаз.

— Ты лжешь, — повторил он. — Останься со мной еще на одну неделю. Я не прошу ничего больше. — Выражение его лица было суровым, черты наполнены смесью страсти и разочарования.

От его взгляда я почувствовала себя потерянной. Даже его прекрасные голубые глаза потемнели от упрямства.

— Нет, — прошептала я, слишком взволнованная тем, что он окажется внутри меня.

Одной рукой Александр проскользнул между нашими телами, и у меня перехватило дыхание, когда он медленно ввел набухшую головку члена внутрь меня, но не двигаясь дальше. Покачиваясь и ёрзая, я попыталась вобрать его, но хватка руками на моих бедрах усилилась, так что я остановилась.

Переместив руку мне на талию, он пристально смотрел на меня достаточно долго — и я дерзнула наговорить еще немного гадостей.

Александр стал более угрюмым, будто понимал, что я не отступлюсь, и это в какой-то степени — я знала — еще больше распаляло его.

— Давай, продолжай то, что начал. Я все равно не останусь с тобой.

— Майя, — вздохнул он, опустил голову и внезапным движением вонзился внутрь, выбивая из меня дух.

Я вскрикнула.

Он слегка отстранился и со вторым толчком вошел в меня полностью. Я ахнула, задыхаясь.

— Майя...

Мне нравилось слышать, как мое имя слетало с его губ, но я все еще не привыкла чувствовать его в себе. Каждое нервное окончание внутри лона пылало, и мне пришлось ухватиться за его плечи, чтобы оставаться на месте, а не сползти по кровати и выскользнуть

из него.

Когда он снова толкнулся в меня, всхлип сорвался с моих губ, и его обеспокоенный взгляд встретился с моим.

— Ты в порядке?

— Да-а-а. Да, — едва слышно бормотала я.

Он был большим и таким невероятно твердым. То, что он давал мне и что зарождалось во мне, было слишком сильным. Царапая пальцами его кожу, как когтями, я впиалась в него, ожидая следующего глубокого толчка.

Он не разочаровал. Простонав, снова толкнулся в меня, умудрившись каким-то образом войти еще глубже. Мои глаза закатились, а дыхание участилось, пока он продолжал таранить меня.

Он станет моей гибелью. Эмоционально. Мысленно.

Он одарил меня еще несколькими слабыми толчками, и каждый раз, когда мое тело подбрасывало вверх, а грудь покачивалась от силы его напора, я крепче держалась за него. Меня не волновало, поцарапаю ли я ему кожу. Он уже разрушил меня; он заслужил каждый шрам, который, возможно, получит от меня.

Расслабив одну руку, я коснулась его груди, чтобы ощутить сердцебиение. Он переживал это так же остро, как и я. Его сердце колотилось под моей рукой, соответствуя ритму моего собственного.

От его пылкого взгляда моя рука замерла, и, вместо того чтобы смотреть ему в глаза, я сосредоточилась на его губах.

— Теперь, когда ты можешь почувствовать, что заставляешь меня ощущать, ты останешься со мной?

Я не ответила ему.

Он вынул член и снова скользнул в меня. Мышцы на его руках и широких плечах напрягались от каждого сильного толчка.

Я вскрикнула, и его язык проник мне в рот. Поглощая каждый мой стон, он трахал меня так, будто был во мне в последний раз. Будто завтра наступит конец света.

— Я схожу по тебе с ума, Майя. Рядом с тобой я не могу контролировать себя, — продолжал он шептать эти слова мне в шею.

Он вновь припал к моим губам в настойчивом, отчаянном и голодном поцелуе. Я растворилась в нем. Каждый толчок доводил меня до предела. Каждый хлопок телами заставлял меня стонать и умолять о большем.

Когда его бедра терлись о мои, я ощутила еще большее напряжение, все мое тело было как туго натянутый лук, отчаянно нуждаясь в высвобождении, которое только он мог мне дать.

— Скажи мне, где ты живешь, Майя, — прорычал он, вдавливаясь в меня глубже, со злостью.

Рассыпавшись под ним на мелкие кусочки, я ждала, что он соберет меня воедино, словно мозаику. Совсем не могла говорить, летала в облаках, которые он дарил мне.

Моя кожа пылала на ощупь. Его блестела от пота.

Обеими руками он поднял мои ноги так, чтобы они обхватили его бедра, и каким-то образом вошел еще глубже, достигнув именно той идеальной точки, где мне нужен был его большой пенис.

— Майя, — резко произнес он, когда мышцы вагины начали сильно сокращаться,

пытаясь вытолкнуть его член.

Это только заставило его сильнее войти в меня, отчего мой оргазм стал лишь слаще. Я крепче схватилась за него, боясь свободного падения в невесомость. Боясь утонуть в том, что он заставлял меня чувствовать.

— Александр, — выдавила я, почти всхлипывая от невероятного оргазма.

Мои руки начали бесконтрольно трястись, наши стоны слились воедино.

Я не могла остановить сокращение внутренних мышц вокруг члена, сдавливая и обволакивая его.

Он прижался лбом к моей шее и простонал:

— Черт, Майя... Дерьмо!

Я услышала, как его дыхание сбилось, и была уже достаточно вменяема, чтобы сообразить: он тоже мощно кончил.

Его тело содрогнулось над моим, и я затряслась вместе с ним, как лист; задор и кураж покинули мое обмякшее тело, сил отстаивать свои намерения не было.

Он продолжал входить в меня размеренными толчками, продлевая наше удовольствие.

Я умоляла его остановиться:

— Пожалуйста, Александр, прекрати. Это уже чересчур много. Слишком чувствительно.

Он никогда не слушал меня, лишь крепче сжал в объятиях, наши тела идеально подходили друг другу.

Его твердость к моей мягкости. Жар нашей кожи создавал чертов ад между нами. Для нас обоих.

— Не могу тебя отпустить. Не сейчас, — пробормотал он.

Я не была уверена, говорил ли он о моем завтрашнем отъезде или о его медленных, но непрерывных выпадах. Как бы то ни было, то, что он делал с моим телом, привело ко второму оргазму, потрясшему меня. Сладкий, но все еще острый от глубины ощущений, он вызвал покалывание во всем теле.

У меня снова сбилось дыхание, и он поцеловал меня, все еще находясь внутри. Я ответила на его поцелуй, потому что не было ничего большего, что я предпочла бы сделать. Не после того, как он просто отбросил всё прочь от меня и наполнил истинным удовольствием.

Его язык был прохладным, мягким и сладким. Я, не торопясь, запоминала его вкус. Он простонал мне в губы и с нежностью углубил наш поцелуй, все еще медленно как никогда. Это было превосходно. Идеальное завершение.

Я почувствовала, как скатилась одинокая слезинка, и обрадовалась, что его глаза были закрыты.

Он неторопливо исследовал мой рот, полностью подчиняя себе.

— Лучше? — спросил он, подняв голову.

— Да, — вздохнула я.

— Что ты делаешь со мной, Майя?

От его пронизательного взгляда мое сердце на мгновение замерло, но я все же смогла улыбнуться.

Это обрадовало его. Он снова сосредоточился на моих губах. Его пальцы нежно скользнули по ним, явно осведомляя меня о его интересе.

Дрожащими руками я коснулась его волос, осторожно скользя пальцами сквозь них, и он закрыл глаза, показывая, как сильно ему нравятся мои прикосновения.

— Ничего из того, чего бы ты не делал со мной, — прошептала я но уху, когда он придвинулся достаточно близко.

От пронзительного звонка его телефона мы отпрянули друг от друга. Когда он вытащил из меня полуэрегированный член, я поморщилась, ненавидя ощущение пустоты, которую он оставлял после себя. Прежде чем взять телефон из кармана, он снял презерватив и выбросил его в мусорную корзину в ванной. Я наблюдала, как он перемещался по номеру, его нагое тело было удовольствием для моих глаз. Для меня Александр был совершенством. Он потянулся за брюками, наклонив широкие плечи, мышцы живота напряглись.

Его встревоженный голос вывел меня из задумчивости, и мне удалось сосредоточиться на том, что он говорил, одновременно пытаюсь натянуть брюки.

— Не волнуйся, дорогая, ты не побеспокоила меня. Я буду там так скоро, как смогу.

Он завершил разговор и потянулся к свитеру, совершенно игнорируя меня. Я прикрыла покрывалом свое голое тело, желая быть в этот момент где угодно, только не здесь.

Сколько женщин было в распоряжении у этого парня? Неудивительно, что я стала для него большим вызовом. Когда он снова был одет, будто ничего между нами не произошло, будто между нами и не было самого жаркого соития всего несколько минут назад, он наклонился и нежно чмокнул меня в губы.

Обычный короткий поцелуй. Я даже не успела увернуться.

— Я не хочу уходить от тебя вот так, но мне нужно идти.

Ему было нужно быть с Натали. Не со мной. Он уже взял от меня то, что хотел. Я ничего для него не значила.

Мы встретились взглядами, но я молчала. Кроме того, во мне иссякло желание бороться. Не было необходимости повторять то, что уже было сказано.

— Я не сдаюсь, Майя. Я не отпущу тебя. Не тогда, когда чувствую себя подобным образом, не тогда, когда думал, что ни одна женщина не будет способна сделать это. Тебе лучше быть в этой постели, когда я вернусь. Начиная распаковываться. Поверь, тебе не понравится, если я приду за тобой. Не играй со мной в игры.

— Александр, я не могу...

— Нет. Не отвечай прямо сейчас. Просто подумай об этом, сама поймешь, что это правильное решение. — Он встал с постели. — Мне на самом деле нужно идти, это важно для меня. Натали нуждается во мне.

Слышать, как он говорит, что кто-то еще нуждается в нем... Это разбило мое сердце. Безрассудное и глупое, но ему все равно больно.

— Я вернусь, как только смогу. А ты пока обдумай то, что я сказал, ладно?

Клэр... Натали... Я даже не знала, кто она или что значила для него.

Когда он уже собирался уйти, то оглянулся на меня и остановился. Может, потому, что я не проронила ни слова, а может, из-за подавленного выражения на моем лице. Как бы то ни было, он вернулся, обхватил мое лицо руками и нежно поцеловал в лоб.

Не ожидала, что от прикосновения его губ к моей все еще разгоряченной коже мне станет так больно и обидно. Я закрыла глаза, пытаясь от всего абстрагироваться. В последний раз я чувствовала его и не могла прикоснуться в ответ. Не могла позволить рукам ласкать его кожу или целовать его тело, вкушая каждый сантиметр. Я не могла сказать "Прощай".

— Я хочу, чтобы ты осталась, Майя. Ты это понимаешь?

— Ты ошибаешься, Александр.

— Тогда дай мне шанс доказать тебе это.

Он медленно поднялся и ушел.

Это был последний раз, когда он прикасался ко мне.

Я встала с постели и поспешно оделась. Вошла в ванную комнату и просто одним махом скинула все с полки в одну из сумок. Затем открыла шкаф и убедилась, что ничего не забыла.

Не помнила точно всей последовательности своих действий после его ухода, но помнила печаль. Помнила гнев. Безысходность.

Хотя не прошло и часа с тех пор, как он закрыл за собой дверь, я хотела выбраться отсюда, и поскорее, чтобы не встретиться с ним лицом к лицу. Мне необходимо было уехать, посмотреть я ему в глаза, не смогла бы просто развернуться и уйти.

Так что когда я собрала все свои вещи и две небольших сумки, которые привезла с собой, уже стояли у двери, то сделала глубокий вдох и вернулась назад к незаправленной кровати.

Я больше ничего не могла сделать. Приезд сюда должен был принести мне хоть какое-то облегчение. Я собиралась сдержать обещание, данное отцу, и встретиться с мужчиной, которого ненавидела. Тем не менее все вышло не так, как предполагалось.

Я кое-кого встретила.

Покорила неизбежному.

Моей несбыточной мечте.

Я подняла глаза и посмотрела на яркие огоньки. В каждом из них теплилась жизнь, записывались воспоминания. Будь то боль, счастье, печаль или радость — время всегда утекает сквозь пальцы.

Если это была боль, которую мы испытали, то однажды она станет просто плохим воспоминанием. Возможно, от пережитого на нас останутся шрамы, но и это пройдет.

Если это было счастье, смех... то возвращаться к обыденности сложнее. Трудно испытывать такую же радость снова и снова. Особенно если теряешь источник счастья.

Схватив ручку и листок, которые положила на кровать несколько минут назад, я постаралась объяснить, почему не могла остаться с ним даже на одну неделю. Когда дело было сделано, положила записку на подушку, утерла слезы и ушла.

Как только я взялась за ручки багажа и открыла дверь, столкнулась лицом к лицу с озадаченным Адамом.

— О, привет, Майя. Я как раз собирался... — его глаза уткнулись в сумки, которые я держала в руках, потом встретились с моими, выражение лица стало немного встревоженным.

— Но ты не можешь уехать. Александр сказал, ты остаешься. Он хотел, чтобы я пришел сюда и удостоверился, что все именно так.

— Я никогда не говорила ему, что останусь, Адам.

Я обошла с багажом вокруг него и проверила, что закрыла дверь.

— Извини, я должна успеть на свой рейс.

На долю секунды я подумала, что Адам так и останется стоять на месте, но не удивилась, когда он вошел со мной в лифт.

— Почему? — спросил он. — Я видел вас вместе. За последние несколько дней... вы оба выглядели счастливыми. На твоем лице не было всегдашней печали. Почему ты не остаешься?

Я слегка улыбнулась ему в ответ. Кто бы мог подумать, что я буду скучать по его

милому личику, всюду следующему за мной?

— Я приехала сюда не для того, чтобы остаться, Адам. Этот вариант даже никогда не рассматривался. Я хотела бы этого, правда хотела, но не так. Кроме того, уверена, ты уже знаешь, что он все еще влюблен в свою жену. Он никуда от нее не денется.

Он повернулся ко мне и попытался заглянуть в глаза, но я смотрела на мигающие в нисходящем порядке красные цифры. Почему-то это дало мне странное ощущение покоя. Если не обращать внимания на гулкие удары моего сердца.

— Вы разные, ты — другая, поверь мне. Он тоже поймет это. Иначе не попросил бы тебя остаться.

— Адам, у меня есть своя жизнь. И он попросил меня о неделе, нельзя за несколько дней выбросить кого-то из головы. Требуется время. Намного больше времени.

Двери распахнулись, и я вышла. Адам следовал прямо за мной.

— Хорошо, дай мне секунду, — сказал он, и я увидела, что он достает телефон из кармана. — Подожди всего секундочку, я позвоню Александру, и ты скажешь ему все это сама. Он послал меня к тебе удостовериться, что ты осталась. Пожалуйста, просто поговори с ним.

Я положила свою руку на его, прежде чем он смог дозвониться, и нацепила широкую улыбку на лицо:

— Было очень приятно познакомиться с тобой, Адам.

Его лицо вытянулось:

— И мне тоже, Майя. Мне тоже. Я действительно хочу, чтобы ты осталась.

Я развернулась и сделала первый шаг из его отеля. Я не могла найти в себе сил, чтобы оглянуться.

День десятый...

После моей короткой встречи с Адамом я направилась прямо в аэропорт — задолго до того, как должна была. Я не хотела рисковать и столкнуться с ним лицом к лицу. Не смогла бы, глядя ему в глаза, раз и навсегда сказать "прощай".

Пробираясь через толпу людей, я бесцельно брела, сама не зная куда. Сдав багаж на проверку, прошла к контрольно-пропускному пункту. Чем быстрее я попаду на посадку, тем лучше.

Прождав в очереди долгое время и пережив досмотр, вызвавший неприятные ощущения, я снова накинула пальто, схватила сумки из ящика, в котором они были, и отошла подальше.

Вот тогда-то и услышала, как кто-то зовет меня по имени...

Закрыв глаза и позволив этому звуку достичь каждого уголка моего сердца и души, я повернулась, возможно, с самой печальной улыбкой на лице, сдерживая невыплаканные слезы.

Он не улыбался, что на самом деле не было новостью. Он хмурился с первого дня нашей встречи. Теперь же, на прощание, его угрюмый вид был вполне уместным. Мне нравилась его улыбка, но было бы неправдой, если бы я сказала, что в равной степени не наслаждалась тем, как он сердится. Сейчас же конкретно этот хмурый взгляд на его лице свидетельствовал, что он был зол на меня за то, что я вот таким образом бросила его. Это лишний раз доказывало, что он не привык, когда все идет не по его плану, и был удручен, что не смог все проконтролировать. Я это понимала, но не могла ничего поделать.

Мои глаза наполнились слезами, но я сделала все, чтобы продолжить улыбаться.

— Спасибо, — беззвучно и медленно произнесла я одними губами, чтобы он мог понять — это было от чистого сердца.

Он закрыл глаза, будто я причинила ему боль. Эти прекрасные голубые глаза. Боже, я знала, что они все равно будут преследовать меня до конца жизни.

Несколько человек перекрыли мне обзор, и я потеряла Алекса из виду. Я высматривала его, но не нашла на том же месте. Затем услышала, как объявили мой рейс, и поняла, что у меня осталось очень мало времени, чтобы пройти на посадку.

Это было искушением — остаться, потеряться в нем. Однако у меня была своя жизнь, которая ждала дома. Быть может, непривычная и в одиночестве, но все же пока еще жизнь. И хуже всего, что и у него тоже. У него была красивая жизнь, женщина, которую он все еще любил или думал, что любит.

Когда я снова увидела его, он пытался протолкнуться через людей, ища меня взглядом.

Приятно быть тем человеком, которого искали эти голубые глаза. Знать, что ему было не все равно.

Я встала на цыпочки, и наши взгляды встретились.

— Майя, это не должно так закончиться! — прокричал он, и мое сердце снова ощутило покой, как это было в самый первый раз, когда он коснулся моей души.

Я махнула ему рукой, и что-то внутри меня сломалось.

Он не помахал в ответ. Все, что я видела, — это как быстро вздымается и опускается его грудь.

Дав себе лишь несколько секунд, чтобы запомнить его прекрасное лицо, я заставила

себя развернуться и побежать к выходу на посадку.

Когда первые слезы покатались из глаз, я осознала, как ошибалась, думая, что смогу вычеркнуть его из памяти.

Слезы текли по моему лицу.

— Я забуду его, — шептала я себе снова и снова.

"Александр..."

Я много думала об этом последние несколько дней и пришла к выводу, что ты был моей неизбежностью. Ты стал именно тем человеком, с которым мне было суждено встретиться в какой-то момент нашей жизни. Тем, кто меняет все. Ты тот, кто заставляет душу тосковать, ведь она осознает, что теряет часть себя. Я не смогла бы держаться подальше от тебя, даже если бы и захотела.

Возможно, ты даже не догадываешься, что дал мне силы, когда мне это больше всего было нужно. Ты будешь удивлен, узнав, как простое прикосновение и нежный поцелуй могут заставить ощутить момент чистой радости, надежды, спокойствия.

Горе порой бывает всепоглощающим. Иногда оно может накатить, когда совсем не ждешь. И ты, Александр, был со мной в каждый из таких моментов, показывая мне, как не падать духом. И хотя я знаю, что буду для тебя ничем иным, как угасающим воспоминанием, все произошедшее с нами навсегда останется со мной. Я никогда не забуду, как ты коснулся маленькой частички моего сердца.

Если бы нас было только двое, я бы никогда не оставила тебя. Как бы мне хотелось, чтобы мы влюбились друг в друга, возможно, тогда... это смогло бы перерасти в нечто большее. Но я знаю, что так не будет. Вот почему мне нужно вернуться в Швецию.

И в тот момент, когда я сяду в самолет, я перестану страдать по тебе, Александр Росс. Но сейчас, в последние несколько часов, ты будешь моим светлым пятном в этом несправедливом мире. Моим особенным воспоминанием.

Майя".

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

Телефонная док-станция — стационарная конструкция с разъёмами для некоторых электронных устройств, служащая для быстрого одновременного подключения к кабелям электропитания, передачи данных, голоса или мультимедийного трафика.

Жозеф Морис Равель — французский композитор, дирижёр, один из реформаторов музыки XX века.

"Павана на смерть инфанты" (фр. *Ravane pour une infant défunte*) — написанная Морисом Равелем в 1899 году фортепианная пьеса, которая сразу завоевала симпатии любителей и профессионалов. Впоследствии сам композитор сурово оценивал эту пьесу, находил ее музыку несовершенной. "Павана" завоевала такую популярность благодаря искренности выражения светлой, чуть печальной лирической эмоции. Отсутствие виртуозных трудностей сделало "Павану" доступной и для любительского исполнения.

Стэйнвэй энд санс (англ. Steinway & Sons) — всемирно известная компания-производитель фортепиано. Основана в 1853 году.

Французская дверь имеет максимальную площадь остекления. От обычной она отличается шириной проема. Если она занимает меньше половины стены, то французской ее можно назвать с большой натяжкой. Такая дверная система дает возможность панорамного обзора.